

Патрисия Паринежад / SPEECH Чобан & Кузнецов

проект
россия/
project
russia

Издатель: Алексей Муратов
Главный редактор:
Наталья Почечуева
Арт-директор: Евгений Корнеев
Консультанты редакции:
Виктор Маслаков,
Григорий Ревзин
Дизайн, верстка:
Александр Альберт
Переводы на английский:
Людмила Ложнева,
Джон Николсон

Издатель и учредитель:
ООО «Объединенные проекты»
Печать: ЗАО «Алмаз-Пресс»
Периодичность: 4 раза в год
Тираж: 5 000 экз.
Дата выпуска: 29.01.2012

ООО «Объединенные проекты»
Москва, Б. Дровяной пер., 20, стр. 2
Тел.: +7 495 6980318

Биеннале_Контекст

Барт Голдхоорн
об архитектуре и рынке 04

Биеннале_История

Николай Малинин:
Россия на биеннале в Венеции 06

Биеннале_Куратор

Сергей Чобан:
Люди любят пространственные
игры 14

Биеннале_Вспомнить все!

Путч в Венеции:
вспоминают кураторы 28

Итоги года_Мысли

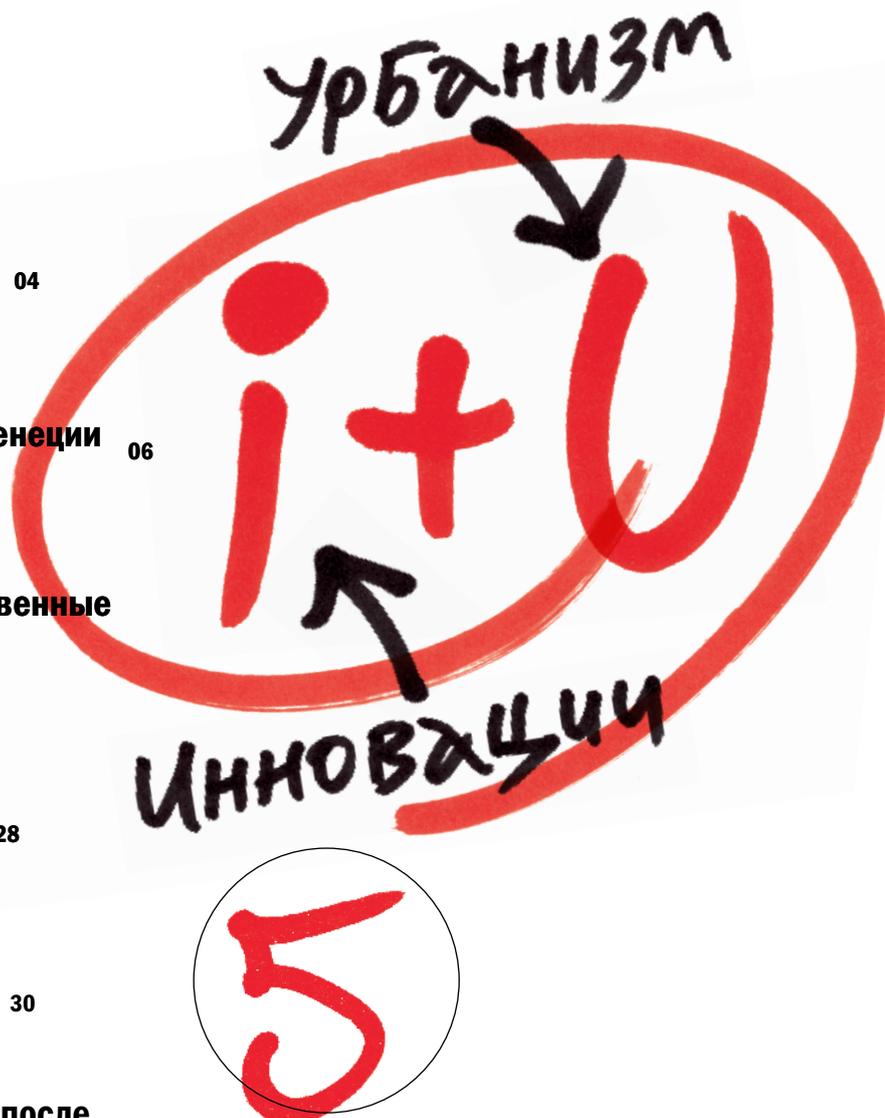
Григорий Ревзин:
Год выдался сложным! 30

Новый город_План

Центральная зона: До и после 36

Новый город_События

Презентация ГиперКуба 38

Журнал о «Сколково»
и городской среде
Январь 2013

Biennale_Context

Bart Goldhoorn
On Architecture and Market 04

Biennale_History

Nikolai Malinin:
Russia at the Venice Biennale 06

Biennale_Curator

Sergei Tchoban: People Like Space Games 14

Biennale_Total Recall!

Putsch in Venice: Curators Reminisce 28

Year Results_Thoughts

Grigory Revzin: It Was a Hard Year! 25

New City_Plan

Central Zone: Before and After 36

New City_Events

HyperCube Presentation 38

Российский павильон на XIII Венецианской биеннале. «Окулус» в верхней части QR-купола навеван ассоциацией с древнеримским Пантеоном

Этот выпуск *i+U* не похож на предыдущие. Вы не найдете здесь сложных аксонометрий, «трактатов» о ретерриторизации, объект-центричности и жизнеустойчивости девелопмента, а также рассуждений о судьбах больших и малых городов. На этот раз мы решили сфокусироваться всего на одном городе, но зато на каком – Венеции! Вернее, на крохотной ее части – садах Джардини, где осенью проходила XIII архитектурная биеннале. А еще на нашем национальном павильоне – пряничном домике в неорусском стиле, построенном перед самым началом Первой мировой

Алексеем Щусевым. Одним словом, укрупнить масштаб. / И все из-за специального упоминания жюри, которого удостоилась экспозиция России. Удостоилась впервые за последние двадцать лет. За весь тот срок, что наши архитекторы показывают свои проекты в Джардини. Разве мы могли умол-

Елена Петухова / Elena Petukhova

чать о такой победе, особенно если учесть, что выставка была посвящена «Сколково»? Связка иннограда с биеннале вообще очень крепка. Можно сказать, он зародился в Венеции. Судите сами. Куратор этого года – Дэвид Чипперфилд, куратор прошлого – Кадзуо Седжима, позапрошлого – Аарон Бецки. Все они являются членами Градсовета и формируют облик «Сколково». / Но какой бы ни была причина, побудившая нас так подробно говорить о биеннале, главное, что мы можем подкрутить настройку резкости и приблизиться к людям и объектам, с ней связанным. Например, увидеть Венецию 1991 года глазами Андрея Некрасова, куратора тогда еще советского павильона на биеннале, совпавшей с путчем в Москве. Перед нами замелькают веселые итальянские рабочие, в последнюю минуту монтирующие выставку, заляпанные краской студентки, персики, каналы, макеты МАРХИ, плывущие в гондолах. Или можем услышать живой голос Александра Бродского, куратора 2006 года, и ощутить под ногами сухие шуршащие листья на аллеях Джардини, про которые он пишет в своем эссе. / Этих остановившихся кадров бесконечно много. Потому что у каждого человека своя Венеция. / Я, например, помню казахскую юрту, установленную Тотаном Кузембаевым в 2008 году возле Арсенала, помню, как засмотревшийся на нее гондольер не вписался в поворот и в воду полетели разодетые к вечерней презентации гости биеннале. Помню особое чувство, с которым мы исполняли каждодневный ритуал, проходя от катера к выставке через крошечный бар, принадлежащий итальянским коммунистам. Была короткая дорога, но мы шли длинной и обязательно заглядывали в темное, увешанное портретами Ленина и Че Гевары помещение. Чтобы день был счастливым, следовало не спеша опрокинуть рюмочку граппы и только после этого двигаться дальше. На прощание толстый основательный хозяин неизменно спрашивал, кивнув в сторону Джардини: «А вы все строите?» – «Строим». – «Ну стройте, стройте!»

Наталья Почечуева
Главный редактор
журнала *i+U*

Editorial This issue *i+U* is different from the previous ones. There are no complex axonometric projections, “treatises” on re-territorization, object-centricity or sustainable development, or discussions on the fate of big and small cities. This time we’ve decided to centre on just one city, but it is Venice! Or rather, on its tiny section, the Giardini gardens, the venue of the 13th Architecture Biennale last autumn. Another focus is our national pavilion, the gingerbread house in the Neo-Russian style built by Shchusev just before World War I. In short, it will be a closer focus.

The only reason for the decision is the award of the Jury’s Special Mention to the Russian display. This happened for the first time in the past 20 years, the entire period our architects have been presenting their projects in the Giardini. Could we have ignored this victory, especially in view of the fact that the theme of our display was Skolkovo? The link between the Russian i-city and the Biennale is indeed very strong. One can say that the i-city was born in Venice. Judge for yourselves: the curators of the latest Biennale, David Chipperfield, of the previous one, Kazuyo Sejima, and of the one before that, Aaron Betski, are all members of the Skolkovo Urban Council and contribute to shaping the i-city.

But whatever the reason for our talking about the Biennale in so much detail, the most important thing is that we can use our telephoto lens, as it were, to come closer to people and things related to it. For example, we can see Venice in 1991 through the eyes of Andrei Nekrasov, the curator of the then Soviet pavilion at the Biennale, which was held at the time of the putsch in Moscow. There will flicker before our eyes jolly Italian workers, putting the display together at the last minute, girl students, their clothes splattered with paint, peaches, canals and MARCHI models floating aboard gondolas. Or we can hear the voice of Alexander Brodsky, the 2006 curator, and feel under our feet the dry rustling leaves in the Giardini alleys, which he describes in his essay.

There are very many such still frames because, indeed, everyone has his or her own Venice.

I remember a real Kazakh yurta set up by Totan Kuzembayev near the Arsenale and a gondolier who, gazing at it, missed a turn and dumped into water his passengers, Biennale guests dressed up for an evening presentation. I remember a special feeling of performing our daily ritual as we passed from our boat to the exhibition through a small bar run by Italian communists. There was a shortcut, but we always chose the longer route and dropped into the dark room hung up with portraits of Lenin and Che Guevara. To have a lucky day, one had to savour a small grappa before going on. By way of good-bye, the portly boss always asked us, nodding towards the Giardini: “So you keep building, hmm?” “We do.” “Well, keep on, build!” Natalia Pochechueva

От редакции – *i+U*

Биенале – Город Земли

Гонконг – Шэньчжэнь

Китайская биенале урбанизма и архитектуры проходит одновременно в двух городах, но с общей темой. Инициатором биенале был Шэньчжэнь, первая архитектурная выставка прошла здесь в 2005 году, а в 2007-м к нему присоединился соседний Гонконг. Молодой Шэньчжэнь, которому едва минуло 30 лет, и футуристичный, но уже известный бурную историю Гонконг отлично подходят для разговоров об урбанизме. В этом году города-побратимы проведут уже пятую биенале.

Подробности на hkszbiennale.org

Венеция

Самая авторитетная биенале архитектуры в мире. Когда-то она была лишь частью большой художественной биенале, но в 1980 г. вылилась в отдельное событие. Здесь все как у «старшей сестры»: национальные павильоны, звездные кураторы (на 2014-й приглашен Рем Колхаас), «Золотые львы» в качестве призов и атмосфера вечного праздника. Венецианская биенале привлекает множество посетителей, благо длится каждая выставка по несколько месяцев. Проходит она по четным годам, так что в 2013-м мы ее не увидим.

Подробности на www.labiennale.org

Роттердам

Летом 2012 года биенале в Роттердаме прошла в пятый раз. Особенность голландского форума – сильный уклон в сторону урбанистики: выставки и семинары посвящены не отдельным постройкам, а пространству города в целом. Каждый год формулируется тема, вокруг которой и строится концепция. Обстоятельные голландцы придумали темы уже на несколько лет вперед – так, девизом грядущей биенале 2014 года будет URBANBYNATURE.

Подробности на www.iabrt.nl

Осло

Выставка в Осло претендует на роль ведущей площадки для обсуждения проблем архитектуры для всей Скандинавии, которая вообще отличается тем, что эти проблемы интересуют здесь едва ли не каждого. Триенале в Осло – это точка пересечения для архитекторов, политиков, прессы и публики со всего мира, поэтому большая роль отводится не только выставкам, но и семинарам, открытым дискуссиям и лекциям. Ближайшая триенале пройдет осенью 2013 года, и ее темой будет Really sustainable – действительно устойчивая архитектура.

Подробности на www.oslotriennale.no

Пекин

История Пекинской архитектурной биенале началась в 2004 году, когда китайскую столицу захлестнул строительный бум, приуроченный к Олимпийским играм 2008 года. Поэтому первые годы главным экспонатом был сам Пекин, плавно переходящий к другим городам. Биенале звезд мировой архитектуры. Биенале проходит регулярно раз в два года, правда, в прошлом году она задержалась и стартует осенью 2013-го. Темой является ответственность архитектуры перед будущим. Ответственность как социальная, так и экологическая.

Подробности на www.abbeijing.com

Сан-Паулу

Бразильская биенале архитектуры – старейшая в мире. «Архитектурная линия» выделилась в самостоятельное мероприятие из Биенале искусств в Сан-Паулу уже в 1973 году, хотя регулярно стала проходить только с 2003-го. Уверенно занимает почетное второе место по масштабам и степени влияния. Схема позаимствована в Венеции: кураторская выставка и национальные проекты, но на этом сходство заканчивается, все отмечает более радикальный характер бразильского зрителя и тягу к размаху. Например, размер главной площадки, выставочного павильона, построенного Оскаром Нимейром, равен шести футбольным полям. Последняя биенале прошла в декабре 2011-го, следующую ждем в 2013 году.

Подробности на www.iabsp.org.br

Бразилия

У Софийской триенале собственное название – «Интерарх». Она проводится с 1981 года, длится в среднем 4 дня и отличается довольно узкой направленностью: это не светское мероприятие для любопытствующих, а серьезная профессиональная выставка-форум. Место проведения в этом смысле тоже характерное – не модный выставочный зал, а Университет архитектуры. Последняя триенале прошла в 2012 году, так что ближайшую ждем не раньше 2015-го.

София

Второй по «возрасту» архитектурная биенале также родом из Латинской Америки: в чилийском Сантьяго форум проводится с 1977 года. В прошлом году он прошел уже в 18-й раз. После крупного чилийского землетрясения 2010 года акцент последних двух выставок естественным образом сместился в сторону реальных проектов реконструкции.

Подробности на www.bienalidearquitectura.cl

Москва

В Москве собственная биенале появилась недавно – только в 2008 году. Проходит она параллельно с еще одной архитектурной выставкой, «Арх Москвой», которая проводится каждый год, начиная с 1995. Разница между биенале и «Арх Москвой» довольно значительная, но все-таки она есть. «Арх Москва» – скорее коммерческая история, нацеленная на налаживание деловых контактов, в то время как биенале – история культурная, призванная обсуждать важные для архитектуры вопросы. К примеру, в последний раз она была занята поиском идентичности.

Подробности на moscowarchbiennale.ru

Таллин

Организаторы Таллинской биенале честно признаются, что намерены создать современный балтийский аналог успешной скандинавской триенале в Осло, в которой задействованы довольно широкие слои общественности и которая позволяет многим высказаться на самые животрепещущие темы архитектуры и урбанизма. Тема грядущей в 2013 году (пока лишь второй по счету) биенале – Recycling Socialism.

Подробности на www.tab.ee

Лиссабон

Триенале в Лиссабоне – одна из самых молодых международных архитектурных выставок, осенью этого года она пройдет в третий раз. Свою миссию организаторы видят в том, чтобы понять и обсудить роль архитектуры в современном обществе. Слоган этого года – Close, Closer («Ближе, еще ближе»). Главным мотивом станут размышления на простую тему, как сблизить архитектуру и ее конечного потребителя. В течение трех осенних месяцев в различных залах Лиссабона пройдут выставки, конференции и обсуждения, а город на время станет одной из архитектурных столиц Европы.

Подробности на www.trienalidelisboa.com

Сантьяго

Вторая по «возрасту» архитектурная биенале также родом из Латинской Америки: в чилийском Сантьяго форум проводится с 1977 года. В прошлом году он прошел уже в 18-й раз. После крупного чилийского землетрясения 2010 года акцент последних двух выставок естественным образом сместился в сторону реальных проектов реконструкции.

Подробности на www.bienalidearquitectura.cl

Когда я впервые организовал Московскую биеннале архитектуры, помню, как наш великий и ужасный архитектурный критик Григорий Ревзин завершил свою разгромную статью восклицанием: «Никакая это не биеннале!»

Два в одном

Не стану отрицать, тот первый блин был далек от совершенства – в конце концов, начинать всегда трудно. И если окунуться в историю самой известной архитектурной биеннале в Венеции, можно увидеть, что в период между ее основанием в 1980 г. и пятым смотром, проведенным в 1991 г., мероприятие было весьма ограниченным по масштабам и размерам. Но что бы я ни говорил, всегда найдутся критики, которые будут требовать невозможного – чтобы запускаемый в России проект сразу встал в один ряд с существующими уже десятки лет западными аналогами. Ну и пусть требуют, это их проблема! Однако есть один фундаментальный вопрос, который, безусловно, заслуживает серьезного рассмотрения: что вообще представляет собой архитектурная биеннале и чем она отличается от любой другой выставки?

Начнем с самого очевидного – определения: выставка или мероприятие, проводимое в области искусства раз в два года, именуется биеннале. Существуют еще триеннале (проводимые раз в три года), quadriennale (раз в четыре года) и даже quinquennale (например, «Документа» в Касселе). Из самих названий становится ясно, что эти мероприятия отличаются от очевидных ежегодных выставок. Разумеется, биеннале – самый популярный из такого рода смотров. И организуется повсюду. Поясню почему: вероятно, это связано с временем подготовки. Будучи одним из кураторов «Арх Москвы», я знаю по собственному опыту, что очень трудно подготовить ежегодную выставку с новой темой. Именно так обстояло дело с выставкой «Арх Москва». Без реального бюджета и при наличии огромного количества не соответствующих заданной теме проектов, это выливалось в пустую формальность вместо

**Барт Голдхоорн
комиссар Московской биеннале архитектуры,
издатель журнала
«Проект Россия»**

Павел Пахомов / Pavel Pakhomov

4

того, чтобы быть генератором контента. Между двумя выставками был слишком короткий промежуток времени. Идея должна была родиться, обрести оптимальное выражение, затем ее следовало донести до потенциальных участников, которые должны были успеть подготовить свои проекты.

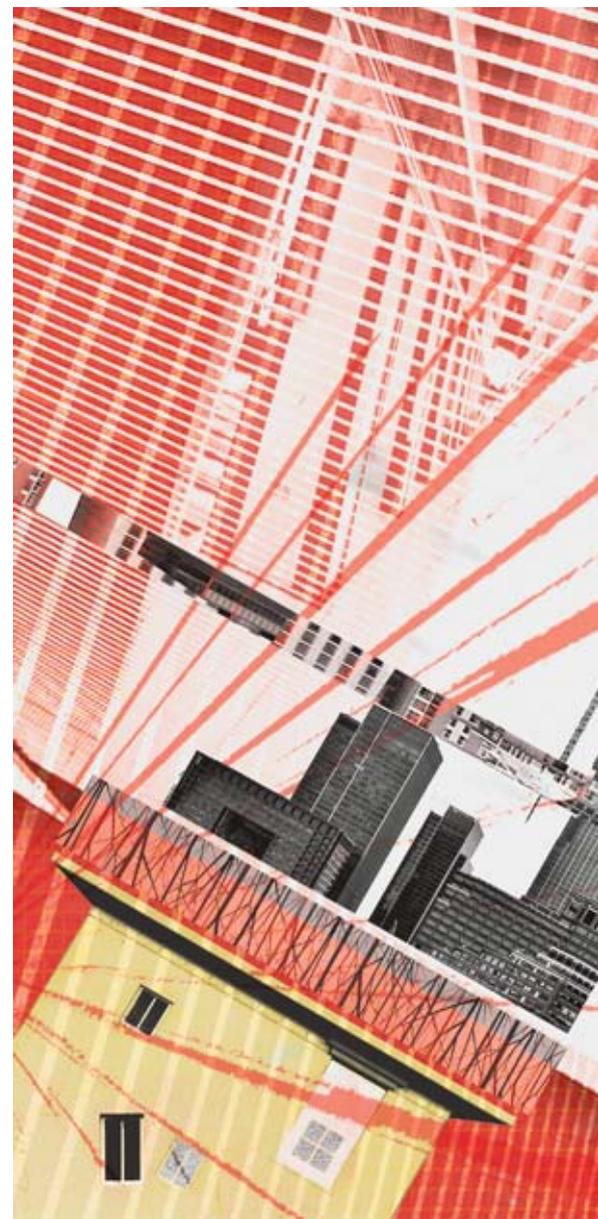
Чтобы увеличить подготовительный период и сделать контент «Арх Москвы» более актуальным, было решено проводить тематические выставки раз в два года. Потом возникло еще одно начинание – программа NEXT, которая знакомит с работами молодых архитекторов. Смена поколений неизбежна, так что программа автоматически генерирует новые работы и новые таланты. Сейчас, в рамках этой выставки (которая, кстати, тоже является биеннале по определению), уже сформировались постоянные разделы, в том числе генеральный раздел «Архитектор года», премия «Авангард» лучшему российскому архитектору в возрасте до 33 лет, раздел учебных студий архитектурных институтов и подборка лучших дипломных работ за последние два года.

Только оперевшись на эти постоянные выставки как на основу, «Арх Москва» может расширять горизонты и включать в себя некоторые другие проекты, не изменяя при этом своему главному ориентиру. Отсюда основной посыл всех архитектурных проектов – создание города будущего.

В случае с биеннале все гораздо сложнее. Такой смотр призван что-то сказать миру, и это высказывание должно найти отражение в каждом из проектов. Поэтому перед куратором стоит задача выявить такие проекты и надеяться, что их создатели найдут средства и внесут свой вклад в общую экспозицию. Однако оказалось, что финансировать все это совсем непросто – с 2008 года у биеннале не стало основного спонсора. А это значит, что трудно выдерживать правильное соотношение между тем, что ты хочешь и что можешь.

Архитектура и рынок

Вероятно, не случайно популярность Венецианской биеннале выросла за 32 года, истекшие с момента проведения первого смотра в 1980 г. Проходившая под руководством Паоло Портогези, эта выставка задалась целью собрать всех героев постмодернизма под одной вывеской «Присутствие прошлого». Можно сказать, что с этого момента Венецианская биеннале столько же потеряла в контенте, сколько приобрела в популярности: по иронии судьбы постмодернизм стал последним известным нам «великим нарративом» в архитектуре. За последние десятилетия архитектор постепенно превратился из предлагающего свои услуги на местном уровне профессионала, подобно юристу, практикующему врачу или нотариусу, в игрока, действующего на международном рынке. Это – очень специфичный рынок, на котором не столько делают деньги, сколько добиваются интересных и престижных заказов путем рекламы себя и своих работ. С этой точки зрения биеннале – это торговая ярмарка для архитекторов, где они демонстрируют свою значимость в качестве производителей новых и свежих идей. Фактически мало чем отличающаяся от других сфер производства или, по крайней мере, гораздо более схожая с ними, чем хотели бы думать архитекторы. Когда производишь нечто, что хотел бы продать, первое, что ты делаешь – участвуешь в торговой выставке. Там ты встречаешь клиентов и партнеров, которые могут помочь с распространением продукции. В архитектуре

все, по сути дела, работает так же. Посетители выставки необязательно в буквальном смысле являются клиентами архитекторов – это могут быть посредники, а именно: журналисты, архитектурные критики и те, кто делают политику, т. е. культурная элита, во многом влияющая на то, какие архитекторы упоминаются в публикациях, приглашаются в университеты, мастерские, а затем и на закрытые конкурсы, и, наконец, кому поручают построить главный культурный памятник.

Презентация

Таким образом, подобно торговой выставке, биеннале предоставляет платформу, на которой участники демонстрируют свои работы. Организатор предоставляет пространство, обеспечивает рекламу для привлечения посетителей и занимается пиаром. Для создания выставочного контента приглашаются участники. Специфика архитектурных выставок вызывает определенные проблемы. Экспонируемые на художественных выставках предметы вполне очевидны – это произведения искусства в их материальном выражении. Дело обстоит иначе в том, что касается архитектуры. Нельзя выставить здание как таковое, но можно его представить в виде фотографий, чертежей или моделей, что выглядит гораздо слабее, чем оригинал. Более того, для создания даже самого простого экспоната требуется гораздо больше творческих усилий, чем для транспортировки и экспонирования готового произведения искусства. И так как каждая презентация подразумевает выбор определенных средств взаимодействия (интерфейсов), существует риск того, что выставка может превратиться в хаотический набор репродукций, фотографий и проекций,

Кирилл Рудков / Kirill Rudkov

context

When I first organized the Moscow Architecture Biennale I remember a highly critical article by our (in)famous architecture critic Grigory Revzin that ended with the outcry: “This is no Biennale!”

**Bart Goldhoorn
Two-in-one**

I do not wish to deny the fact that this first Biennale was not perfect – after all, all beginning is difficult. If you dive into the history of the most famous Architecture Biennale – the one in Venice – you can see that between its founding in 1980 and the fifth Biennale in 1991 it was very limited in scope and size. The aim of the Biennale is to have a message that is reflected in the projects that are shown. Thus the task of the curator is to find these projects and hope their creators will be able to find means to bring their contribution to the exhibition. However, financing this has proven to be quite difficult – since 2008 the Biennale has not had any major sponsor.

Architecture and market

The popularity of the architecture biennale has grown in the 32 years since the famous Venice Biennale of 1980 was held. Directed by Paolo Portoghesi, this was an exhibition with a message, bringing together the heroes of post-modernism under the heading Presence of the Past. From then on the Venice Biennale has lost in content as much as it has gained in popularity, Post Modernism (ironically) being the last Grand narrative in architecture we know. In the last decades, the architect has evolved from a professional offering services on a local scale to an actor that operates in an international market. It is a very specific market since it is not so much about making money, but about getting interesting and prestigious commissions. Representation

Just as in a trade show the Biennale offers a platform that is filled by the works of different participants. The organizer provides a space, promotes the exhibition to attract visitors and looks after the PR. The participants are invited to provide the content of the exhibition. Moreover, an overall exhibition design is needed.

Finances

Compared to an art exhibition, the architecture exhibition requires a large investment and brings in low revenues. This makes it difficult for the exhibition organizers to steer the content of the exhibition. Thus the Rotterdam Architecture Biennale used to be able to spend large budgets on research and exhibitions. The absence of these means in this year's Biennale was visible in the exhibition: a more or less haphazard collection of research and projects, actually much more similar to the Moscow Biennale than it used to be. With a cultural capital, like in Venice, organizers do not have to make large investments since the participants are interested as it is to take part in this prestigious event.

Promoting Architecture

The Biennale is also a showcase of the profession as a whole. Architecture is in many countries just a luxury product and is entangled in struggle with construction companies and engineers ready to build anything the market needs. This was very noticeable at this year's Venice Biennale where participants desperately tried to make it clear why architecture is so important. The authorities have a certain responsibility in this regards. It is their aim to create cities that are comfortable and attractive places to live and work in. For this they need to work with private developers and construction companies. It is essential that they promote best practices in architecture and design.

в которых используются совершенно различные форматы и материалы. Чтобы избежать этого, необходим общий выставочный дизайн, что делает весь проект еще более сложным.

Финансирование

Искусство – это, пожалуй, самая спекулятивная форма производства, где цена ни в коей мере не сообразна с инвестициями. Архитектура в этом смысле является его полной противоположностью. Цены здесь обычно соотносятся со стоимостью строительства здания (что не является конечной рыночной стоимостью), хотя, в отличие от потребительских товаров, массовое производство здесь невозможно. По сравнению с художественной выставкой архитектурная требует значительных инвестиций, а доходы приносит скромные. Соответственно, организаторам просто управлять таким выставочным контентом. Чтобы определить качество выставляемых экспонатов, необходим капитал (в виде серьезного бюджета или культурного капитала). В случае солидного бюджета организаторы могут попросить участников устраивать экспозицию в соответствии с общей концепцией биеннале, иными словами, они могут выбирать кандидатов с тем, чтобы производимый контент соответствовал определенным стандартам. Так было с Роттердамской архитектурной биеннале, где можно было тратить много денег на исследования и выставки, организованные исключительно для биеннале. То, что у биеннале в Роттердаме не было таких средств в этом году, было видно по экспозициям, которые представляли собой более или менее случайный набор исследований и проектов и больше походило на выставки Московской биеннале, чем это было раньше. Там же, где имеется культурный капитал, как в случае с Венециан-

ской биеннале, ситуация иная – организаторам нет нужды вкладывать большие деньги, так как участники и так заинтересованы стать частью этого престижнейшего мероприятия.

Продвижение архитектуры

Помимо того, что биеннале является торговой ярмаркой и художественной выставкой, это еще и витрина для профессии в целом. Во многих странах архитектура является предметом роскоши и находится в состоянии непрерывной борьбы со строительными компаниями и инженерами, готовыми строить что угодно, на потребу рынка. Это было очень заметно на последней Венецианской биеннале, участники которой изо всех сил старались разъяснить зрителям, почему архитектура столь важна. Теперь, когда ипотечный кризис ясно показал, что строительный бум последних десятилетий в Западной Европе во многом базировался на зыбком песке, нужно снова и снова отстаивать важность архитектуры, делая упор на то, что она имеет очень важное общественное значение. АРХИТЕКТУРА ПОЛЕЗНА ДЛЯ ВАС! Наличие подобной витрины важно для профессии в целом, ибо ее значение выходит за рамки интересов каждого отдельного участника, приглашенного организаторами выставить свои работы. Это также означает, что власть несет за это определенную ответственность. Именно ее задачей является создание городов, удобных и привлекательных для жизни и работы людей. Поэтому власти никуда не деться от сотрудничества с частными девелоперами и строительными компаниями. И очень важно содействовать продвижению всего самого лучшего в области архитектуры.

Перевод с английского Людмилы Лежневой

5

1

Юрий Аввакумов / Yury Avvakumov

2

Филипп Романо / Philip Romano

Николай Малинин

Депозитарий, диорама, купол

Россия на Венецианской биеннале архитектуры

Венецианская биеннале – главная в мире выставка архитектуры. Невзирая на конкурентов, она прочно держит знамя лидера. Это не формальный смотр лучшего за отчетный период. Каждый раз куратор биеннале предлагает тему – острую и актуальную. Под эту тему он собирает экспозицию в Арсенале, а национальные павильоны в садах Джардини отвечают на нее под руководством кураторов собственных. Кто лучше всех ответит – тот и получит «Золотого льва».

Впрочем, в отличие от местного кинофестиваля, здесь важна не столько победа, сколько участие. А еще очень значима фигура куратора. Первые 10 лет выставкой рулил Паоло Портогези – видный итальянский постмодернист, да и сама первая биеннале (1980) фиксировала именно усталость мира от модернизма и своим названием («Присутствие прошлого») обозначала именно этот поворот. Два раза Портогези, оставаясь президентом, перепоручал выставку Альдо Росси – при нем биеннале вышла за пределы садов Джардини и стала обращаться именно к Венеции. Но и потом продолжила втягивать в свою орбиту весь город, подчиняя все новые и новые пространства, включая знаменитую венецианскую верфь – Арсенал.

3

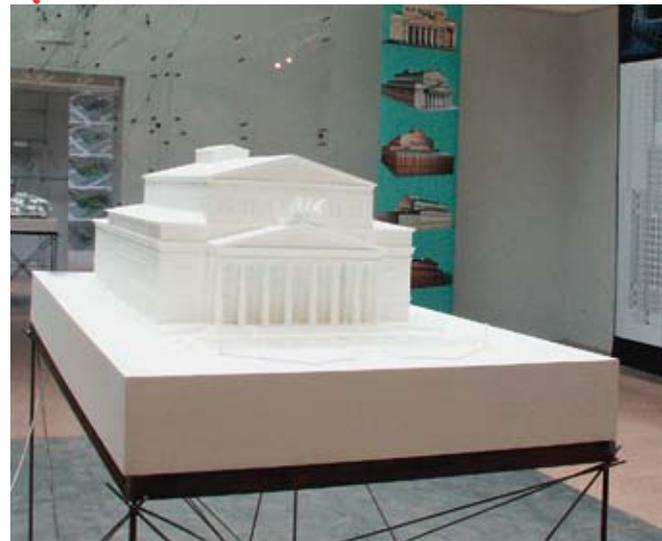

Илья Уткин / Ilya Utkin

Илья Уткин / Ilya Utkin

4

Михаил Белов / Mikhail Belov

Поначалу биеннале проходила не слишком аккуратно, с разными перерывами (1980, 1982, 1985, 1986), могла быть посвящена какому-то одному герою (Хендрику Берлаге), а важным своим событием считать постройку в Джардини книжного магазинчика по проекту Джеймса Стирлинга. Регулярной же стала в начале нашего века, превратившись из профессионального междусобойчика в главный мировой праздник архитектуры. Отражив тем самым изменения в статусе и самой архитектуры, которая вдруг стала интересна всем. И ездить на нее стало так же модно, как и на кинофест.

У России свой домик в садах Джардини был с 1914 года – построенный в «русском стиле» самим Алексеем Щусевым. Наличием национального павильона до сих пор могут похвастаться далеко не все страны, но до 1991 года наш был закрыт. Серьезную историю присутствия России в Венеции стоит начинать с 1996 года, когда здесь показали то, чем страна действительно могла гордиться, – «бумажную архитектуру». Но началось все еще раньше.

✓ 1991

Куратор: Франческо Даль Ко
Павильон СССР: «Творчество советских архитекторов»
Кураторы: Андрей Некрасов, Владимир Ходнев, Наталия Душкина

Пятая биеннале не имела названия, будущих звезд еще не называли этим словом, но тут уже присутствовали: Фрэнк Гери и Питер Айзенман, Жак Херцог и Пьер де Мерон, Ренцо Пиано и Массимилиано Фуксас, Соор Himmelb(l)au. Новый куратор решительно разворачивал выставку к образности арт-биеннале, но сама

по себе архитектура этому еще мало соответствовала. Вот и в нашем павильоне макеты дипломников МАРХИ эффектно парили, подвешенные к потолку, но по сути являли собой детище еще советской эпохи. Биеннале вообще оказалась бенефисом МАРХИ: в числе 44 архитектурных вузов он был приглашен и в Арсенал, где демонстрировал проект реконструкции собственного здания, для чего был выстроен громадный макет его фрагмента – 6 на 6 метров в масштабе 1 к 2. В макет можно было войти и уже за ним обнаружить собственно экспозицию. Ориентация на молодежь тоже могла бы показаться сугубо советской, если бы не оказалась предвестием и ассовской выставки 2004 года, и колхаасовской – 2014-го.

✓ 1996

«Предчувствие будущего. Архитектор как сейсмограф»

Куратор: Ханс Холляйн
Павильон России: «Депозитарий “Русская Утопия”»
Архитектор и куратор: Юрий Аввакумов

Эта биеннале стала переломной – как и выставка 1980 года: та обозначила начало постмодернизма, эта – его конец. Архитектура стала персонализироваться (главные имена биеннале – Нувель и Фостер, Пиано и Хадид, Ито и Андо); на арену вышли новые герои (Цумтор, Седжима, ван Беркель); начиналась эра звездной архитектуры и зданий-аттракционов: главным хитом выставки был музей в Бильбао.

Россия, где Перестройка кончилась, а стройка только началась, выступила с кон-

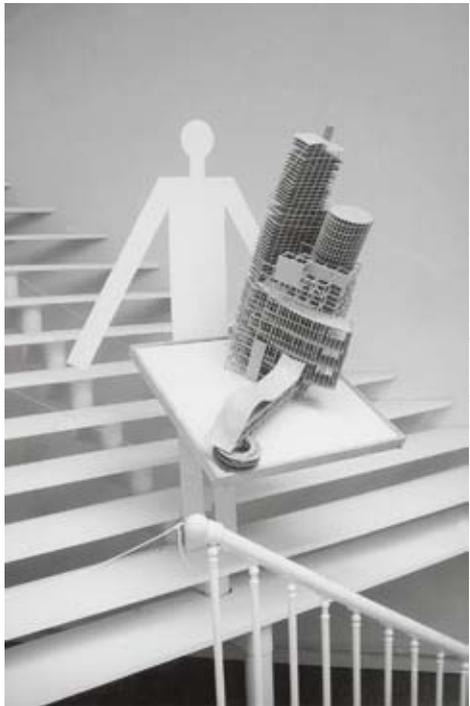
Николай Малинин / Nikolay Malinin

5

Николай Овчинников / Kirill Ovchinnikov

6

Из личного архива Андрея Некрасова / Andrey Nekrasov Archive

7

8

Патрисия Париньяд / Patricia Parinjad

9

Надежда Серебрякова / Format

цептуальным проектом. Юрий Аввакумов, главный идеолог и собиратель «бумажной архитектуры», к тому моменту уже прогремел на весь мир с выставками «бумажников», а кроме того, лично наделал макетов на темы русского авангарда. Здесь же он пошел дальше и придумал возвести это «нестроение» в культ – как характерное для русской архитектуры вообще. И создал грандиозный каталог всего непостроенного: от Кремлевского дворца Василия Баженова – через Дворец Советов – до виллы «Клаустрофобия» Бродского/Уткина. Собрал 480 проектов, отсканировал, отпечатал на плоттере и рассовал в синие ящики 1. Сделанные по его проекту фирмой «Биоинъектор», они составили живой архив, активно используемый посетителями – хотя слова «интерактив» тогда еще не было.

2000

«Больше этики, меньше эстетики»

Куратор: Массимилиано Фуксас

Павильон России: «Руины Рая»

Архитекторы: Михаил Филиппов, Илья Уткин

Кураторы: Григорий Ревзин, Елена Гонсалес, Семен Михайловский

Фуксас, человек из поколения 1968 года, соскучился по революциям и задал крайне провокационную тему. В Арсенал же собрал исключительно молодежь и, отвергнув банальные чертежи и макеты, превратил биеннале в одну большую инсталляцию (собственно-ручно смонтировал гигантское видео). Архитектура вызов приняла. И даже показалось, что она нашла новый путь: категорически отказалась затвердевать и возжелала течь, струиться и меняться в соответствии с временем года или

дня. То есть стать природой, предварительно оцифровав первоисточник. Подвижность, изменчивость, незавершенность, прозрачность, легкость – вот ключевые слова новейшей биоморфной архитектуры, которую презентовали Грег Линн и Хани Рашид. «Вперед к природе через компьютер!» – таков был ее лозунг.

Русский павильон был полной противоположностью всему этому. Никаких компьютеров, экранов, музыки. Только акварель, камень и фотографии. Наш главный классицист Михаил Филиппов выстроил инсталляцию, вдохновенную театром «Олимпико»: четыре колоннады сходятся в перспективе, при этом колонны отрываются от пола, становясь все меньше 5. Рядом были реальные градостроительные проекты Филиппова («Третий Рим», «Остров», «Сочи»), исполненные с такой виртуозностью, о которой все давно забыли, а в последнем зале – громадная графическая фантазия «Лестница в небо».

Получилось, конечно, «сильно больше эстетики». Оправданием чему была история: нас столько лет потчевали этикой, но все без толку. И еще это был жест Художника, который отвергает всякие принуждения и твердо уверен в том, что красота это и есть этика, что этика с эстетикой вообще неразделимы и что проектировать Рай в мире, оставленном Богом, наивно. Рай теперь возможен только как Руины – за что Россия таки получила первый в истории приз (правда, все же не за Филиппова, а за фотографии руин «Меланхолия», которые представлял на первом этаже Илья Уткин) 6.

Nikolay Malinin

Depository, diorama, cupola

Russia at the Venice Architecture Biennale

The Venice Biennale is the world's chief architecture exhibition. It is not just a formal show of the best projects over the period under review. Every time the curator proposes a poignant topical theme, for which he assembles the Arsenale exhibit, and the national pavilions in the Giardini gardens respond to it under the guidance of their own curators. Whoever makes the best response gets the Golden Lion.

As distinct from the Venice film festival, however, what matters is participation rather than victory. The figure of the curator is another important thing. Paolo Portoghesi, a prominent Postmodernist, steered the exhibition over the first decade, and the first Biennale of 1980 registered precisely the world's weariness of modernism and stressed its reversal in its title, The Presence of the Past.

In the beginning the Biennale was held at inordinate intervals (in 1980, 1982, 1985 and 1986) and could focus on a single personality (Hendrik Berlage). The undertaking became a regular biennial in the early 21st century, turning from a professional get-together into the major world festival of architecture.

Russia has had a pavilion of her own in the Giardini since 1914. Far from every country can yet boast a national pavilion. In 1996 Russia made her first serious contribution to the Venice Biennale by showing its "paper architecture", which is something the nation can truly be proud of. Yet it had all started even earlier.

1991

Curator: Francesco Dal Co

USSR pavilion: "Work of Soviet Architects"

Curators: Andrei Nekrasov, Vladimir Khodnev, Natalia Dushkina

The Fifth Biennale had no name, and the future stars who were already present there – F. Gehry

history

**2002
Next**

Куратор: Деян Суджик
Павильон России: «Два театра»
Архитекторы: Эрик Мосс, Михаил Хазанов, Никита Шангин, Михаил Белов
Куратор: Давид Саркисян

Невзирая на свое название, выставка получилась спокойной и вдумчивой. Она не открыла ни новых путей, ни новых имен. Зато мы узнали, какие именно школы, музеи и магазины будут построены мировыми звездами в ближайшие пять лет. Из национальных павильонов самым интригующим был американский (что строить на месте «близнецов»?). Самой модной формальной идеей оказался прозрачный колпак, когда здание преподносится как некий сувенир, как экспонат в музейной витрине. Кроме того, на этой биеннале появилась новая экспозиционная «фишка»: помимо чертежей, макетов и 3D-проекций, тут были полноценные куски будущих зданий – образцы того, во что будут «одеты» Кунстхауз Питера Кука в Граце или магазин в Бирмингеме от Future System.

Россия же показывала новое здание Мариинского театра (экстравагантный проект американца Мосса) и варианты реконструкции Большого театра (несколько более сдержанные проекты наших звезд) ④. Все это было в эффектной дизайнерской подаче русского американца Джорджа Цыпина, чья инсталляция размещалась и на первом этаже. Все в целом было не хуже, чем у других, отличаясь только тем, что никакой реализуемости за этим не стояло... Впрочем, отдельную выставку построенного сделала Елена Гонсалес, собрав туда работы Владимира Плоткина, Евгения Пестова, Николая Лызлова, Алексея Козыря и бюро «Проект Меганом».

**2004
«Метаморфозы»**

Куратор: Курт Форстер
Павильон России: «Мастерские “Россия”»
Архитекторы: российские студенты
Куратор: Евгений Асс

То, что в 2000 году было авангардом, стало мейнстримом. Дигитальная архитектура обрела плоть. Уже построено много маленького и строится большое, особенно же развернулась Заха Хадид. Но природа перестала быть единственным прообразом для архитектуры. Цифровая революция открыла перед архитектурой возможность уподобиться всему чему угодно. Именно эти «метаморфозы» выставка и представляла.

Россия совершила радикальный жест, вместо выставки привезя 90 студентов. Евгений Асс решил использовать биеннале как площадку для профессионального общения. Хотя многие истолковали его жест как заявление о том, что интересной архитектуры в России нет, хвастаться нечем, так пусть хотя бы студенты поучатся (если уж бюджет отпущен). А там, глядишь, станут новыми звездами (что, кстати, и произошло). Но зато все это было оформлено в виде интерактивного шоу: студенты трудились прямо в павильоне, на глазах у посетителей, под руководством западных мэтров ⑥. Правда, созданные проекты были все равно по-русски утопичны, чем и прекрасны.

**2006
«Города: архитектура и общество»**

Куратор: Ричард Бердетт
Павильон России: «Населенный пункт. Несколько эпизодов из жизни любимого

города, рассказанных архитектором»
Архитектор: Александр Бродский
Куратор: Евгений Асс

Биеннале начиналась с визуализации того ужаса, который принято было испытывать при слове «мегаполис». Но все мы в этом «ужасе» живем (а к 2050 году нас таких будет 75%) и перебираться за город согласны только на пенсии. Бердетт отобрал 16 больших городов, «плохих» и «хороших». «Плохие» – это бедные, хаотично застраивающиеся, лишенные зелени и общественных пространств: Каракас, Сан-Паулу, Йоханнесбург. «Хорошие» – где все наоборот: Нью-Йорк, Лондон, Барселона... История получилась парадоксальная: жить в любом городе плохо (пробки, дышать нечем, тесно, страшно, грязно), но если подняться над обыденностью, то красота неимоверная. Поэтому массовый восторг вызвал павильон Франции, где студенты соорудили «Мета-виллу»: строительные леса пронзают павильон насквозь и уходят высоко вверх. Внизу – кухня, где студенты готовят ужин, и комната, где они работают. Рядом – одноместные кластеры-спаленки. Над крышей – душ, сауна и ванна, а на самой верхотуре – смотровая площадка с гамаком. Прекрасная метафора молодежной субкультуры, прокладывающей собственные пути-леса сквозь традиционную архитектуру павильона-города.

В русском павильоне архитектуры как таковой тоже было немного. В центре стоял аквариум-шарманка, на дне которого – город, а если покрутить ручку, то зазвучит печальная музыка и с неба посыпятся хлопья снега ②. Рядом – еще одна инсталляция на ту же тему: один-единственный дом, отражаясь в зеркалах, превращается в город. В каждом его окошечке – люди, а заняты они ровно тем, что так надеется увидеть ребенок, подглядывая за чужими окнами в бинокль. При всей своей «московскости» настроение нашей экспозиции почти совпадало с первым залом Арсенала. Да, город – это так ужасно: стандарт, одиночество, тоска... Но если Арсенал нагнетает ужас и выхода не находит, то Бродский этот ужас переводит из актуального и требующего ответа в какой-то вневременной и философский. Все равно нам никуда от города не деться. Разве что сбежать на дачу – о чем мечтает сам Бродский, и о чем повествует другой зал с его загородными постройками. Но и это не выход, а выхода нет вообще, как нет и счастья. Но есть зато покой (у Бродского), и есть свобода, символом которой город остается.

**2008
«Не здесь. Архитектура кроме здания»**

Куратор: Аарон Бецки
Павильон России: «Партия в шахматы. Турнир за Россию»
Архитекторы: российские и зарубежные звезды
Кураторы: Григорий Ревзин, Павел Хорошилов

Куратору Бецки все мысленно аплодировали. Потому что действительно от зданий уже проходу не было. Их все больше, они все выше, толще и дороже. Но где счастье? Соцреалистическая картина «Строится новый дом» перестала вызывать оптимизм. Потому что если строят новый дом, значит обязательно снесут старый, повырубят деревья, уплотнят твой двор, а жить в доме все равно будут не люди, а деньги. И так не только в России, эйфория от головокружительных форм прошла везде. Мало спроектировать красивый дом – нужно вписать его в среду, сделать его чутким к людям, озаботиться его будущим. А иначе он умрет. «Хотя архитектура

and P. Eisenman, J. Herzog and P. de Meuron, R. Piano and M. Fuksas – were yet to make it to stardom and to realize their ideas in structures. In the Soviet pavilion models of Moscow Architecture Institute (MARCH) graduates hovered spectacularly, hanging from the ceiling ⑦, but essentially remained a product of the gone Soviet epoch. MARCH had a benefit performance at that Biennale, which had invited it to exhibit at the Arsenale.

**1996
“Sensors of the Future.
The Architect as a Seismograph”**

Curator: Hans Hollein
The Russian Pavilion: Depository “The Russian Utopia”
Architect and curator: Yuri Avvakumov
Just like the 1980 exhibition, this Biennale marked a turning point – the former ushering in postmodernism and the latter bringing it to a close. Architecture became personalized, with Nouvel and Foster, Piano and Hadid, Ito and Ando featuring as the key names.
Yuri Avvakumov, the chief ideologist and collector of “paper architecture”, had by then caused a stir the world over with his “paper architecture” exhibitions and personally produced models à la Russian avant-garde ①.

**2000
“Less Aesthetics, More Ethics”**

Curator: Massimiliano Fuksas
The Russian Pavilion: “The Ruins of Paradise”
Architects: Mikhail Filippov, Ilya Utkin
Curators: Grigory Revzin, Elena Gonsales, Semyon Mikhailovsky
Fuksas proposed provocative theme. He brought exclusively the youth to the Arsenale and, rejecting banal drawings and mock-ups, made one huge installation of the Biennale
The Russian pavilion was the complete opposite – no computers, TV-sets or music, just watercolours, stone and photographs. Mikhail Filippov, the main Russian classicist, created an installation inspired by the Teatro Olimpico. ⑤ The result was, of course, “far more aesthetic”. Paradise was now only possible in the form of Ruins, which eventually brought us the first prize in history (photographs of ruins exhibited by Ilya Utkin on the first floor). ③

**2002
“Next”**

Curator: Deyan Sudjic
The Russian Pavilion: “Two Theatres”
Architects: Eric Owen Moss, Mikhail Khazanov, Nikita Shangin, Mikhail Belov
Curator: David Sarkisyan
Despite its title, the exhibition turned out calm and thoughtful. It discovered neither new paths nor new names. Instead, we learned what schools, museums and shops were to be built by world stars in the next five years.

Russia exhibited the new building of the Mariinsky Theatre (an extravagant design by the American Moss) and versions of the Bolshoi Theatre renovation projects (somewhat more reserved designs by domestic stars). ④

**2004
“Metamorphoses”**

Curator: Kurt Forster
The Russian Pavilion: “Russia Workshops”
Architects: Russian students
Curator: Eugene Asse
What was avant-garde in 2000 became the mainstream now. Digital architecture came into its own: many small-scale projects have been realized and large-scale projects were under construction, with Zaha Hadid being especially prolific. Nature ceased to be the only architectural prototype. The digital revolution enabled architecture to emulate whatever it likes. The exhibition presented precisely such “metamorphoses”.

Russia made a radical gesture bringing 90 students instead of an exhibit. ⑥ Eugene Asse decided to use the Biennale as a professional communication platform.

history

наиболее явно существует в виде зданий, они же являются и ее надгробиями», – говорил Бецки. Поэтому на биеннале были не здания, а их окружение, не картинка, а слова, не проекты, а размышления. Здания же как иллюстрации – к новым методам и принципам. Арсенал был оставлен хорошо знакомыми «кривуляями»: Заха Хадид, Бен ван Беркель, Грег Линн. Но и они не про форму, а про другое: Линн – про утилизацию, ван Беркель – про коммуникацию и т.д.

План же по зданиям с лихвой выполнил русский павильон. Их макеты, расставленные по красно-белой шахматной доске, иллюстрировали «Турнир за Россию» – соревнование русских и иностранных архитекторов, кто больше и лучше здесь построит. Тема жгучая, но все-таки для узкого круга. Потому что отличить без подсказки иностранные проекты от русских было невозможно, и никакого такого противостояния не заметно. Зато теснота, в которой они оказались, а также разномасштабность макетов стали весьма наглядным образом московской ситуации. Хаос, толкучка, война за каждый метр, бешеное наращивание плотности – все это радикально противоречит тем принципам, на которых строится архитектура других стран. Там – берегут каждое дерево, каждый старый домик, а каждый проект начинают с долгих дискуссий с жителями. Об этом были самые вдумчивые павильоны – Швейцарии, Дании, Голландии. У нас же – гонка сооружений, которую кураторы объяснили тем, что последние 8 лет мы показывали на биеннале «бумажные» проекты, и вот теперь, после строительного бума, нам есть что показать. Впрочем, в нижнем зале нашего павильона широко и привольно раскинулся Никола-Ленивец – красивая (и точно попадающая в тему биеннале) история про наш лэнд-арт с фрагментами в натуральную величину.

2010 «Люди встречаются в архитектуре»

Куратор: Кадзуо Седжима
Павильон России: «Фабрика “Россия”
Архитекторы: Евгений Герасимов, Владимир Плоткин, Сергей Скуратов, Никита Явейн, SPEECH Чобан & Кузнецов
Кураторы: Сергей Чобан, Григорий Ревзин, Павел Хорошилов

Первая посткризисная биеннале отразила некоторую растерянность архитектурного мира. Идеалистический пафос Седжимы (первой в истории биеннале женщины-куратора) превратил Арсенал в набор милых инсталляций: повсеместно клубился туман, лилась вода, а Джуэнь Ишигами натягивал ниточки, которые посетители по недогадливости задевали и рвали. Русский павильон тоже был довольно идеалистичен: представленный здесь проект не опирался ни на государственную, ни на бизнесменскую заинтересованность. Он – впервые в нашей истории – представлял архитектора как человека, формирующего повестку дня. Реконструкция промпредприятий – тема не новая, но для России, а тем более для ее средних городов – крайне важная. Выбрав в качестве образца Вышний Волочек, архитекторы задумались не только о том, как преобразить «пром» (в основном – по принципу контраста), но и о том, какими функциями его можно насытить (музей современного искусства в стотысячном российском городе, увы, малоактуален). Центром же экспозиции была роскошная диорама (в существующие виды города, «почтеному» написанные маслом, были вставлены

новые проекты), фланкировавшаяся нежным фильмом о Вышнем Волочке, а также залом, где те же проекты были поданы уже сугубо профессионально. Отрадно, что впервые в истории проект для биеннале отбирался на основе конкурса (проведенного Юрием Аввакумовым на фестивале «Зодчество»), а безотрадно – что никакого продолжения история не имела.

2012 Common Ground

Куратор: Дэвид Чипперфилд
Павильон России: i-city
Архитекторы: российские и зарубежные звезды
Кураторы: Сергей Чобан, Григорий Ревзин

Переводили тему последней биеннале по-разному: «общность взглядов», «общее основание», «точка соприкосновения». Но если позитивный посыл кажется слишком абстрактным (возьмемся за руки, друзья?), то критический очевиден. Обретя бешеную популярность, архитектура впала в самолюбование, утратила адекватность месту, забыла о своем предназначении. Звезды выпендриваются, девелоперы спекулируют, власть меряется амбициями. Как переломить эту тенденцию? Кто – кроме вышеперечисленных – может быть субъектом архитектуры? И может ли им стать обычный человек? Ответить на сложные вопросы взялся Дэвид Чипперфилд, позвав в Арсенал только тех, кто думает об этом, а экспозицию выстроив не столько театрально, сколько литературно. А самым заметным сюжетом его экспозиции оказалась именно незаметность звезд. Которые, конечно, были, но не столько показывали свои новые объекты, сколько рефлексировали над тем, откуда они берутся и так ли уж они прекрасны.

Россия же шиканула. Наш павильон демонстрировал проекты «Сколково». На входе каждому посетителю выдавался планшет, а дальше он попадал в купольное пространство а-ля римский Пантеон, все стены которого состояли из QR-кодов. Наводя на них планшет, посетитель получал информацию о сколковских проектах. Не менее увлекателен был и нижний зал, где мерцали крохотные звездочки-дырочки, прильнув к которым можно было разглядеть фотографии сколковских предтеч – советских наукоградов послевоенного времени. Их закрытость и породила экспозиционную метафору «шпионажа». Удивительно, насколько точно эта тема барьеров между человеком и информацией объединила верхний и нижний зал – хотя, казалось бы, что общего между тоталитарным СССР и новой открытой Россией?

Все это было очень красиво и очень технологично, хотя по сравнению с другими национальными павильонами, где все про людей, про их нужды и проблемы, выглядело вызывающе. Тем не менее Россия получила один из пяти призов биеннале – специальное упоминание жюри, которое не смогло не признать очевидного. Интересно, как закольцевалась история: в 2000 году, пойдя также вразрез со всеми, мы получили похожий приз. Секретом чего может быть и личность куратора обеих выставок, и обращение к классике, и просто независимость.

history

2006 Cities, Architecture and Society

Curator: Richard Burdett
Russian pavilion: “Settlement. A few episodes from the life of the beloved city as told by an architect.”
Architect: Alexander Brodsky
Curator: Eugene Asse

The Biennale started with the visualization of the horror that the word “metropolis” usually inspires. In the center Russian pavilion was an aquarium/hand organ with a city on the bottom. Next was another installation on the same theme: a single building, reflected in several mirrors, became a city. There were people in every window, doing precisely what a child peeping through binoculars into others’ windows hopes to see.

2008 “Out There: Architecture Beyond Building”

Curator: Aaron Betsky
Russian pavilion: “Game of Chess. Tournament for Russia.”
Architects: Russian and foreign “stars”
Curators: Grigory Revzin and Pavel Khoroshilov
Everyone mentally applauded the curator Betsky: Indeed, buildings were everywhere and kept multiplying, they were growing taller, bigger and costlier. But where was happiness?
As for buildings, the Russian pavilion more than made up for their lack elsewhere. Models of buildings set on the red-and-white chessboard illustrated a “tournament for Russia”: a competition between Russian and foreign architects as to who will build more and better.

2010 “People Meet in Architecture”

Curator: Kazuyo Sejima
Russian pavilion: “The Russia Factory”
Architects: Yevgeny Gerasimov, Vladimir Plotkin, Sergei Skuratov, Nikita Yaveyn, SPEECH Tchoban & Kuznetsov
Curators: Sergei Tchoban and Grigory Revzin
The first post-crisis Biennale was a reflection of certain confusion in the world of architecture. The ideological pathos of Kazuyo Sejima, the first female curator of the Venice Biennale, turned the Arsenale into an aggregation of pretty installations.
The Russian pavilion also was rather idealistic: the project on display had neither government nor entrepreneurial interest at its base.

2012 «Common Ground»

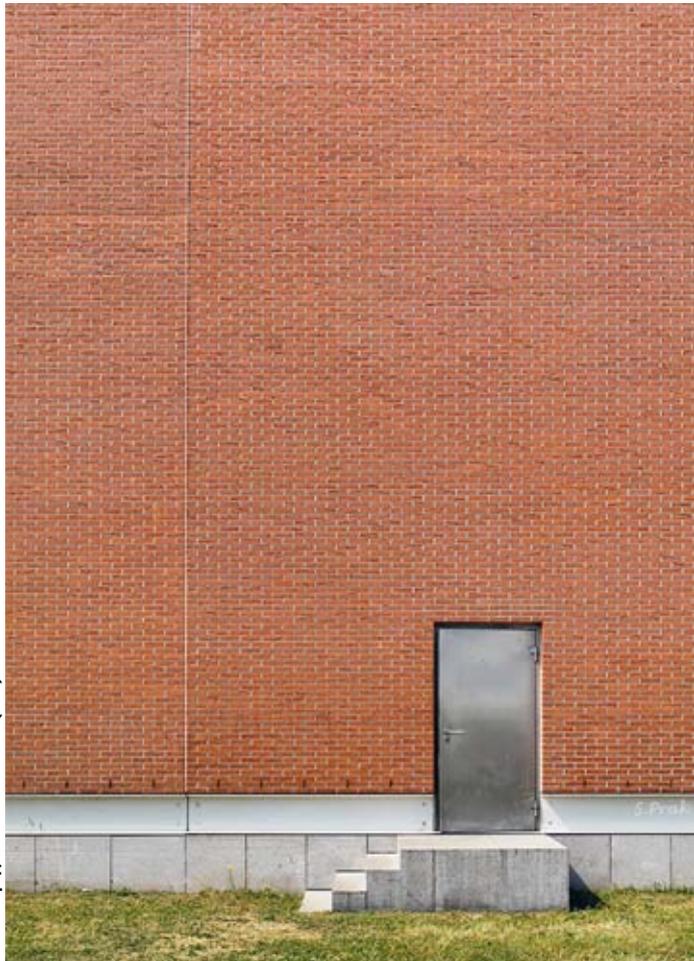
Curator: David Chipperfield
Russian pavilion: i-city
Architects: foreign and Russian “stars”
Curators: Sergei Tchoban, Sergei Kuznetsov and Grigory Revzin

But Russia went out of its way to show off. Our pavilion presented projects from the Skolkovo innovation city. At the entrance every visitor was given a tablet PC and soon found himself/herself in a cupola-like space à la the Pantheon with a grid of QR codes wrapping the walls. The lower-level hall was no less fascinating: through tiny peepholes the visitor could see pictures of Skolkovo’s predecessors, Soviet post-war “science cities”

Николай Малинин
архитектурный критик,
куратор конкурса
АРХИ WOOD

Фрагмент фасада фабричного корпуса, построенного Алваро Сизой в кампусе компании Vitra в городе Вайль-на-Рейне (1994)

Анна Броновицкая

«Золотой лев» за вклад в архитектуру: Алваро Сиза

79-летний португалец – действительно подходящая фигура для чествования в период, когда мир старается освободиться от зачарованности звездными архитекторами и «зданиями-иконами». Алваро Сиза уже давно заслужил международное признание: Прицкеровскую премию ему присудили еще в 1992 году.

В отличие от большинства прицкеровских лауреатов, Сизу нельзя назвать в полной мере международным архитектором. Он лишь в исключительных случаях берется за проекты для других стран, особенно в последние годы, когда проблемы со здоровьем мешают ему путешествовать.

Для него очень важно взаимодействие его построек с ландшафтом. Чтобы почувствовать специфику места, где вырастет его здание, он должен про-

вести там достаточно много времени, наблюдая за тем, как пейзаж меняется в течение дня. В итоге готовая постройка не только откликается своим объемом на окружающие формы, но и ловит свет, становящийся важным фактором драматургии интерьеров. Вдумчивость, чуткость, неподверженность модным трендам и есть те качества, о значимости которых хотел напомнить архитектурному сообществу Чипперфилд, отдав Сизе «Золотого льва» биеннале.

«Золотой лев» за лучший национальный павильон: Япония

Экспозицию японского павильона не назовешь эффектной: на фоне заклеенных ландшафтными фотографиями стен установлены деревянные столбы с небольшими макетиками. Чтобы понять смысл проекта, нужно читать пояснения. Называется он «Возможна ли здесь архитектура? Дом для всех». Под «здесь» имеется в виду городок Рикюзентаката, полностью разрушенный цунами 2011 года. Уцелевшие жители отказались его покидать и ютятся во временных помещениях. Архитектор Тойо Ито предложил построить там «дом для всех» – правительство позаботилось о том, чтобы у потерявших свое жилье людей была какая-то крыша над головой, но не о том, чтобы им было, где собираться. «Дом для всех» должен стать местом, где обитатели Рикюзентакаты могли бы обсуждать планы восстановления, отмечать праздники, просто проводить время в компании – временные жилища слишком малы, чтобы туда можно было приглашать гостей. Став комиссаром павильона Японии на Венецианской биеннале, Ито получил возможность сказать о том, что помощь жертвам сти-

Один из макетов «дома для всех»

хийных бедствий обычно бывает однобокой, и поднять вопрос, уместно ли вообще художественное высказывание в ситуации, когда людям не хватает самых элементарных вещей. К проекту подключились молодые архитекторы Кумико Инуи, Су Фиджимото, Акихиса Хирата, а также уроженец Рикюзентакаты фотограф Наойа Хатакеяма, у которого в цунами погибла мать.

Архитекторы несколько раз ездили на место, разговаривали с жителями, а потом думали, как воплотить их пожелания в жизнь, причем на минимальные средства и с использованием доступных на месте материалов. Строить «дом для всех» будут добровольцы, поэтому технологии должны быть самыми простыми, отсюда и примитивность испол-

нения макетов. Зритель эмоционально вовлекается в эту историю благодаря тому, что постаменты под макеты сделаны из поваленных цунами деревьев. На жюри произвела впечатление человечность проекта.

Макеты «дома для всех» были представлены в павильоне Японии на фоне пейзажей Рикюзентакаты до и после цунами

«Золотой лев» за лучший проект: Urban-Think Tank, Джастин Макгирк и Иван Баан

В последние годы важным направлением архитектурной мысли стало изучение самостоятельных практик организации жизненной среды. Наблюдая за стихийными поселениями, профессионалы лучше понимают реальные потребности людей и получают идеи, помогающие им находить оригинальные решения, казалось бы, неразрешимых проблем. Междисциплинарное бюро Urban-Think Tank, основанное в 1993 году в Венесуэле, а ныне базирующееся в швейцарской Высшей технической школе в Цюрихе и имеющее отделения в Каракасе, Сан-Паулу и Нью-Йорке, работает именно так. Исследование освоенного сквоттерами недостроенного небоскреба в Каракасе легло в основу выставки Torre David / Gran Horizonte. Ее придумал архитектурный критик Джастин Макгирк, известный в России как директор издательской программы Института «Стрелка».

Torre David – 45-этажная офисная башня, возведенная по проекту выдающегося венесуэльского архитектора Энрике Гомеса, но брошенная недостроенной после смерти девелопера Дэвида Бриллиенбурга в 1993 году. Постепенно ее заселили сквоттеры, и сегодня в башне живет более 750 семей. Там, где многие видят просто трущобу, У-ТТ обнаружили сложно организованное поселение, обитатели которого смогли приспособить офисные этажи для жилья, провести электричество, наладить водоснабжение и удаление отходов, инфраструктуру обслуживания, систему безопасности и распространения информации – все это без какой-либо помощи со стороны властей. В результате условия жизни в «вертикальной деревне» гораздо лучше, чем в баррио Каракаса. На снимках голландского фотографа Ивана Баана предстают неожиданно удобные квартиры, мастерские и общественные помещения,

Выставка, посвященная «Башне Давида» в Каракасе, приняла вид кафе, похожего на то, что существует на одном из нижних этажей заселенного сквоттерами небоскреба

Нико Сарте / Nico Sartel

улыбчивые обитатели которых явно гордятся результатами своего труда. Разглядывать фотографии и читать пояснения чрезвычайно интересно, но выставка в Арсенале ими не ограничивается. В конце анфилады Кордерии с помощью таких же кирпичных блоков, какими разгораживают помещения жители Torre David, встроено типичное венесуэльское кафе Gran Horizonte. Сияющая неоновая вывеска, покрытые клеенкой столики и аппетитный запах привнесли в торжественное пространство неформальную латиноамериканскую атмосферу, сделавшую выставку Urban-Think Tank одним из самых популярных мест на биеннале. В такой обстановке нетрудно поверить, что предложенная авторами программа превращения пустующих офисных зданий по всему миру в «вертикальные деревни» имеет хорошие шансы на успех.

На фотографиях Ивана Баана показаны обжитые пространства недостроенной офисной башни

Иван Баан / Ivan Baan

Фрагмент фасада 45-этажной башни Torre David

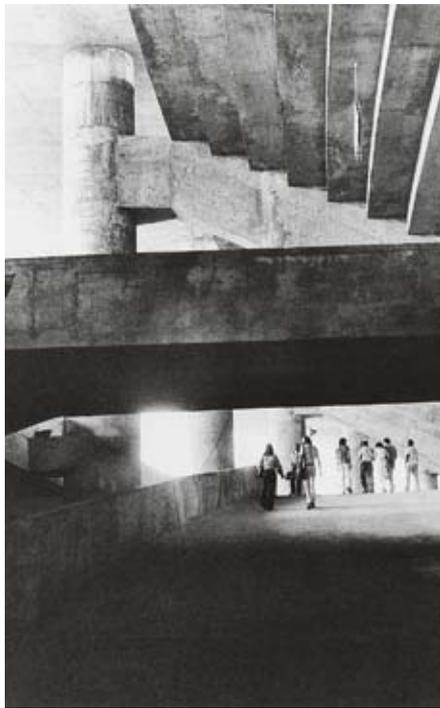
© Иван Баан / Ivan Baan

Иван Баан / Ivan Baan

Проект университета UTEC в Лиме

Стадион Serra Dourada в Гоянии

Grafton Architects

Из архива Паулу Мендеса да Роша / Paulo Mendes da Rocha Archive

«Серебряный лев» перспективному бюро: Grafton Architects

Ирландские архитекторы Ивон Фаррел и Шелли Макнамара из бюро Grafton Architects показали на биеннале один свой объект – кампус университета UTEC в Лиме (Перу), но сделали это весьма нетривиальным способом. Экспозиция, разместившаяся в одном из залов Центрального павильона Садов биеннале, сопоставляет новое здание с постройкой 1970-х годов, вдохновившей авторов: стадионом Serra Dourada в бразильском городе Гояния, который спроектировал Паулу Мендес да Роша (1975). Ирландки искали в этом сооружении подсказки к проектированию в климатических условиях, столь отличных от тех, к которым они привыкли дома. «Пространства под трибунами стадиона Dourada побудили нас к созданию перетекающих пространств и больших открытых холлов, где

студенты и профессора университета оказываются в непосредственном контакте с городским окружением и могут любоваться видом на океан», – поясняют архитекторы.

Оба здания показаны как в виде макетов, так и на фотографиях, и окружены видами ландшафтов Мачу-Пикчу и острова Скеллиг-Майкл, которые должны выявлять некое типологическое родство между Латинской Америкой и Ирландией и заодно иллюстрировать мысли да Роши о том, что архитектурное сооружение нужно воспринимать не как изолированный объект, а как некую трансформацию ландшафта.

В такой трактовке университет оказывается «ареной знаний», таким же местом ведущего к высоким достижениям соревнования, как и стадион, а архитектура становится «построенной географией».

Специальное упоминание: павильон США

Экспозиция в павильоне США – «Спонтанные интервенции: Проектные акции на общее благо» – представляет собой один из очевидных ответов на тему «Общая почва». Собранные вместе локальные инициативы граждан, направленные на улучшение их жизненной среды, дают картину социума, воспринимающего свою улицу, район, город как территорию общей ответственности, которая нуждается в совместном творческом усилии. Понятно, что картина эта идеализирована, и деятельность активистов постоянно наталкивается на сопротивление властей и корпораций. Но то, что феномен «партизанского урбанизма» широко распространился в США – факт: на выставке представлено 124 реализованных в последние годы проекта. По характеру они весьма разнообразны: скверики, городские

Экспозиция США «Специальные интервенции»

Нико Саите / Nico Saite

огороды, велодорожки, «гостиные на открытом воздухе», рынки, общества взаимной помощи, временные павильоны. Архитекторы, планировщики и дизайнеры если и участвуют в этой деятельности, то просто как граждане, обладающие равным голосом со своими соседями, но способные помочь ситуации знаниями и умениями.

Дизайн выставки прост и дешев. Постеры, посвященные конкретным инициативам, подвешены к потолку так, что их нижний край находится на уровне человеческого роста. Чтобы рассмотреть

картинки и текст, нужно потянуть постер вниз. В результате чего противoves в виде квадратной черной таблички на стене едет вверх, и взору открывается надпись на стене. На табличке выписаны проблемы, решить которые призван проект, на стене – способы, которыми эти проблемы решаются. Серьезное исследование подано легко и остроумно!

Большая часть бюджета была потрачена не на выставку, а на исследования

Нико Саите / Nico Saite

Общий вид экспозиции Grafton Architects. Макеты кампуса окружены видами ландшафтов Мачу-Пикчу и острова Скеллиг-Майкл

Элис Клэпик / Alice Clapik

Пример гражданской интервенции во дворе павильона США: вынутые из углубления кубы служили сиденьями для участников дискуссий

В застекленных шкафах были выставлены энтомологические коллекции и расписные скалки из Раджастана

**Специальное упоминание:
Cino Zucchi Architetti**

Инсталляция «Сорусат. Эмпатия и зависть как двигатели формотворчества» выражает призыв Чино Дзукки перестать уже проектировать «иконы» и заняться нормальными зданиями. Нет ничего плохого, утверждает он, в том, чтобы варьировать хорошо известные образцы, и иллюстрирует эту мысль витринами, наполненными однородными, но слегка отличающимися друг от друга объектами. В одном застекленном шкафу демонстрировались энтомологические коллекции, в других – расписные скалки из Раджастана, фотографии фасадов послевоенной застройки Милана, модели подводных лодок, рабочие макеты зданий из мастерской Чино Дзукки... Собранные вместе, они завораживают, в то время как по отдельности не производили бы особого впечатления. Так, наверное, и должна быть устроена городская среда.

Нико Сагге / Nicco Sargh

**Специальное упоминание:
павильон Польши**

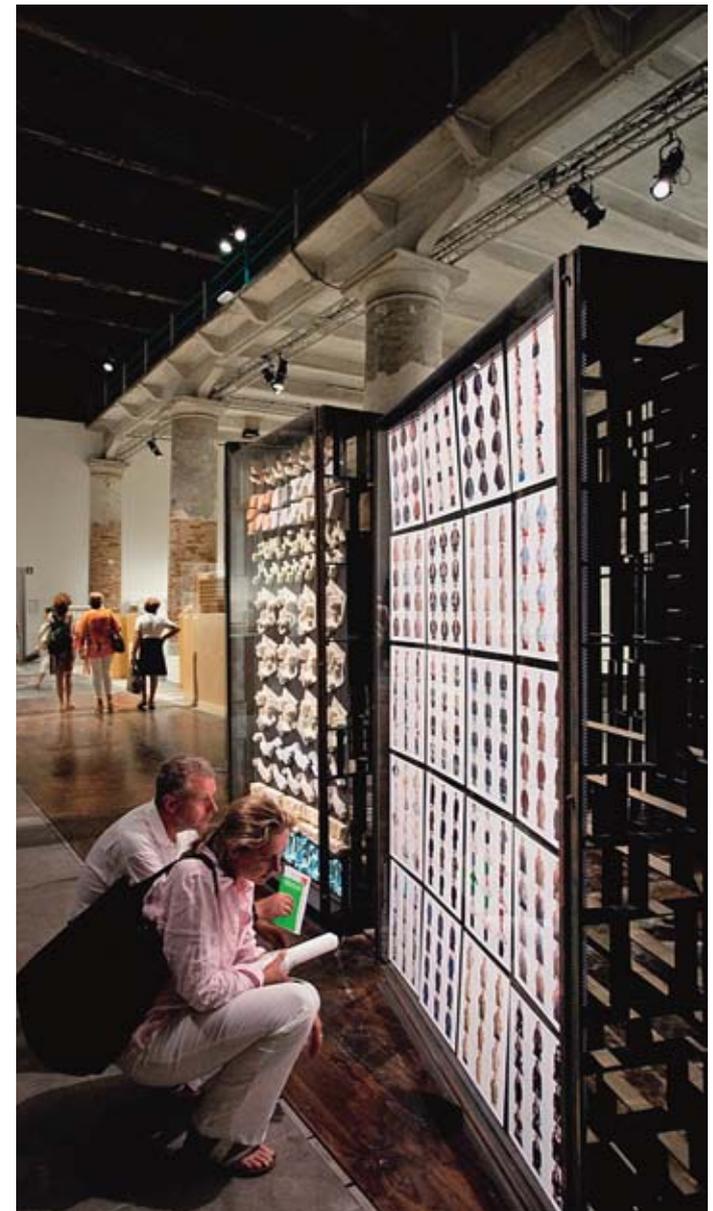
Войдя в павильон Польши, посетители оказывались в пустом пространстве, среди стен и сводов, покрытых нейтральной серой штукатуркой. Минимизация визуальных впечатлений помогала сосредоточиться на звуко-

вых, которые и составляли суть инсталляции, озаглавленной цитатой из Диккенса: «Заставляя стены потрескивать, как будто их распирает тайное знание могущественных сил».

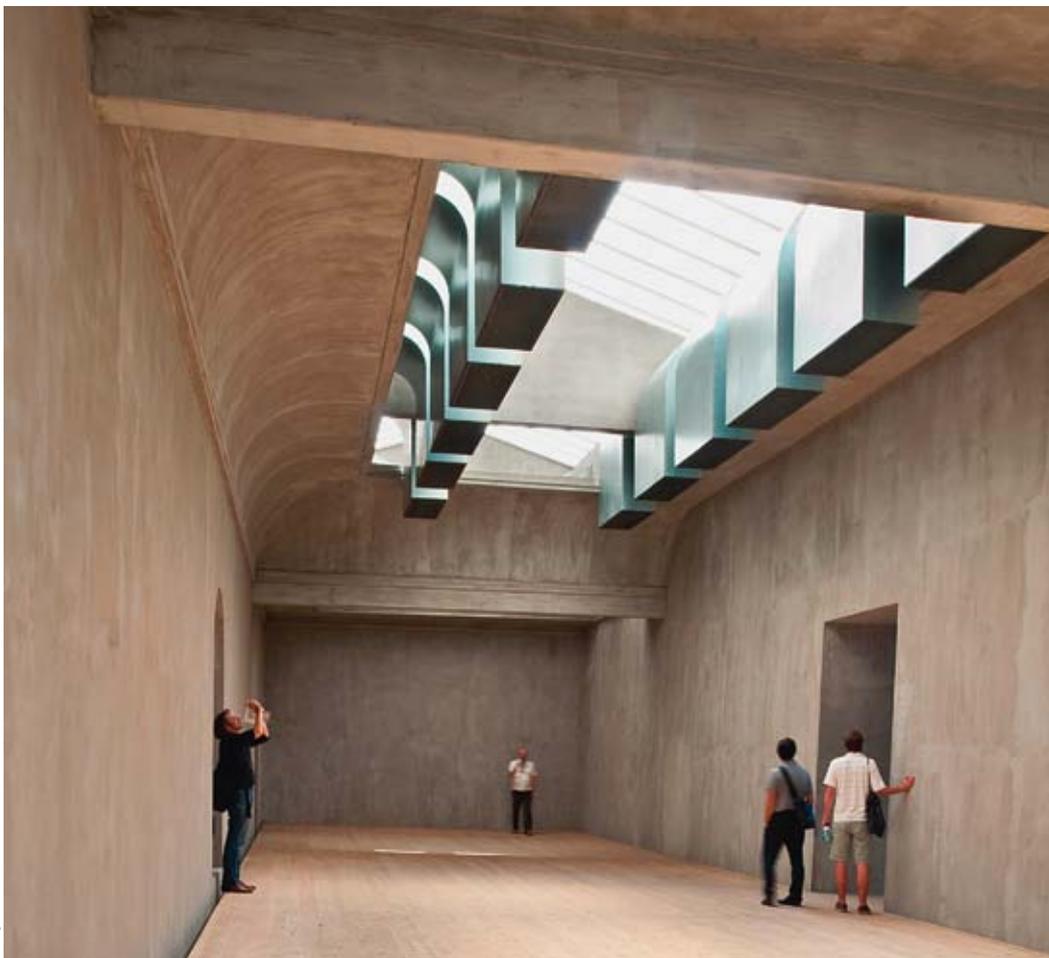
Все поверхности были нашпигованы чувствительными микрофонами, которые улавливали шумы обслуживающих здание инженерных систем и звуки, производимые находящимися в нем людьми. Динамики возвращали эти звуки в усиленном виде. Едва заметный звуковой фон, всегда присутствующий на грани нашего

сознания, причиняя смутное беспокойство, являясь внятно и доступно анализу, что дает чувство внезапного освобождения: так вот оно какое, то, что обычно гудит и поскрипывает так тихо, что и не ухватишь! Может быть, звуки, постоянно доносящиеся до нас из-за стен и закрытых дверей, и есть та самая «общая почва», которую разделяют люди и механизмы?

Инсталляция Чино Дзукки в интерьере Кордерии

Нико Сагге / Nicco Sargh

Посетители польского павильона вслушиваются в звуки, которые издают стены

Российская экспозиция на XIII Венецианской биеннале архитектуры была одной из самых посещаемых. Ни один репортаж с выставки не обошелся без светящихся панелей с QR-кодами. Дух захватывало не только от гигантского объема информации, зашифрованной в них. Прежде всего поражал сам павильон. Его называли киберпространством, пульсирующим миром пикселей. Но в этой подчеркнута современной игре с объемом, масштабом, светом и цветом куратор экспозиции Сергей Чобан опирался исключительно на законы классической архитектуры.

The Russian exhibition at the 12th Venice Biennale of Architecture was one of the most successful in terms of visitor numbers. No report from the biennale failed to mention the Russian Pavilion's luminous panels with QR codes. But in this emphatically modern play with volume, scale, light, and colour curator Sergei Tchoban relied exclusively on the laws of Classical architecture.

Сергей Чобан: Люди любят пространственные игры

В чем разница между работой над временным пространством и зданием, которое строится на века? Вы чувствовали себя более свободным?

Конечно. В этом здании никогда не будут жить люди. Не надо думать об инсоляции, инженерии, долговечности. Руки развязаны, многое можно попробовать. Но, с другой стороны, если нет долговечности, не останется и следа во времени. А это то, с чем я постоянно полемирую, все-таки у здания есть важная функция старения, перемены видов использования, а в самых долгосрочных сценариях развития – превращения в красивую руину.

Работа над выставкой сравнима с созданием декораций для театра и кино, а там самое главное – впечатляющий, поражающий, удивляющий эффект. Павильон должен «зажигать». К этому мы и стремились с Сергеем Кузнецовым. Конечно, участие в сколковском проекте звезд мировой величины привлекло венецианскую публику, но без интересных заманивающих пространств этого было бы недостаточно.

Люди обожают пространственные игры, поэтому они так любят посещать крупные культурные и общественные сооружения. Не только из-за их духовного или музейного насыщения, но и ради этой игры.

Тут уместны оценки «модно–немодно»?

Не нужно сужать рамки, говоря о том, что сейчас что-то не носят или не применяют. Мы, например, с Сергеем Кузнецовым на прошлой биеннале 2010 года делали рисованную диораму Вышнего Волочка, и многие посчитали, что это полный «отстой». Дескать, Россия как всегда – в других павильонах компьютерные инновации, а мы тут с диорамой... А я считаю, все, что людей поражает, все, что является игрой, вплоть до балаганной игры, все, что в людях пробуждает детей, которые приходят в цветной павильон и видят, как на глазах плоскость превращается в объем, – все это является палитрой выставочного дизайна, в отличие от «долгоиграющей» архитектуры, где такого балагана быть не может. Как и ярмарочные представления, балаган приедается через три-четыре месяца, но для временных сооружений подходит прекрасно.

После того как определена тема, нужно выбрать из палитры выставочных возможностей то, что поможет ее раскрыть. Независимо от того, что на дворе сегодня – минимализм, увлечение электроникой или подсчет денег, которых больше нет. Понятно, что бюджет играет огромную роль. Бюджет и тема. Но если они определены, то дальше надо создать пространство, которое бы поражало.

Какие приемы одинаково хорошо работают и во временной архитектуре, и в долговременной? В сущности, одни и те же. Только во втором случае они используются более деликатно. Из ярких примеров – церковь Сан-Сатино Браманте в Милане. Там при помощи девятности сантиметров плоского портала визуально продолжена перспектива. Кажется, что центральный неф проходит насквозь. При этом ты точно знаешь, что этого быть не может, но все равно веришь. Вот вам изменение и даже переосмысление пространства средствами изобразительного искусства.

А игра с масштабом?

Да, с масштабом играть я люблю. И использовать прием повторения – с уменьшением или искажением формы. Меня всегда поражали многократно повторенные орнаменты в гигантском масштабе: мозаичные полы, поля кессонов в Пантеоне. Это и индикатор масштаба, и «молекула» пространства, из которой, как из структурного элемента, составляется объем. Мне показалось интересным применить это в павильоне на биеннале. Тем более это сообщает экспозиции еще и литературный слой.

Sergei Tchoban: People Like Space Games

What is the difference between working on a temporary space and on a building which is designed to stand for centuries. Did you feel freer?

Of course. This is a building in which no one is ever going to live, so you don't have to think about insulation, utilities, or longevity. Your hands are untied, you can try things out. On the other hand, though, if there's no longevity, then there's no trace left in time.

Working on the Venice biennale is like creating a theatre or film set, where the main thing is to impress, surprise, and bowl people over. Sergei Kuznetsov and I felt we needed to create a space that would intrigue and draw people in. People adore spatial games; it's why they're so keen on visiting large religious or public buildings.

Can we talk of this kind of design being 'in' or 'out'? There's no need to narrow the frame in this way. At the previous biennale in 2010 Sergei Kuznetsov and I created a hand-drawn diorama of Vyshny Volochok, and many people didn't think much of it ... But in my opinion everything that impresses people, everything that is play, everything that turns people into children fascinated by the sight of a two-dimensional surface turning into a three-dimensional volume: all this is the palette of exhibition design.

What techniques work equally well in both temporary and long-lasting architecture?

Essentially, they're the same techniques. Only in the latter case they're used with greater tact. A good example is Bramante's Church of Santa Maria (San Satiro) in Milan, where the perspectival view is visually extended thanks to 97 cm of flat portal. The central nave seems to pass all the way through. You know for sure that this can't be, but you still believe it. So there you have a case of space being changed or even re-conceived using art.

And play with scale?

Yes, I like playing with scale. And I like using repetition – together with diminution or distortion of form. I have always been impressed by numerous repetitions of an ornament on a huge scale – such as the mosaic floors and the coffering at the Pantheon. The latter is both an indicator of scale and a spatial 'molecule', a structural element from which the architectural volume is constructed. I thought it interesting to use this in the pavilion for the biennale.

Are patterns made from perforated metal now a trend?

Facade perforations are a type of ornamentation. The Chrysler Building in New York likewise has exterior ornamentation (OK, not perforation, but still). Time has shown that this is not just a trend.

The way that surfaces are beginning to be worked – and our eyes are always looking for a diminution of scale, are no longer happy to rest on smooth surfaces – is a very modern tendency.

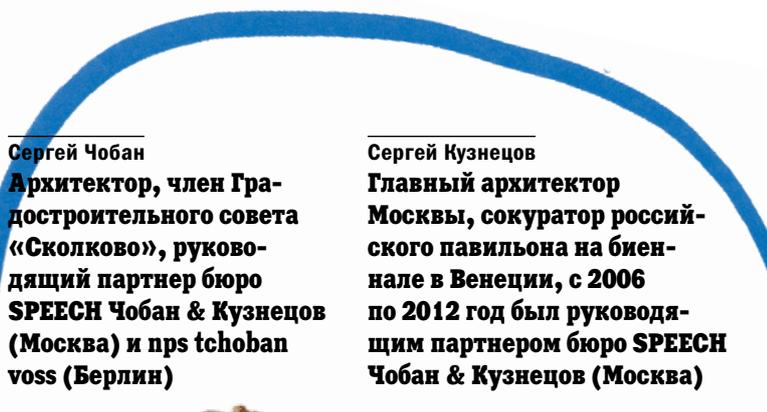
Your co-curator at Venice in 2012, as in 2010, was Sergei Kuznetsov, your partner of many years at SPEECH Tchoban & Kuznetsov. What in your work has

Биеннале – куратор

14

la Biennale di Venezia

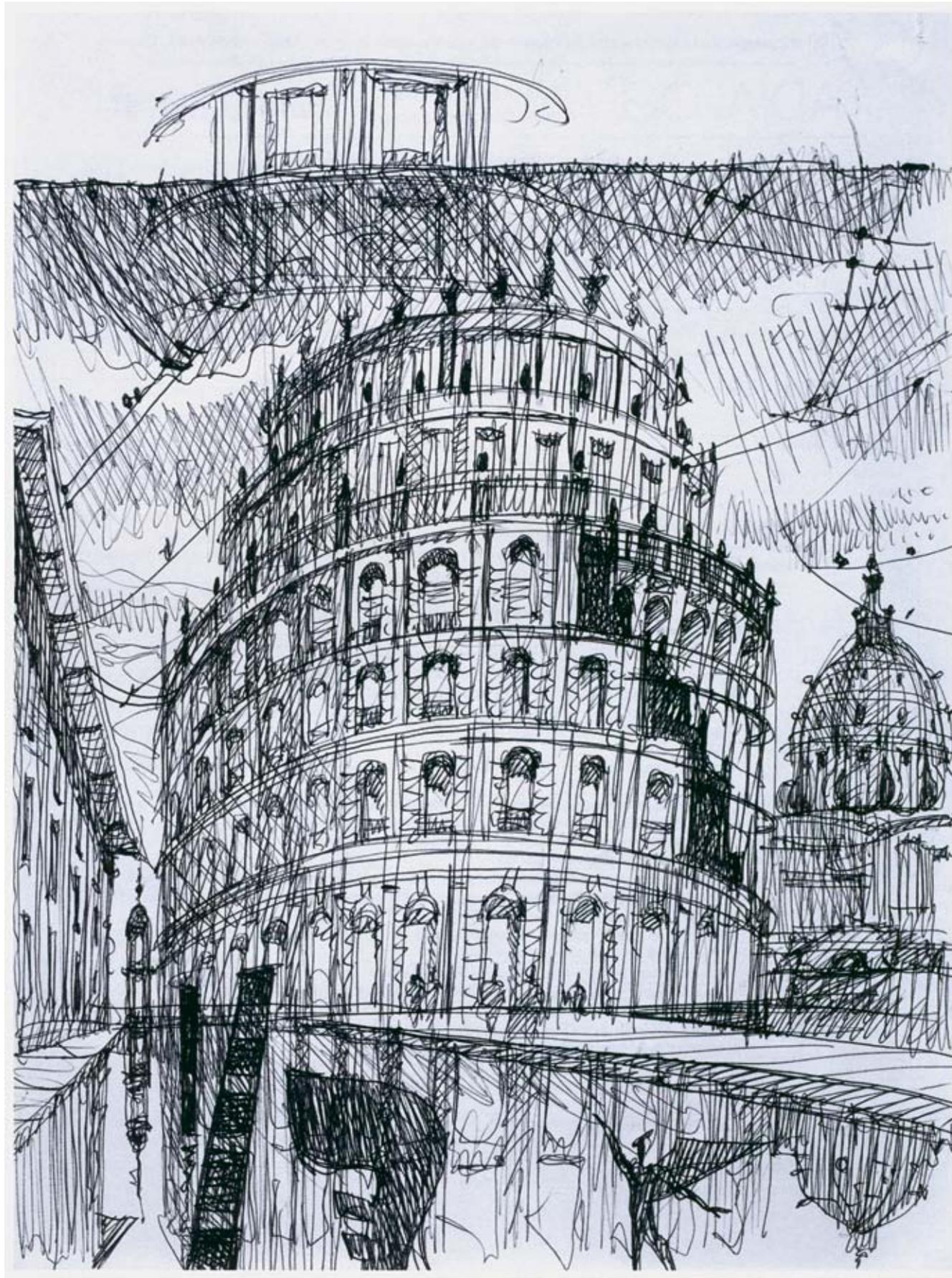
Сергей Чобан
Архитектор, член Градостроительного совета «Сколково», руководящий партнер бюро SPEECH Чобан & Кузнецов (Москва) и prs tchoban voss (Берлин)

Сергей Кузнецов
Главный архитектор Москвы, сокуратор российского павильона на биеннале в Венеции, с 2006 по 2012 год был руководящим партнером бюро SPEECH Чобан & Кузнецов (Москва)

Елена Петухова / Elena Petukhova

curator

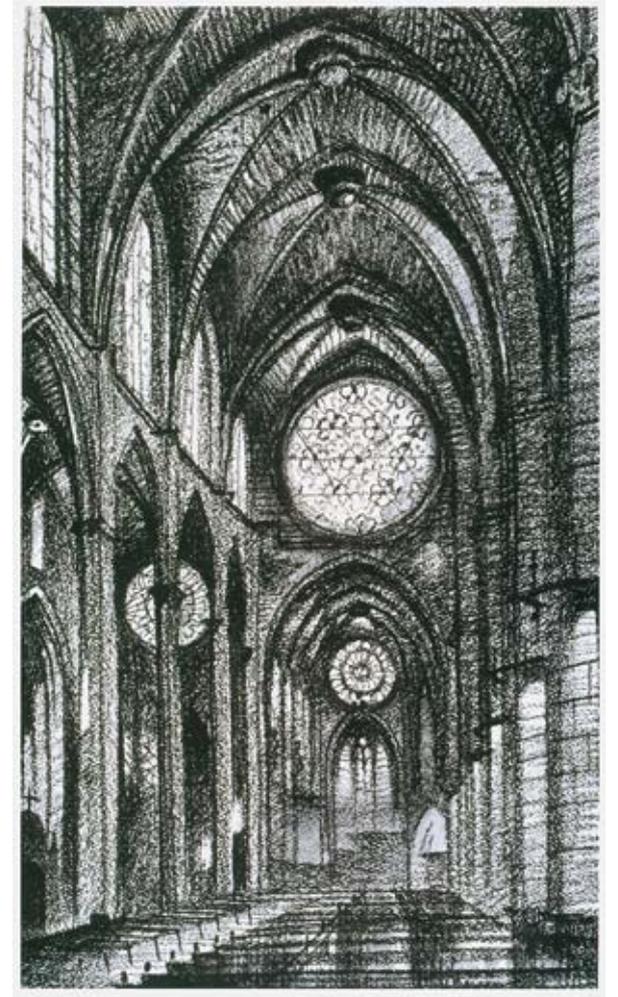
Прибрежный город. 2008 г. 30 × 21 см, шариковая ручка

По отношению к павильону высказывались полярные мнения. Говорили, что не было глубокого вхождения в контент. Что бы вы ответили критикам? Критика полезна, если она касается существа вопроса, но в России я вижу тенденцию критиканства. Нет глубокого знания материала, но есть желание оттениться на фоне запомнившегося объекта своим высказыванием. На Западе критика более прогнозируема. Делая там объект, я примерно понимаю, кому наступаю на пятки, какую публику, в том числе критиков, против себя настраиваю, а в России подобные вещи просто невозможно просчитать.

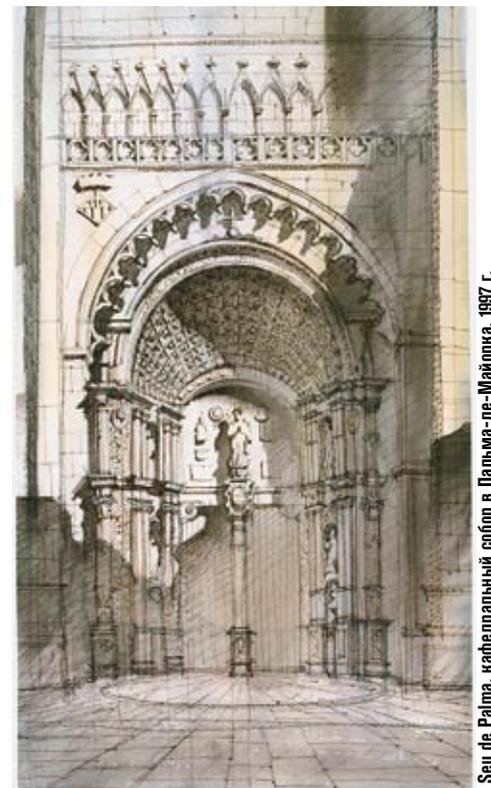
Да, можно говорить о недостаточной насыщенности контента, о недостаточной глубине входа в него, но углубляться можно бесконечно. И, наверное, даже сделать из сколковских презентаций фильм «Аватар». Но мы знаем бюджет «Аватара», и если бы за вход в павильон брали деньги, как за вход в кино, мы бы, безусловно, отбили весь бюджет и даже его удвоили.

Узоры из перфорированного металла – это тенденция?

Перфорация на фасадах – это вид орнамента. Крайслер-билдинг в Нью-Йорке тоже укра-

Seu de Palma, кафедральный собор в Пальма-де-Майорке. 2007 г. 67 × 41 см, уголь

Seu de Palma, кафедральный собор в Пальма-де-Майорке. 1997 г. 67 × 41 см, тушь, акварель

Все, что людей поражает, все, что является игрой, вплоть до балаганной игры, все, что в людях пробуждает детей, которые приходят в цветной павильон и видят, как на их глазах плоскость превращается в объем, – все это является палитрой выставочного дизайна, в отличие от «долгоиграющей» архитектуры, где такого балагана быть не может

шен орнаментом (это не перфорация, но все равно рельеф на панелях). Время показало, что это не тенденция. Как раз определение того, устареет ли сегодняшняя тенденция, и лежит в зоне ответственности архитектора. Останется только модой, значит ты создаешь однодневку и не отвечаешь тем задачам, которые должен ставить перед собой. Это относится к области предвидения. Перфорация на каких-то объектах может оказаться вполне вечной.

То, что плоскость начинает обрабатываться, глаз ищет все время уменьшения масштаба, утончения масштаба, не успокаивается на гладких плоскостях – это очень современная тенденция. И она современна всегда. Иначе нас бы окружали только белые стены.

Вашим сокуратором на XIII Венецианской биеннале, как, впрочем, и на предыдущей в 2010 году был Сергей Кузнецов, ваш многолетний партнер по бюро SPEECH Чобан & Кузнецов. Что изменилось в вашей работе, когда он стал главным архитектором Москвы?

Мы официально открыли павильон 28 августа, а первого сентября Сергей получил назначение. Так что в работе над выставкой я не успел почувствовать изменений. Сергея сделали главным архитектором Москвы не за красивые глаза, а за все то, что он заслужил в ходе своей работы в нашей команде. На него обратили внимание и сказали: «Смотрите, какой замечательный архитектор, он еще и москвич, и ему всего 35 лет. Он попадает в целевой возраст и целевую категорию, давайте-ка мы попросим его делать еще что-то другое».

Наша совместная работа прекратилась. Для меня это печальное обстоятельство. С деловой точки зрения проблем нет (немецкий офис я уже 16 лет веду один). А с человеческой... раньше я радовался, видя каждый день Сергея в офисе, а теперь не радуюсь, глядя на пустой стол.

Как у вас распределялись обязанности в дуэте? Никак. Какие-то проекты вел он, какие-то я. Все идеи обсуждались. Мы – единомышлен-

ники. Всегда говорили и думали о похожих вещах. Нам нравились похожие вещи. Мы много ездили рисовать вместе. Когда сидишь и рисуешь одну церковь и параллельно общешься какими-то мыслями об архитектуре, это срачивает. И тут разница в возрасте, вернее в опыте, постепенно нивелируется и перерастает в крепкую дружбу и содержательное партнерство.

Будете искать нового партнера?

Ни в коем случае. Сергея никем не заместить. Был хороший друг, а теперь он уехал, не перестал быть другом, но уехал...

Какие человеческие черты нужны успешному архитектору?

Верность себе, внутренняя честность, нежелание гнаться за модой. Нужно постоянно задавать себе вопрос, что тебе самому нравится, и оставить в стороне вопрос «а современно ли это?» Многие из нас стыдятся собственных привязанностей. Но очень важно сокращать разрыв между тем, что ты делаешь и что тебе нравится. Советское воспитание часто вело к такой раздвоенности. Тыходишь в рафаэлевский зал Академии художеств: ну, это же прошлое, а у нас сейчас минимализм на дворе, засмеют, пожалуй... Но как только ты поймешь, что живешь не в другом измерении, а в том же самом, и то, что ты сделаешь, тот минимум, будут сравнивать с громадой, которую подняли другие за ту же короткую жизнь, тогда и может наступить прозрение.

Расскажите про свои занятия архитектурной графикой и коллекционированием.

Сам я начал рисовать именно с архитектуры. Всегда наслаждался патиной, тем, как живет архитектура во времени.

Мне близко наследие Бориса Иофана, Ивана Фомина, который в рамках неоклассики нашел свой путь, отделил от тектоники «излишества» (понятно, что они никогда излишествами не были) и отыскал свою тему и ноту. Я учился у его сына Игоря, не совсем понимая, что это последний из великих архитекторов...

Мы, кстати, сейчас готовим выставку «50 лет российской архитектуры». Планируем показать Бенуа, Щусева, Иофана, Чернихова в берлинском Музее архитектурной графики.

Если весь контент сейчас можно посмотреть, не выходя из дома, на собственном компьютере, возникает резонный вопрос, зачем тогда вообще нужны биеннале? Зачем встречаться живьем?

Обратите внимание, все три павильона, которые получили специальные призы, и в том числе наш, без ложной скромности скажу, запомнились одним. Это были яркие пространства. Оставим Японию, там другая история. Во-первых, выдающийся архитектор сделал выставку, во-вторых, какое трагическое событие произошло, и какой щемящий ответ на него нашли. Но с остальными победителями все было похоже: и пустое польское пространство, где начиналось подспудное движение, и ты его ощущал, и наш павильон с очень ясной идеей. Его каждый запомнил, а ведь архитектура – это то, что можно в том числе нарисовать двумя линиями, и идея станет понятна.

Я считаю, ради этих пространственных эффектов, которые не так легко найти в серьезной архитектуре, потому что она потребовала бы еще больших бюджетов и еще больших рисков, люди и едут на биеннале. И тот, кто экспериментирует с пространством, тот в прямом и переносном смысле выигры-

changed since Kuznetsov became Chief Architect of Moscow in September 2012?

We no longer work together. I find that very sad. From the point of view of business this has hasn't created any problems (I have been managing our German office on my own for the last 16 years). But from the human point of view.... Previously, it gave me joy to see Sergei in the office every day, but now I look at his empty desk and I no longer feel that joy.

Will you look for a new partner?

No way. Sergei's impossible to replace. He was a good friend and now he's gone; he's not stopped being a friend, but he's gone.

If it's possible to see the entire content of an exhibition on a computer without leaving your home, it's only reasonable to ask why we need biennales?

Why do we need to meet in the flesh?

Note that all three pavilions which received special prizes were memorable for the same thing: they were striking spaces. Well, leave aside Japan, which was different. In the other cases everything was similar: the empty Polish space, where there was a movement beginning under the surface and you felt it, and our pavilion with its extremely clear idea. One definition of architecture is that it is what you can draw using just two lines and yet still get your idea across.

I think that it's for spatial effects like this – which are not so common in serious architecture because that would make it even more expensive and risky – that people come to the biennale. At the exhibition there were people who ignored the content, but were impressed by the pavilion. Architecture is the space in which you are, not what you're looking at. You enter a building, as yet you know absolutely nothing, but the architecture already affects you. When you've experienced this 20–30 times in a row, you understand why we need biennales.

куратор

вает и у публики, и у критиков. Если редуцировать экспозицию до нескольких экранов или использовать павильоны как склад инвентаря – да, такое можно заменить на ссылку в сети. Если бы я перед нашим павильоном поставил один огромный QR-код, это было бы глупостью. Другое дело – игра с объемом. Попробуй у себя в комнате построить такой купол! Воздействие пространства на человека нельзя заменить ничем.

Сидя у себя дома, ты это пространство не почувствуешь – свой масштаб в этом помещении, то, как тебя обволакивает форма... Не подменишь реальное виртуальным, только получишь сухую информацию. Вот когда мы научимся нырять в компьютер с головой и воспринимать запахи, звуки, осязать поверхности, вот тогда можно будет говорить, что реальность исчезла. Но я считаю, это будет конец света.

На выставке были люди, которые контентом не пользовались, но были поражены павильоном. Архитектура – то, в чем ты находишься, а не то, что ты смотришь. Ты вошел, еще ничего не знаешь, не слышал, но она уже на тебя воздействует. Испытав 20–30 таких переживаний кряду, ты понимаешь, зачем нужны биеннале.

Вы держали в голове, что делаете экспозицию для Венеции, вели диалог с вечной архитектурой?

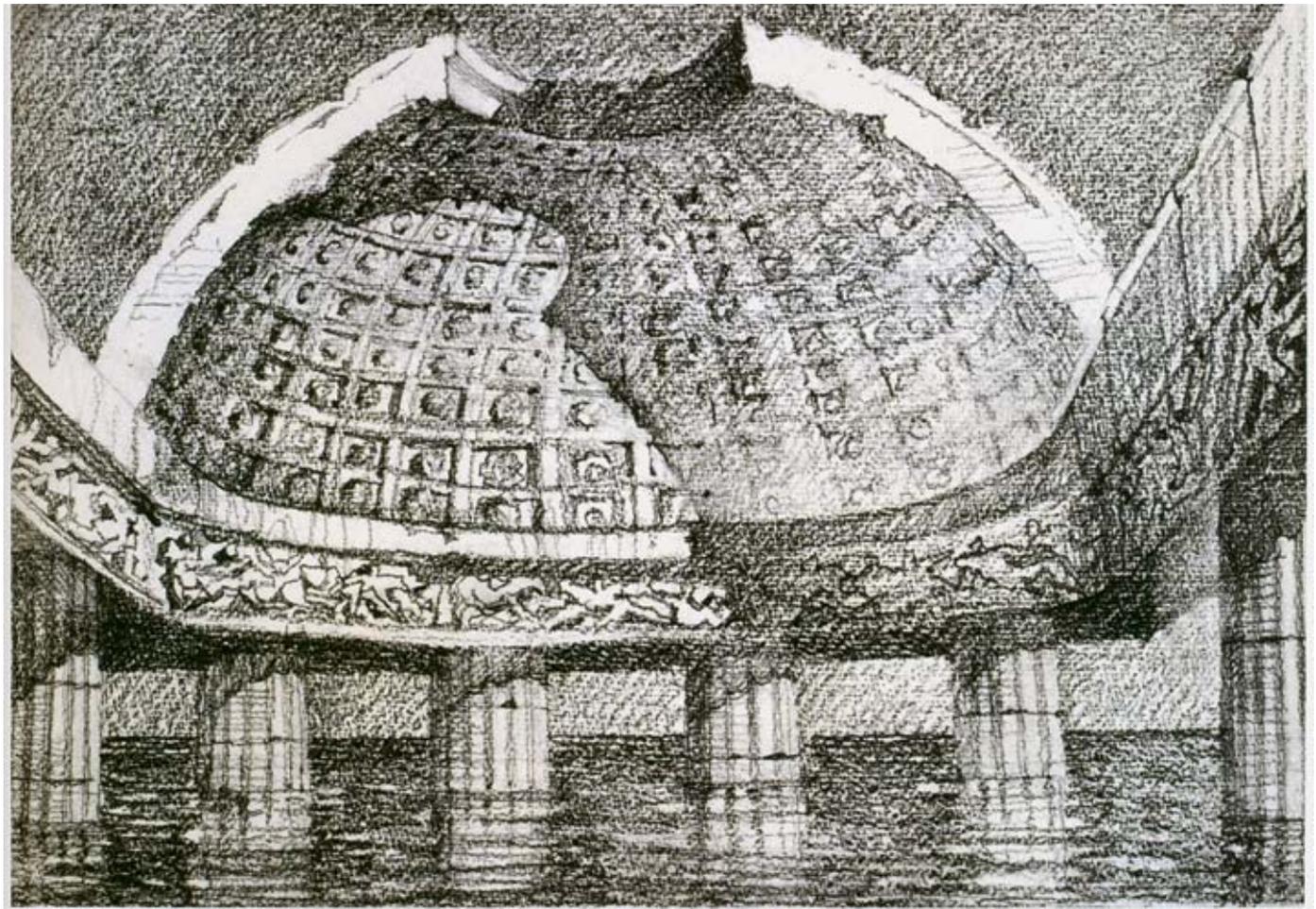
Конечно! И та и другая биеннале делались только для этого зала и только для этого города.

Интервью подготовила Наталия Почечуева

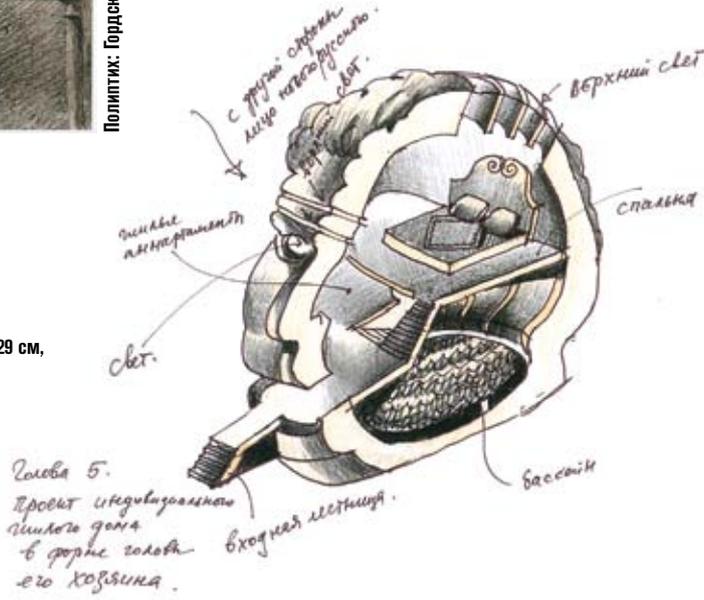

Политик: Гордское окно. 2009 г. 27 × 19 см, пастель, карандаш, цветная бумага

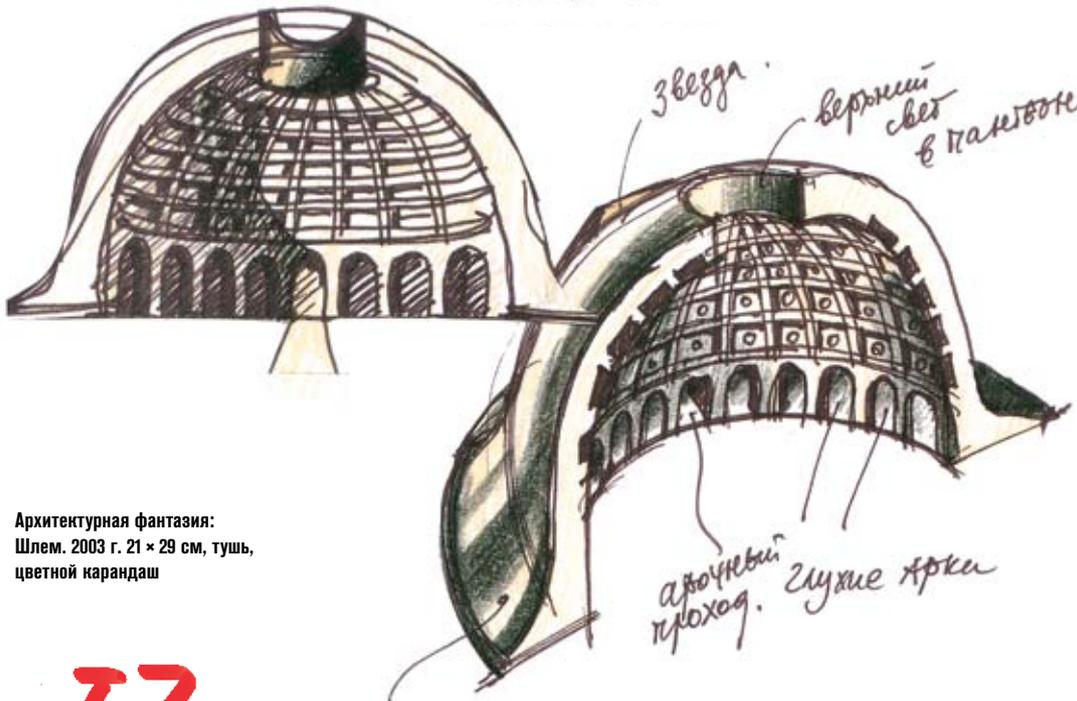

Храм в воде. 2008 г. 19 × 27 см, карандаш

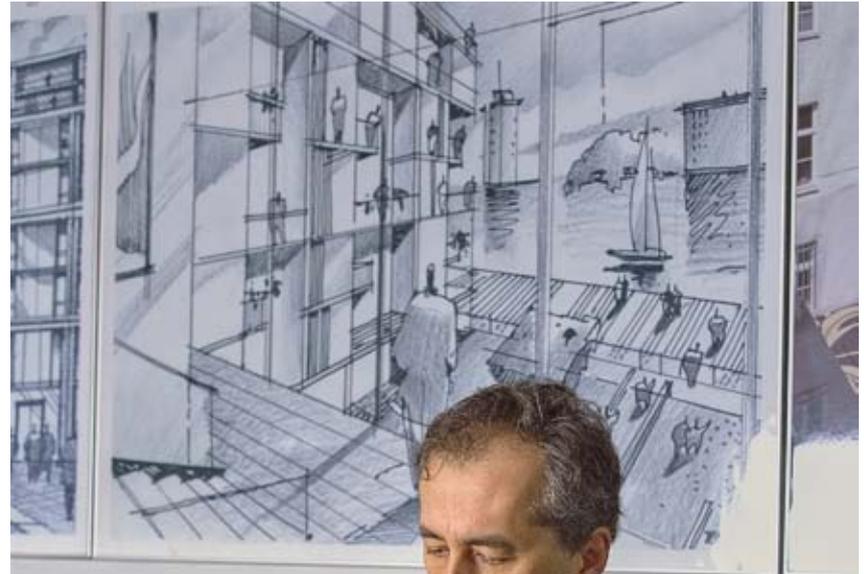
Архитектурная фантазия:
Новая Россия. 2003 г. 21 × 29 см,
тушь, цветной карандаш

Голова 5.
Проект индивидуального
жилого дома
в форме головы
его хозяина.
входная лестница.

форма солдатской каски
внутри как бы пантеон

Сергей Чобан за работой

Авторы экспозиции российского павильона на XIII Биеннале архитектуры в Венеции после церемонии вручения награды. Слева направо: Сергей Кузнецов (сокуратор и соавтор дизайна экспозиции), Григорий Ревзин (комиссар павильона), Константин Чернозатонский (автор концепции и разработчик мультимедийного сопровождения), Валерия Каширина (сокуратор российской экспозиции), Сергей Чобан (куратор и дизайнер российской экспозиции)

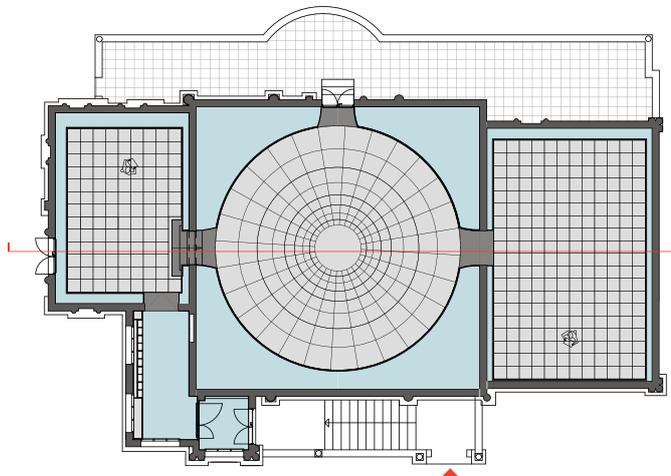
Елена Петухова / Elena Petukhova

Анатолий Белов

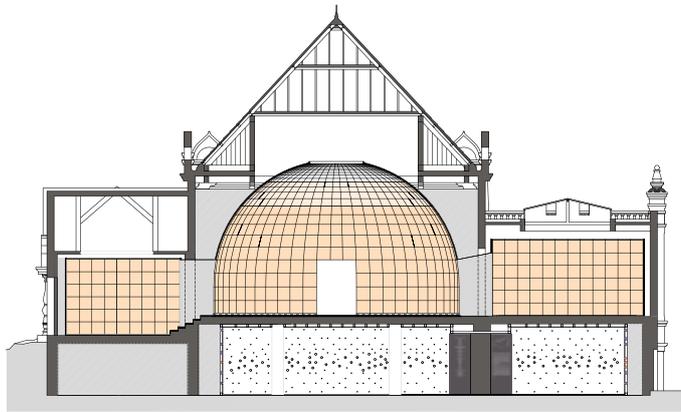
Купол надежды

Начну издалека. В 2010 году архитекторы Левон Айрапетов и Валерия Преображенская стали призерами шанхайской ЭКСПО – спроектированный ими российский павильон был признан одним из лучших в рамках Всемирной выставки. Успеха никто не ждал, и в этом нет ничего странного. Наша архитектура с 1958 года не удостаивалась наград такого уровня (тогда жюри брюссельской ЭКСПО присудило советскому павильону Гран-при). Кроме того, сказался негативный медийный фон, сложившийся вокруг шанхайской истории: требование тогдашнего президента РФ Дмитрия Медведева переделать экспозицию, нападки отечественных СМИ на архитектуру и сценографию павильона – все это настраивало на пораженческий лад. И вот, награда.

Два года спустя произошло еще одно событие, которого тоже никто не ждал: российская национальная экспозиция на XIII Венецианской биеннале архитектуры получила специальный приз жюри. Впервые в истории. Перечислим людей, завоевавших для нашей страны эту почетную награду: Сергей Чобан (куратор и дизайнер российской экспозиции, руководящий партнер бюро SPEECH Чобан & Кузнецов и nps tchoban voss, член Градостроительного совета Фонда «Сколково»), Сергей Кузнецов (сокуратор и соавтор дизайна экспозиции, главный архитектор Москвы, член Градостроительного совета Фонда «Сколково», в прошлом – руководящий партнер бюро SPEECH Чобан & Кузнецов), Григорий Ревзин (комиссар павильона, член Градостроительного совета Фонда «Сколково», специальный корреспондент ИД «Коммерсантъ»), Валерия Каширина (сокуратор экспозиции, ГАП бюро nps tchoban voss), Константин Чернозатонский (автор концепции и разработчик мультимедийного сопровождения, директор компании TreeLev) 1. Похлопаем!

Первый этаж павильона. План экспозиции i-city

Разрез по экспозиционным залам российского павильона

По своему размаху Биеннале, конечно, далеко до ЭКСПО, но было бы опрометчиво недооценивать значимость нашего венецианского успеха. Я бы даже сказал, что для нашей архитектуры этот успех поважнее шанхайского. Дело в том, что павильон Айрапетова и Преображенской был премирован к категории «За раскрытие темы ЭКСПО “Лучше город – лучше жизнь”» (theme development). А ведь там еще были категории «За креативность» (creative display) и «За дизайн павильона» (pavilion design). То есть жюри отметило наш павильон не столько за внешний вид, сколько за смысловое содержание. Да, при этом было сказано много слов о том, какой он

рационализация

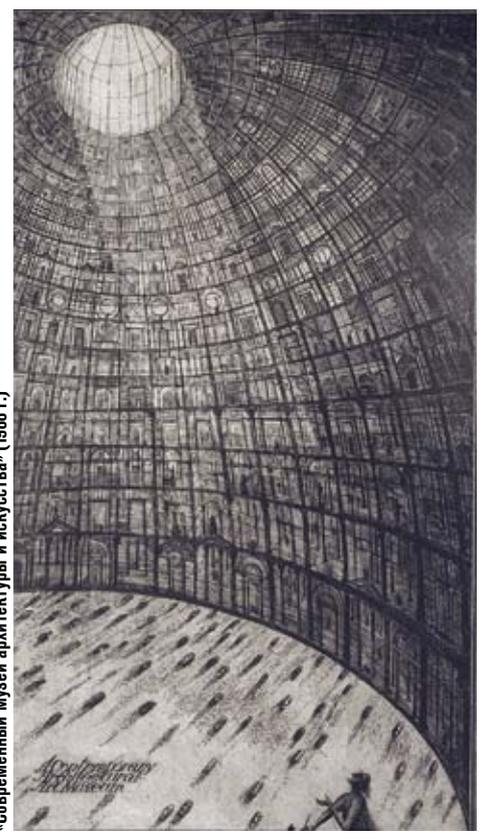

Кадр из фильма «Куб» Винченцо Натали (1997 г.)

Anatoly Belov
Dome of hope

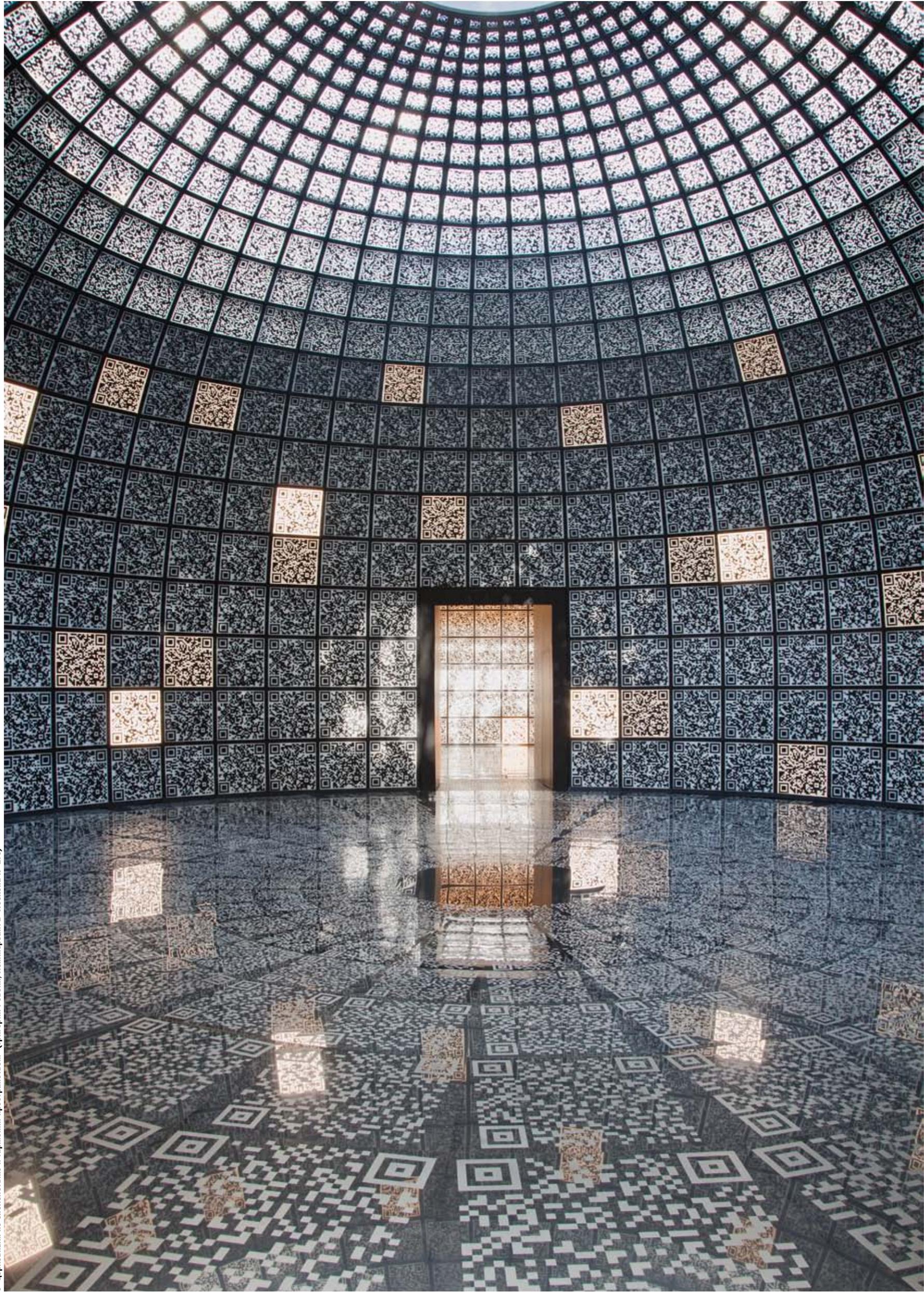
I'll start at a tangent. At EXPO 2010 in Shanghai architects Levon Ayrapetov and Valeria Preobrazhenskaya were awarded a prize for designing one of the best national pavilions at the world exhibition. This success came as a surprise, and the low expectations were in themselves only natural given that since as far back as 1958 our architecture had failed to win any award of this kind of importance (the USSR Pavilion was awarded the Grand Prix by the jury at EXPO 1958 in Brussels). Furthermore, the Russian Pavilion in Shanghai had to contend with unfavourable courage in the media. Dmitry Medvedev, the then Russian president, had asked for the Russian exhibition to be changed and the Russian media had criticized the pavilion's architecture and staging. All this resulted in a mood of despondency. And then came victory.

Two years later, we have been surprised by another event which no one expected: the Russian national exhibition was awarded the jury's special prize at the 13th Biennale of Architecture in Venice. This is a first for Russia. I'll name those who were responsible for winning this highly respected award for our country. They are: Sergei Tchoban (curator and designer of the Russian exhibition, managing partner of SPEECH Tchoban & Kuznetsov and nps tchoban voss, member of the Urban-Planning Council at the Skolkovo Foundation), Sergei Kuznetsov (curator and co-author of the design for the exhibition, Chief Architect of Moscow, member of the Urban-Planning Council at the Skolkovo Foundation, and previously managing partner of SPEECH Tchoban & Kuznetsov), Grigory Revzin (commissioner for the pavilion, member of the Urban-Planning Council at the Skolkovo Foundation, and special correspondent for Kommersant newspaper), Valeria Kashirina (co-author of the exhibition, principal project architect at nps tchoban voss), Konstantin Chernozatonsky (author of the concept and designer of the multimedia accompaniment, director of TreeLev) 1. Applause, please!

Фрагмент офорта Александра Бродского и Ильи Уткина «Современный музей архитектуры и искусства» (1988 г.)

Металлический купол из QR-кодов в главном зале российского павильона. Высокие технологии сочетаются здесь с «черковным по спокойствию и гармонии пространством» (Григорий Ревзин, Коммерсантъ-Weekend № 278)

Справка Решетчатый каркас инсталляции i-city был собран из металлических труб прямоугольного сечения. В образовавшиеся ячейки были вмонтированы металлические панели толщиной 3 мм с перфорированным изображением QR-кодов. Равномерную подсветку инсталляции обеспечивали светодиодные панели, прикрепленные непосредственно к каркасу. Материал напольного покрытия – полированная нержавеющая сталь (70% отражающей способности, 30% матовое напыление, частично повторяющее QR-узоры на стенах)

эффектный, да, впоследствии китайцы решили оставить его как памятник, но формулировка есть формулировка. Венецианское жюри отметило наш павильон «За диалектический подход к прошлому, настоящему и будущему страны» – туманно, конечно, и тоже не вполне про архитектуру, однако, в отличие от ЭКСПО, Биеннале все-таки архитектурная выставка и все награды, которые там вручаются, так или иначе, за архитектуру.

Почему спецприз стал для нас неожиданно? Биеннале, как всякое крупное международное событие, весьма политизирована, а тут как раз случилась посадка Pussy Riot... В первые дни работы выставки либерально настроенные граждане устроили перед нашим павильоном демонстрацию в поддержку Толоконниковой, Алехиной и Самуцевич. И несмотря на народные возмущения, несмотря на то, что в нашем павильоне выставлялся государственный проект – «Сколково», то есть был дополнительный повод нас проигнорировать, Россия получила премию. Не знаю, конечно, но, по-моему, это дико круто.

Увы, мне не довелось побывать на открытии. Говорят, в российский павильон стояли огромные очереди. Охотно верю. Я там был 13 октября, то есть через полтора месяца после начала работы экспозиции. Лил дождь, в ботинках хлюпало, а люди стояли...

На самом деле мое знакомство с павильоном началось гораздо раньше. С фотографий. Не увидеть их было невозможно – международное медиасообщество оценило фотогеничность придуманного Чобаном и Кузнецовым пространства и растиражировало его в каких-то невероятных масштабах: павильон опубликовали все главные архитектурные интернет-порталы и блоги: dezeen.com, archdaily.com, archinect.com, designboom.com, archi.ru; Facebook наводнили посты с его изображениями; фото центрального зала с куполом

Анатолий Белов
редактор журналов *i+U*,
«Проект Россия»
и «Проект international»

из QR-кодов украсило обложки октябрьских номеров архитектурных журналов *a+u* (Япония) и *Interior Design* (США) – это, кто не знает, одни из самых уважаемых периодических изданий об архитектуре в мире.

На снимках наш павильон напоминает декорации к культовому фильму ужасов «Куб»: через перфорированные QR-узоры стен льется холодное сияние светодиодов, зеркальный пол из тонированных стальных листов отражает решетчатый каркас стеновых панелей – красиво, стильно, но несколько клаустрофобично.

Премия и медийный ажиотаж вокруг нашей экспозиции подхлестнули мое любопытство. И вообще, прежде чем выносить оценку произведению пластического искусства, крайне желательно увидеть его в натуре. Купил билет и полетел в Венецию...

Меня с детства восхищали визионерские работы «бумажных» архитекторов Александра Бродского и Ильи Уткина. Особенно их проект для конкурса «Современный музей архитектуры и искусства» 1988 года, где над перекрестком сумрачного мегаполиса нависает гигантский стеклянный купол, увенчанный скульптурой «Лаокоон и его сыновья». Всегда мечтал побывать внутри этой штуковины, хотя и понимал, что никогда не смогу, подобно героям сказки про Мэри Поппинс, пройти через рисунок в другое измерение... И вот, я словно попал в это «бумажное» Зазеркалье! Но будем последовательны. Сначала направился в залы первого этажа – к экспозиции «Сколково» под названием i-city. Отстояв в очереди, я очутился в тесной черной комнатке со стеллажом, заполненным планшетами Samsung. Услужливая девушка выдала мне один и объяснила, что с ним надо делать: наводишь планшет на квадратик с QR-кодом, тыкаешь в экран и на экране отображается презентация с картинками и текстом. Прошел в первый зал, посвященный истории проекта «Сколково». Пробежал глазами кураторское послание, потыкал в экран – как выяснилось, очень приятное занятие. Покрутился-повертелся и направился в следующий зал, где были представлены проектные материалы, – зал с купольным сводом из QR-узоров. Тут меня и накрыло. Окувание в инновационность пробудило воспоминания о детских восторгах. И стало совсем приятно. Пространство на поверку оказалось отнюдь не клаустрофобичным. И куда более эффективным, чем на фотографиях. Провел рукой по перфорированной поверхности купола, ощутив прохладу и твердость металла. Класс!

За этим последовал осмотр цокольного этажа. Там разместилась экспозиция под названием i-land, где были представлены фотографии 37 советских наукоградов, еще не так давно засекреченных. Здешний интерьер авторы уподобили шпионской комнате. Черный-пречерный зал. В стенах прорезаны круглые дырочки, из которых струится свет. Огоньки так и манят, прямо как болотные духи в старинных рыцарских романах. Заглядываешь в отверстие, а там фотография того или иного наукограда.

Внизу – мы советские, наверху – мы новые. Месседж вполне понятный.

Кому-то этот текст может показаться излишне восторженным. Мне все равно. Уверен, что о подобных достижениях надо петь как можно громче и как можно слаще – у нас их не так много. Более того, предлагаю следующее: сохранить купол, перевезти его в Москву и выставить во дворе Музея архитектуры им. Щусева. Как сохранили кабинет покойного директора МУАРа Давида Саркисяна, так и это давайте сохраним. Можно пригласить

In terms of scale, the Venice Biennale is nothing like EXPO, but the importance of Russia's success in the biennale should not be dismissed in a hurry. I would even say that for our architecture this success is more important than the achievement at Shanghai. The thing is that Ayrapetov and Preobrazhenskaya's pavilion won its award for "Development of the EXPO's theme 'Better City – Better Life'". But there were also prizes for "creative display" and "pavilion design". So the jury distinguished the Russian pavilion not so much for its exterior appearance as for its semantic content. Admittedly, there was a lot said about how visually striking the pavilion was, and subsequently the Chinese decided to leave it in place as a monument; but the wording of the official formulation is nevertheless important. The jury at the Venice biennale awarded the Russian Pavilion a prize "For its dialectical approach to the country's past, present, and future". This too is a foggy formulation and one which is not entirely about architecture; however, unlike the EXPO, the Venice biennale is an architecture exhibition and all the awards presented at it are in one way or another for architecture.

Why was the special prize so unexpected in Russia? The biennale, like any major international event, is highly politicized, and just before it opened, Pussy Riot, the feminist punk band, had been sent to prison... During the first few days after the exhibition opened, liberally minded citizens held a demonstration in support of Tolokonnikova and her comrades in front of our pavilion. And in spite of the mood of popular indignation, in spite of the fact that our exhibition was showing a state project (Skolkovo) and so there was an additional reason to do us down, Russia won the prize. I have to say I think this is really great.

Alas, I was not able to be present at the opening. They say there were enormous crowds trying to get into the Russian Pavilion. I can believe it. I was there on the 13th of October, i.e. one and a half months after the opening. It was pouring with rain, there was water in everyone's shoes, but people were still queuing to get in...

In actual fact, I first saw the pavilion much earlier. In photographs. It was impossible not to see them, given that the international media community had been impressed by the photogenic nature of Tchoban and Kuznetsov's design and had started reproducing it in unbelievably large numbers: the pavilion was published by all the main architecture internet portals and blogs, including dezeen.com, archdaily.com, archinect.com, designboom.com, and archi.ru; Facebook was flooded with posts showing the design; and photos of the central hall and dome made from QR codes embellished the covers of the October issues of the architecture magazines *a+u* (Japan) and *Interior Design* (USA).

On photographs our pavilion is reminiscent of the set for the cult horror film *Cube*. Through the perforated QR patterns of the walls pours the cold radiance of light from LEDs, while the mirror-reflective floor, made from stained sheets of steel, reflects the latticed framework of the wall panels. It's a beautiful, stylish image, but one which could give you an attack of claustrophobia.

The prize and the media excitement surrounding the Russian exhibition stirred my curiosity. And in general, of course, before coming out with a public evaluation of a work of plastic art, it is extremely desirable to see it with one's own eyes. So I bought a ticket and set off for Venice...

Ever since I was a child, I have admired the visionary work of the 'paper' architects Alexander Brodsky and Ilya Utkin [these architects are 'paper' in the sense that their works were initially not built or even intended to be built, being mainly conceptual in character – translator's note] – and especially their project for the 'Contemporary Architectural Art Museum' competition of 1988, where, looming above an intersection in a gloomy megalopolis, they drew an enormous glass dome topped by a sculpture of Laocoon and his sons. I had always dreamed of entering this thing, although, of course, I understood that I could never repeat the feat of the characters in the story of *Mary Poppins* and pass through a drawing into

pavilion

20

Биеннале – Павильон

la Biennale di Venezia

Один из залов экспозиции i-city. Здесь можно было получить сведения о программе развития ИЦ «Сколково»
Напольное покрытие изготовлено из нержавеющей стали с 70% отражающей способностью

Стены из металлических панелей с перфорированными изображениями QR-кодов.
Тип подсветки – светодиодные панели. Квадраты, составляющие изображения кодов, держатся на тонких горизонтальных связях толщиной 2 мм

pavilion

another dimension... But now it was just as if I had entered this 'paper' world 'through the looking glass'! But let's take things one by one. The first thing I did was to head for the rooms on the ground floor – to the 'i-city' exhibition on Skolkovo. After queuing, I found myself in a cramped black little room containing shelves full of Samsung tablets. A courteous girl gave me one and explained what I needed to do with it: you point the tablet at a square with a QR code, prod the screen, and up comes a presentation with pictures and text. I went into the first room, which was on the history of the Skolkovo project. I skimmed through the curator's introduction and prodded the screen (a very pleasant thing to do, as it turned out). I looked at this and that and headed for the next room, where architectural and design plans for the dome made of QR codes were on show. It was at this point that I was suddenly overwhelmed. The plunge into this sea of innovation stirred up memories of the delight I had experienced as a child. And I really began to enjoy myself. In the flesh, the space turned out to be not at all claustrophobic. And even more visually arresting than in the photos. I passed my hand over the dome's perforated surface, feeling the coolness and the hardness of the metal. What class!

Next I went to look at the lower level. Here there was an exhibition entitled 'i-land', with photos from 37 Soviet *naukograd*s ['science towns'] which had until quite recently all been officially secret. In terms of interior design, this space resembled a spy's hide-out. It was cave-black. In the walls were circular cut-outs with light streaming through them - illuminations that beckoned like the swamp spirits in old novels of chivalry. Looking into one of these holes, you saw a photograph of this or that *naukograd*,

So below, we Russians are Soviet, and on top we are new. The message could not be clearer.

Some people may think I am letting myself get carried away here. I don't care. It seems to me we should sing the praises of achievements like this as loudly and as sweetly as possible; after all, there are not so many achievements to be sung here in Russia. Moreover, I propose that the dome be preserved, brought to Moscow, and exhibited in the courtyard of the Shchusev Museum of Architecture, just as we preserved the office of David Sarkisyan, the museum's late director. We could invite architect Boris Bernaskoni to make some kind of cubic wooden envelope for the dome; this would not be his first building on this site (in 2002 he designed IMMateral Box pavilion for the museum's courtyard) – and then Boris is so good at designing simple forms. This would be a great exhibition space! You could show anything you like in it.

In general, two international prizes in the space of two years must give us pause for thought.... Is it not time to shake off the dust of pretend provincialism? Everything's fine with our architecture: here's the proof. And it seems that the first positive shifts in this direction have already begun to take place. According to the opinion poll conducted by architecture website archi.ru, architect and artist Yury Avvakumov, who was curator of the Russian Pavilion at the 6th Venice Biennale in 1996, called Tchoban and Kuznetsov's exhibition the "main achievement of the year". Now Avvakumov is an exacting type who is by no means inclined to waste words.

So the Russian exhibition at the 2012 biennale gave us the hope we had been waiting for so long – the hope of ridding ourselves of our inferiority complex. Let's smile and spur on our horses!

Jean Pistre, architect, Chairman of the Urban-Planning Council for Skolkovo

The Russian Pavilion won over the spoiled Venetian audience by its quality, ambitions, and eye-catching presentation. Many saw a parallel between the biennale and Skolkovo. And this is not surprising given that David Chipperfield, this season's curator, Kazuyo Sejima, curator of the previous biennale, and Rem Koolhaas, curator of the forthcoming

скрывались научные города. Эта секретность была мастерски подчеркнута командой Сергея Чобана, Сергея Кузнецова и Григория Ревзина. Историческая ретроспектива таких вот научных «сколковых» – главная линия обустройства российского павильона.

Команда добилась тройного успеха: связала воедино павильон, архитектура которого состоит из очень разрозненных объемов; создала впечатляющую экспози-

цию, ставшую одной из главных точек притяжения на биеннале; и, наконец, нашла оригинальный способ общения между публикой и экспозицией – через смотровые окошки и планшеты.

Это позволило донести до посетителей намерения Фонда «Сколково» по отношению к исследователям, университетской среде, студентам и бизнесменам, а именно: архитектура и искусство могут быть проводниками науки и творчества.

И публика поняла это послание. Прочувствовала гордость, с которой Россия представляла этот знаковый и стратегически важный для страны проект.

Только Венеция могла принять всю эту страсть к архитектуре и науке. Как сказал Ги де Мопассан: «Нет такого места на Земле, которое породило бы заговор воодушевления больший, чем Венеция».

Жан Пистр, архитектор, председатель Градостроительного совета «Сколково»

Российский павильон покорила избалованную венецианскую публику качеством, амбициями и эффектной подачей. Многие проводили параллель между биеннале и «Сколково». И неудивительно – бюро Дэвида Чипперфилда, куратора этой выставки, Кадзуо Седжима, куратора предыдущей, и Рема Колхааса, куратора предстоящей, участвуют в проекте, а их руководители являются членами Градостроительного совета «Сколково».

Экспозиция приоткрыла завесу тайны, за которой до сих пор

Оформление экспозиции I-land, рассказывающей о советских наукоградах, напоминало интерьер «шпионской комнаты»: черные стены, а в них – отверстия для наблюдения

Патрисия Париньерад / Patricia Parinierad

pavilion

архитектора Бориса Бернасconi сделать для этого купола какую-нибудь деревянную оболочку кубической формы – это будет не первая его постройка на данном участке (в 2002 году по его проекту во дворе МУАРа был построен павильон IMMaterial Box), кроме того, Борису так здорово удаются простые формы. Отличное получится выставочное пространство! Ведь там можно показывать все что угодно.

Вообще, две международных премии за два года – это наводит на определенные размышления... Не пора ли отряхнуть с себя пыль мнимой провинциальности? У нас все в порядке – вот доказательства. И кажется,

уже начали происходить первые позитивные сдвиги в этом направлении: согласно опросу, проведенному архитектурным порталом archi.ru, архитектор и художник Юрий Аввакумов, бывший куратором российского павильона на VI Венецианской биеннале в 1996 году, назвал экспозицию Чобана и Кузнецова главным достижением года, а он человек взыскательный и слов на ветер не бросает.

Что ж, российская экспозиция на биеннале 2012 года подарила нам долгожданную надежду на избавление от комплекса неполноценности. Улыбнемся и прищпорим коней!

biennale, are all involved in the Skolkovo project and are members of the Skolkovo Urban-Planning Council.

The exhibition lifted up the shroud of secrecy which had concealed Russia's *naukograds* until now. This secrecy was skilfully underlined by the team of Sergei Tchoban, Sergei Kuznetsov, and Grigory Revzin, A historical retrospective on such scientific Skolkovos was the principal theme around which the Russian Pavilion was structured.

The team achieved a triple success: it managed to bind together the pieces of the pavilion, whose architecture consists of three very different volumes; it created an impressive exhibition which became one of the main attractions at the biennale; and, finally, it created an original form of communication between the audience and the exhibition, through peeholes and tablets.

This made it possible to convey to the public the Skolkovo Foundation's intention with regard to researchers, the university environment, students, and businessmen – namely, the intention that architecture and art should serve as conduits for science and creativity.

And the public understood this message. It sensed the pride with which Russia presented this project, a project which has symbolic and strategic importance for the country.

Only Venice could be so receptive to this passion for architecture and science. As Guy de Maupassant said, "There is no place on the Earth which could give rise to a greater conspiracy of enthusiasm than Venice."

Larisa Kopylova, architecture critic, editor-in-chief of ec-a.ru

The Russian exhibition is unique and beautiful and goes against the general tendency of 'crisis' architecture. Which is why it won here. When we Russians show something ethical – student workshops or the revival of dying towns – we do not win. On the contrary, the awards come our way when we show something beautiful. In 2000 we

Церемония открытия экспозиции «Сколково».

Наш павильон был одним из самых посещаемых – очереди в него стояли вплоть до середины осени

Елена Петухова / Elena Petukhova

Елена Петухова / Elena Petukhova

Лариса Копылова, архитектурный критик, главный редактор сайта ec-a.ru

Российская экспозиция уникальна, красива и идет вразрез с общей тенденцией «кризисной» архитектуры. И потому побеждает. Когда мы показываем что-нибудь этическое – студенческие мастерские или возрождение умирающих городов, – мы не выигрываем. А награждают нас, когда показываем красивое. В 2000 году Россия в лице Ильи Уткина полу-

чила приз за экспозицию «Руины рая». В 2012-м – за i-city.

Хорош выбор темы «Наука и архитектура». Ясная формальная идея. В нижней части павильона – кружочки, в верхней – квадратики. Инь и ян. Внизу абсолютная закрытость засекреченных наукоградов, вверху – открытость «Сколково». Кессоны QR-кодов складываются в купол римского Пантеона. С одной стороны, модная информационная поверхность, с другой – классика, которая привнесла в проект

важное для России идеальное измерение. Людвиг Витгенштейн говорил, что дело архитектуры – прославлять. Вот она и прославляет науку, экологию, инновационность.

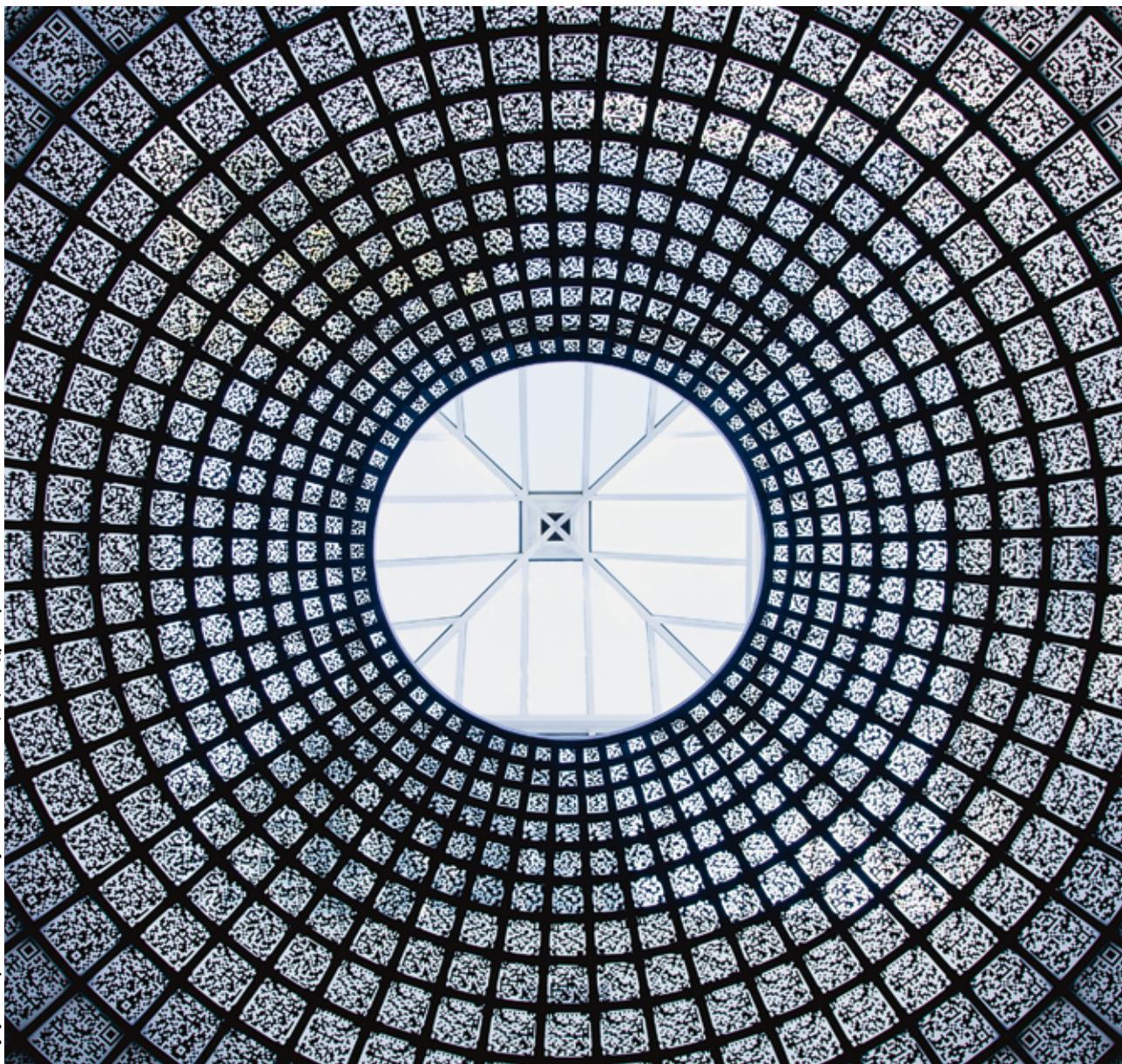
Алексей Козырь, архитектор

Я считаю, форма подачи в российском павильоне очень эффектная. По сути дела, там построено три отдельных здания внутри здания. У Щусева была комната с выходом на лагуну, а тут возник целый пантеон.

Простая форма, но за этой кажущейся простотой скрывается второе дно. Не представляю, как они все это монтировали, никаких креплений вообще не видно. Только поработав на биеннале можно оценить, что значит подготовить там выставку, сколько все это сжирает времени, денег и сил.

won a prize for Ilya Utkin's 'Ruins of Paradise'. And now, in 2012, for i-city. 'Science and architecture' is a good choice of theme. The formal idea here is clear. The lower part of the pavilion contains circles and the upper part squares. Ying and Yang. At the bottom you have the absolute closedness of the secret *naukograds*, and on top the openness of the Skolkovo innograd [innovation city]. The square caissons of the QR codes form the dome of a Roman pantheon.

рpавильон

On the one hand, this is a trendy information-carrying surface; on the other, it is a kind of classicism that introduces into the project the ideal dimension which is so important for Russia. Ludwig Wittgenstein said it is architecture's business to glorify. Well, here architecture is glorifying science, ecology, and innovativeness.

Alexei Kozyr, architect

I think the form of presentation chosen for the Russian Pavilion is very successful. Essentially, what you have here is three separate buildings that have been constructed inside the pavilion building. Shchusev [who designed the Russian Pavilion] had a room overlooking the lagoon, but here you have an entire pantheon. It's a simple shape, but this apparent simplicity conceals a hidden second bottom. I really cannot imagine how all this was assembled – there are no visible fastenings anywhere. It's only when you've worked at the biennale that you have an idea of what it means to prepare an exhibition here, and how much time, money, and energy this swallows up.

Aleksandr Ponomarev, artist, curator of the Ukrainian Pavilion at the Venice biennale

I know very well how difficult it is at these international shows to do something authoritative and compete for the prizes. The success of the Russian pavilion was only to be expected. This was a very striking, spectacular show.

You had this feeling that you were being drawn in. The design was professional, precise, and absolutely right. I'm a well-prepared viewer, and in my works I too have used the device of looking through a peephole. (In Paris I did a project called 'Parallel vertical', which involved an enormous periscope.) The only thing that made me uneasy in this beautiful and resplendent space was the fact that the content came second to the architectural form and there was a complete lack of *el toco*, the light brushmark made by the author him- or herself. It seemed that the author's touch is no longer necessary in our Postmodernist life. There was merely the promise of the sun city – whether subconsciously, accidentally, or deliberately. So I ran off to the Japanese Pavilion, where artists were doing simple things. And there I felt better. Because the Japanese still practise intimacy and small scale. Japanese art has extension in time, as you can tell just from watching a Japanese craftsman sharpening a knife...

Then, after the prize-giving, Alexei Kozyr and I went for a walk and took pleasure in observing Tchoban and Kuznetsov sketching the facades of Venice. They were wearing hats; it was a beautiful sight.

Anna Gonchar, creative director, Publicis Russia

When I entered the lower floor of the Russian Pavilion at the biennale, with its black starry sky and peepholes through which you could spy on Soviet scientific towns, I immediately recalled my childhood, which I spent in Zhukovsky [a Soviet *naukograd* or scientific town]. I remember a public poster with a quote from Tsiolkovsky: "Man will fly into space thanks not to the strength of his muscles, but to the strength of his mind!" At that time you felt that scientists were all in it together. They even attended demonstrations together – grouped by institute or scientific theme. The device with peepholes also reminded me of watching diafilms – the same kind of accumulation of frames. Balashikha, Mirny, Korolev... As you watch, you gradually begin to understand how time has come to a standstill in these lost towns.... I also liked the cosmogonic history in the main space – it pulled you in. Although I didn't even take the tablet that was offered (I don't like technical exercises). The space itself was amazing.

Александр Пономарев, художник, куратор павильона Украины на XIII Венецианской архитектурной биеннале

Я очень хорошо знаю, насколько сложно на таких международных смотрах иметь вес и конкурировать за призы. И успех российского павильона закономерен. Экспозиция была очень эффектной, spectacularной. Было ощущение, что тебя затягивает. Все решено профессионально, тонко, правильно. Хотя я хорошо подготовленный зритель, и в своих работах тоже использовал прием подсматривания в дырочку. (В Париже делал проект «Параллельная вертикаль» с огромным перископом). Един-

Анна Гончар, креативный директор рекламного агентства Publicis

Когда я вошла в нижний зал российского павильона на биеннале, с черным звездным небом и круглыми дырками, в которые можно было подсматривать за советскими научными городками, сразу вспомнила детство, проведенное в Жуковском. У нас там стоял плакат с цитатой из Циолковского: «Человек полетит в космос, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума!» Тогда среди ученых очень чувствовалась общность. Даже на демонстрации ходили институтами и научными группами. Еще этот прием с дырками напомнил просмотр диафильмов, такое же построение кадров. Балашиха, Мирный, Королев... Смотришь и постепенно начинаешь чувствовать, как остановилось время в этих городах... Засывающая космогоническая история в главном зале тоже понравилась, хотя планшет я даже не брала (не люблю гаджеты), поразило само пространство.

ственное, что меня смутило в этом красивом и блестящем пространстве – это то, что содержание шло за пластикой и напрочь отсутствовал жест, как авторское *el toso*, легкое касание кисти. Получалось, что он уже не нужен в нашей постмодернистской жизни. Было лишь обещание города-солнца: подсознательно, случайно или намеренно. Поэтому я побежал в Японский павильон, где художники делали простые вещи. И там отлегло. Потому что японцы еще сохраняют жест интимности и камерности. У них искусство тянется во времени, достаточно посмотреть, как японский мастер точит нож... Потом уже после вручения мы гуляли с Лешей Козырем и с удовольствием наблюдали как Чобан с Кузнецовым рисуют венецианские фасады. На них были шляпы, и это было красиво.

www.sk.ru/labiennale/ru/index.html

Анатолий Белов

Экспозиция i-city

Самое необычное в оформлении верхних залов российского павильона – отсутствие экспонатов. То есть экспонаты есть, но они представлены в закодированном виде: чтобы узреть сколковские инновационные чудеса, нужно активировать QR-коды при помощи специального считывающего устройства – планшета Samsung. Это относительно новый выставочный формат, но не исключено, что со временем он вытеснит традиционную развеску. Разумеется, речь идет лишь об архитектурных и промышленно-технических выставках. Цифра никогда не заменит подлинник: «Мона Лиза» в виде QR-кода – это все же как-то диковато... как диковата акция художника Георгия Пузенкова с отправкой оцифрованной Джоконды в космос. А вот с современной архитектурой иначе: процесс ее изготовления все больше и больше компьютеризируется, в 90% случаев архитекторы общаются со своими произведениями через экраны мониторов – почему бы и зрителям не общаться с их произведениями соответствующим образом? По-моему, логично.

Экспозиция i-city состояла из трех тематических зон. В первом зале были представлены материалы об истории Фонда и Градостроительного совета «Сколково», а также конкурсные проекты мастер-плана иннограда. В центральном зале можно было увидеть (читать – скачать) проект офисно-общественного центра

ГиперКуб Бориса Бернаскони, проект Skolkovo River бюро «Проект Меганом», конкурсные проекты жилых кварталов в зоне технопарка D2, а также проекты пяти районов иннограда – зоны D1 (кураторы – бюро David Chipperfield Architects и SPEECH Чобан & Кузнецов), зоны технопарка D2 (кураторы – бюро Valode & Pistre и Мохсен Мостафави), гостевой зоны Z1 (кураторы – бюро OMA и SANAA), зоны университета D3 (куратор – бюро Herzog & de Meuron) и зоны D4 (кураторы – бюро Stefano Boeri Architetti и «Проект Меганом»). И, наконец, в самом дальнем зале посетителям предлагалось ознакомиться с программой развития иннограда, в том числе с транспортной концепцией «Сколково» и с образовательной концепцией «Сколковотех» (Сколковский институт науки и технологий).

Но несмотря на информационную насыщенность экспозиции – а это, пожалуй, первый действительно исчерпывающий рассказ о миссии Фонда и структуре иннограда – впечатление от контента осталось дробное. Чтобы изучить все проекты и аналитические разработки, требовалось по меньшей мере часа два – все-таки 35 отдельных презентаций, какие-то на пару страниц, какие-то на все пятьдесят. Правда, разрозненность экспозиционных материалов компенсировалась наличием электронного каталога: на выходе посетителям выдавались симпатичные белые значки с QR-кодом, содержащим ссылку на тот же самый контент, только склеенный между собой.

Anatoly Belov
I-City Exposition

The most unusual thing about the arrangement of the upstairs halls of the Russian pavilion is the absence of exhibits. That is, the exhibits are there, but they are presented in an encoded form: to see the Skolkovo innovation miracles one has to activate QR-codes with a Samsung tablet. It is an entirely new exhibition format, but with time it may squeeze out the conventional hanging out of exhibits. Of course, this refers exclusively to architecture and industrial technology displays. A digital image will never replace the original. It is an altogether different matter when contemporary architecture is concerned: the process of its making is being increasingly computerized and in 90% of cases the architects deal with their works on displays. Why shouldn't the viewers do the same?

The i-city exhibit consisted of three theme zones. The first hall focussed on the history of the Skolkovo Foundation and also on i-city master plan. In the central hall one could see Boris Bernaskoni's design of the HyperCube office and community centre, the Skolkovo River project of the Project Meganom bureau and competition designs of residential quarters in the zone of Technopark D2, as well as five i-city district projects, including five Zones. And, finally, the farthest hall invited visitors to acquaint themselves with the i-city development programme, including the Skolkovo transportation concept and the Skolkovotech education concept.

However, despite the exposition being loaded with information – and that was perhaps indeed the first exhaustive account of the mission of the Foundation and the i-city structure – the content left a disjointed impression. 35 separate presentations, some a page or so long and others taking up to 50 pages. The existence of an electronic catalogue well compensated for the helter-skelter exhibition materials: at the exit the visitors were given pins with a QR-code referring to that very content, which was just merged together.

in the spotlight

4-е заседание Градостроительного совета Фонда «Сколково» прошло 28 февраля 2011 года в штаб-квартире бюро Valode & Pistre в Париже

Сиринья Заннеттаччи / Cyril Zannettacci

В зале, расположенном при входе в павильон, рассказывалось об истории Фонда «Сколково», а также о первом сколковском конкурсе на мастер-план иннограда. Последовательность событий такая. Идея бывшего президента РФ Дмитрия Медведева о создании «русской Силиконовой долины» впервые прозвучала 12 ноября 2009 года в ежегодном Послании главы государства Федеральному собранию. 10 мая 2010 года был учрежден Фонд «Сколково», президентом которого стал российский миллиардер Виктор Вексельберг. В сентябре того же года по инициативе исполнительного директора Фонда Виктора Маслакова был сформирован Градостроительный совет «Сколково». Конкурс на мастер-план проходил в несколько этапов и по времени растянулся на полгода. Результаты были объявлены 25 февраля 2011 года: на основе рекомендаций Градсовета победителем была признана компания AREP.

Проект компании AREP (Франция), победивший в конкурсе на мастер-план иннограда «Сколково».

Проект мастер-плана «Сколково» компании ARUP (Великобритания)

Проект мастер-плана «Сколково» компании Jurong (Сингапур)

Проект мастер-плана «Сколково» бюро OMA (Нидерланды), прошедший в финал

Проект мастер-плана «Сколково» концерна Royal Haskoning / Mecanoo

Проект мастер-плана «Сколково» компании Sweco (Швеция)

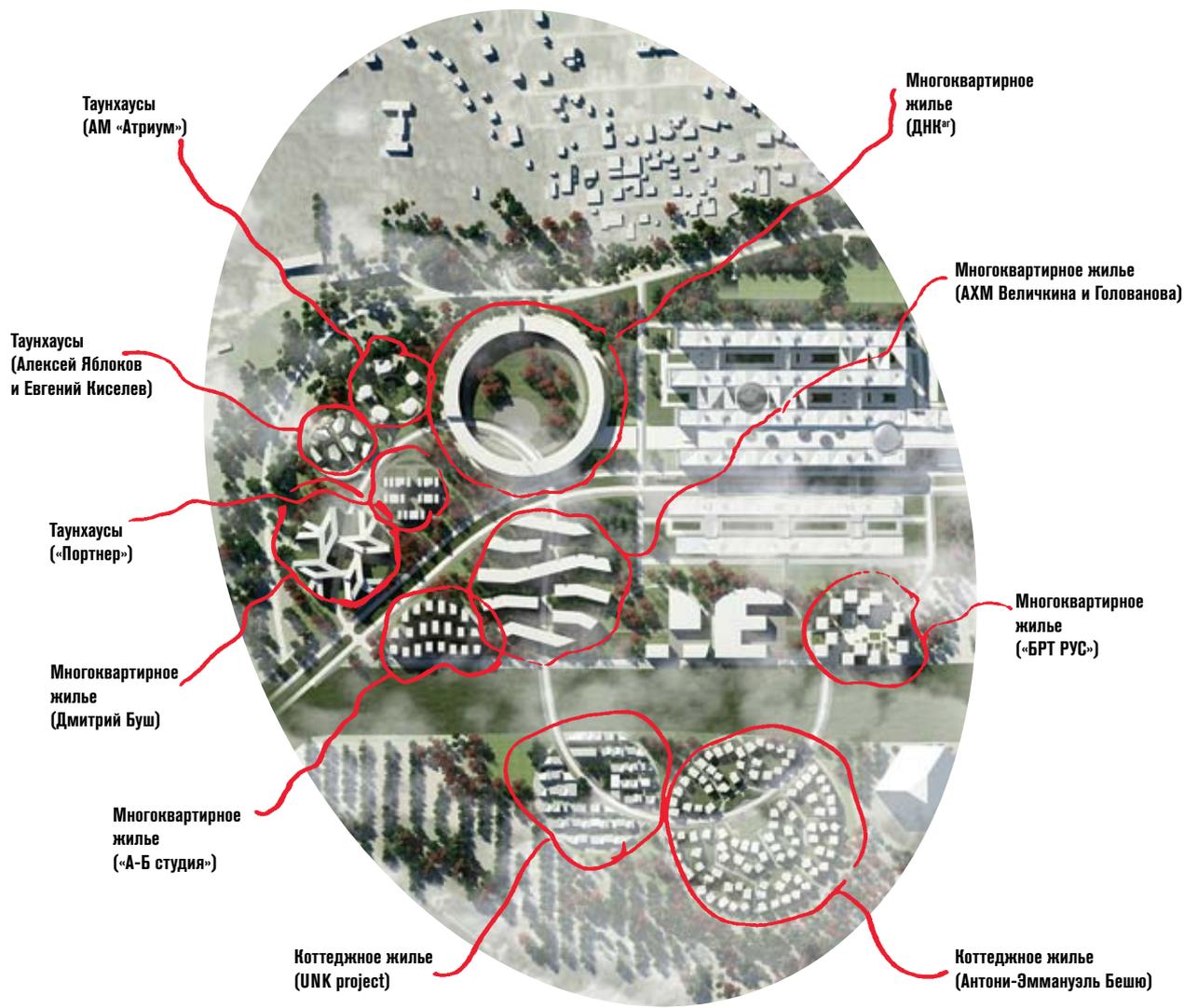

Биеннале – фокуссе

24

la Biennale di Venezia

Таунхаусы
(AM «Атриум»)

Многоквартирное
жилье
(ДНК^с)

Таунхаусы
(Алексей Яблоков
и Евгений Киселев)

Многоквартирное
жилье
(АХМ Величина и Голованова)

Таунхаусы
(«Партнер»)

Многоквартирное
жилье
(«БРТ РУС»)

Многоквартирное
жилье
(Дмитрий Буш)

Многоквартирное
жилье
(«А-Б студия»)

Коттеджное жильё
(UNK project)

Коттеджное жильё
(Антони-Эммануэль Бешю)

Фрагмент генерального плана зоны технопарка D2 с указанием местоположения жилых кварталов

Купол (архитекторы SANAA), связывающий гостевую зону Z1 с вокзалом Трехгорка

Проект офисно-общественного центра ГиперКуб Бориса Бернасconi

Вид на зону смешанного использования D4 (бюро «Проект Меганом» и Stefano Boeri Architetti) с высоты птичьего полета

Вид на комплекс технопарка (архитекторы Valode & Pistre и Мохсена Мостафави) с восточной стороны

Интерьер общественного пространства на втором этаже университетского комплекса (бюро Herzog & de Meuron)

Вид Гостевой зоны Z1 с птичьего полета. Слева – многофункциональный комплекс «Скала» (архитекторы OMA), справа – Купол (архитекторы SANAA)

Экспозиция центрального зала была целиком посвящена архитектуре. Здесь можно было увидеть последние версии кураторских проектов, а также фотографии со стройки первого здания инновационного города – ГиперКуба Бориса Бернасconi. Как стало известно прошлой осенью, Купол бюро SANAA и многофункциональный комплекс «Скала» бюро OMA, бывшие среди экспонатов, не будут построены (см. страницы 36–37). Тем приятнее еще раз опубликовать их в нашем журнале.

Нельзя не упомянуть проекты жилых кварталов в зоне технопарка D2, которые были собраны в четыре отдельные QR-презентации. Авторы этих проектов не числятся среди официальных участников экспозиции, хотя имеют полное право считаться таковыми (см. *i+U* № 3).

25

Бульвар в зоне D1
(бюро SPEECH Чобан
& Кузнецов)

Увиденный через отверстие-глазок памятник Ю. Гагарину в Комсомольске-на-Амуре. Авторы: скульптор Р. Мурадян, архитекторы Т. Бархина и Вл. Гинзбург. 1982 год

Анатолий Белов

Экспозиция i-land

Каждый куратор российского павильона на Венецианской биеннале сталкивается с одной и той же проблемой. Что делать с цоколем? Два этажа, понятно, лучше, чем один, но не совсем ясно, как эти пространства между собой идейно связывать.

В 2008 году Григорий Ревзин и Павел Хорошилов, назначенные кураторами российской экспозиции, нашли остроумное решение: верхний этаж они превратили в огромную шахматную доску, на которой наши и иностранные архитекторы сражались за российский рынок (пол главного зала дизайнеры Владимир Кузьмин и Владислав Савинкин расчертили на клетки, где и расставили макеты экспонентов). А в цоколе тем временем простые деревенские жители под руководством художника Николая Полисского строили свой собственный идеальный мир из всяких веточек и прутиков, совершенно игнорируя копошение этажом выше. Ревзин с Хорошиловым были первыми, кто использовал особенности нашего павильона для создания смыслового контрапункта. Этот прием всем запомнился.

Кураторы 2012 года Сергей Чобан и К° сделали примерно то же самое, только в случае с экспозициями i-city и i-land противопоставление носило уже не социально-экономический, а политический характер: «Сколково» (i-city) – символ новой России, открытой и динамично развивающейся страны; советские наукограды (i-land) – символы холодной войны и стагнации. Эта антитеза просматривалась и в способах преподнесения материалов: все имеющиеся по «Сколково» наработки были выложены в интернете в открытом доступе, а изыскания по наукоградам представлены в печатном виде (с ними могли ознакомиться только посетители биеннале). Тема закрытости Страны Советов прочитывалась даже в дизайнерском решении нижних залов: черные стены, в них проделано множество отверстий – каждое является окном в другой мир, где черно-белые фотографии рассказывают о жизни некогда секретных городов СССР.

Эти круглые окна-глазки вызывают в памяти ранние работы московских концептуалистов вроде интерактивных инсталляций Андрея Монастырского «Пушка» (1975) и «Палец» (1977). Разница в эмоциональном воздействии: объекты концептуалистов – всегда метафизические, иногда ироничные – всегда оставляют позитивное ощущение, а инсталляция i-land откровенно печальна. Почему? Нынешнее состояние большинства наших наукоградов довольно депрессивно. Когда проект «Сколково» только зарождался, вокруг раздавались возгласы недоумения: зачем нам новый наукоград, когда у нас полно старых, которые можно и нужно развивать? Возникает встречный вопрос: а есть ли там что развивать? Ведь существует целый ряд условий, без соблюдения которых успешное функционирование научного парка сегодня просто невозможно (см. *i+U* № 1). Отвечают ли наукограды СССР этим условиям? Едва ли. А если и отвечают, то единицы.

Скульптура на территории больницы Научного центра РАН в Черноголовке

Экспозиция i-land в цокольном этаже российского павильона повествует о наукоградах СССР. За перфорированными металлическими листами прячется подсветка

Anatoly Belov
I-Land Exposition

Every curator of the Russian pavilion at the Venice biennale faces the same problem – what to do with the ground floor. Two floors are certainly better than one, but it's not clear how to connect these spaces conceptually.

In 2008 Grigory Revzin and Pavel Khoroshilov, curators of the Russian exposition, found a smart solution: they turned the upstairs into a huge chessboard on which Russian and foreign architects fought for the Russian market (Vladimir Kuzmin and Vladislav Savinkin, the designers of the main hall, squared off its floor and set out the exhibitors' models). Meanwhile, on the ground floor ordinary villagers guided by the artist Nikolai Polissky built their own ideal world of all sorts of branches and twigs, utterly ignoring the commotion upstairs. Revzin and Khoroshilov were the first to use the specifics of our pavilion to create a conceptual counterpoint. The trick became engraved in everybody's mind.

The 2012 curators – Sergei Tchoban, Sergei Kuznetsov and Valeria Kashirina – did approximately the same, with the only difference being that the opposition between the i-city and i-land expositions was political rather than socio-economic: Skolkovo (i-city) as the symbol of new Russia, an open and actively developing country, vs. Soviet science cities (i-land) as symbols of the Cold War and stagnation. This antithesis was also manifest in the way the materials were presented: all the Skolkovo projects could be freely accessed in the Internet, while research into the science cities was presented in printed matter (that only the visitors of the biennale could read). Even the design of the downstairs halls conveyed the theme of the Land of the Soviets being a closed society: the black walls had numerous apertures, every one of them serving as a window to another world, where black-and-white photographs gave a glimpse of life in once secret Soviet cities.

These round inspection windows call to mind early works of Moscow Conceptualists of the type of Andrei Monastyrski's interactive installations *Cannon* (1975) and *Finger* (1977). The emotional impact is the only difference: the objects of the Conceptualists, now metaphysical, now tongue-in-cheek, always leave a positive feeling, while the i-land installation is frankly sad. Why so? The current state of most of our science cities is rather depressing: half-abandoned and getting old, they are slowly but steadily sinking into oblivion. When the Skolkovo project was just conceived, queries could be heard whether a new science city was necessary when we had so many old ones that could and should be developed. They were countered with questions whether there was still anything to be developed there. Indeed, there is a whole set of conditions that ought to be met for a scientific park to function successfully today (see *i+U* No.1). Do Soviet science cities meet these conditions? Hardly so, and those which do are just a few.

in the Spotlight

Этот огромный бетонный шар с 1980-х годов лежит в лесу под Дубной. По легенде, его потеряли при транспортировке. С недавних пор стал объектом паломничества любителей экстрима

Точками на карте России отмечены представленные на выставке наукограды

Зал с главным пультом управления Ленинградской атомной электростанции

Экспозиция i-land стала результатом обширного исследования наукоградов, проведенного историком архитектуры Юлией Ревзиной и комиссаром павильона Григорием Ревзиным. Всего было представлено 37 поселений:

- Академгородок (Иркутская обл.);
- Академгородок (Новосибирск);
- Апатиты;
- Балашиха;
- Белозерск;
- Бийск;
- Дзержинск (Нижегородская обл.);
- Дзержинский;

- Димитровград;
- Дубна;
- Железногорск;
- Жуковский;
- Заречный (Свердловской обл.);
- Звездный;
- Зеленоград;
- Знаменск;
- Кольцово;
- Комсомольск-на-Амуре;
- Королев;
- Краснознаменск;
- Краснообск;
- Миасс;
- Мирный;
- Мичуринск;

- Новоуральск;
- Обнинск;
- Оболенск;
- Протвино;
- Пущино;
- Реутов;
- Саров;
- Северск;
- Сосновый Бор;
- Томилино;
- Троицк;
- Фрязино;
- Черноголовка.

Все фотографии были снабжены комментариями Юлии Ревзиной.

Призы, номинации, «золотые» и «серебряные львы»... В официальных сводках с полей биеннале часто теряется главное – атмосфера выставки. В нее можно погрузиться с головой, прочитав эссе Андрея Некрасова и Александра Бродского, которые в разные годы были кураторами русского павильона в Венеции.

Путч в Венеции

Андрей Некрасов: 1991 год. Наутро все газетные тумбы в Венеции были заклеены газетами с танками на улицах Москвы

В 1991 году в Венеции должна была состояться очередная биеннале, в отличие от предыдущих посвященная архитектуре. Руководство страны решает принять в ней активное участие, хотя в казне нет денег и тем более валюты. Я приглашаю к сотрудничеству Владимира Владимировича Ходнева и мою постоянную помощницу Наташу Душкину. <...> После долгих раздумий над судьбой советской архитектуры мы решили сделать удар на идеи будущих зодчих, которые еще только носятся в воздухе, не очень

ясные, но смелые. Последний урожай дипломных проектов МАРХИ был совсем неплох, и мы представили белый зал, где в воздухе летают идеи – белые макеты дипломников. Эдакий дождь идей, а вокруг, уже в строгом порядке, все приличное из реализации, что удастся отжать из практики. <...> Я лечу в Венецию. В мэрии получаю кучу бумаг, еду в Джардини – венецианское ВДНХ, где среди разномастных павильонов стоит построенный Щусевым в 1914 году теремок в неорусском стиле,

Фабриче Баскинино / Gabriële Basilico

Александр Бродский: 2006 год. Это был затерянный в джунглях брошенный город непонятного времени

Шуршание сухих листьев под ногами – вот главное, что осталось в памяти от того летнего дня 2006 года, когда я впервые вошел в сад Джардини. Я никогда не был здесь раньше и приехал, чтобы смонтировать инсталляцию в русском павильоне к открытию архитектурной Биеннале. Сад был абсолютно пуст и весь засыпан сухой листвой старых платанов, он выглядел заброшенным, необитаемым и очень сонным. Листьями было покрыто все – аллеи, дорожки, газоны, здания, громкое шуршание раздавалось при каждом нашем шаге, и это был единственный звук, сопровождавший прогулку. Вокруг, полузасыпанные листьями, виднелись национальные павильоны, некоторые с заколоченными фанерой окнами. Это был затерянный в джунглях брошенный город непонятного

времени, так как все здания относились к совершенно разным архитектурным стилям. Объединяли все сухие листья, они примиряли эти случайно соседствующие друг с другом разностильные здания, приводя их к общему вневременному знаменателю. Двигаясь вдоль аллеи и оглядываясь вокруг, я вспомнил, что этот затерянный город время от времени превращался в средоточие всего самого современного, что происходит в искусстве и архитектуре, и эта мысль поразила меня до глубины души. Я попытался представить себе, как это происходит, но шуршание листьев пресекало любые попытки, я не мог увидеть вокруг хоть что-нибудь современное, не мог увидеть на этих сонных аллеях оживленные толпы людей. Медленно шагая по дорожке, мы подошли, наконец, к русскому

где предстоит монтировать выставку. <...>

Нечего говорить, Венеция, в которой уже несколько раз бывал, все равно кружит голову нереальностью происходящего: катера, гондолы, дворцы, каталоги, эскизы, чертежи, кафе и рестораны, оркестры на Сан-Марко... Не могу поверить, что мне придется работать здесь бесконечно долго. Счастье, как и горе, не приходит одно, и в муниципальном отделе я узнаю, что МАРХИ в числе сорока четырех лучших школ мира должен выставить свою экспозицию в длинном трехнефном здании Кордерии в Арсенале. Во времена средневековья там плели корабельные канаты для венецианского флота. А для архитекторов это место знаменито тем, что в 1980 году здесь проходила первая выставка новых постмодернистов, задуманная как некая улица, названная Страда Новиссима, где каждая из приглашенных групп имела свой собственный фасад, выразивший их кредо. <...>

Идея фасадов в Кордерии так меня захватила, что было решено построить огромную копию фасада МАРХИ 6 x 6 метров, чтобы можно было входить в дверь и уже за фасадом смотреть, как бы находясь внутри здания, экспозицию архитектурного института. <...>

В то лето в Венеции стояла страшная жара. Каналы обмелели, и вода в них начала загнивать. Туристы жались к теневой стороне улицы. Мы с синьором Ходневым вставали пораньше, завтракали в нашем полузвездочном отеле на кухне, благо макаронные изделия были в этот год не дороги, и синьор Ходнев умудрялся каждый раз их как-то особенно приготовить, надевали шорты и тащились через весь прекрасный город на окраину

к Джардини. По дороге покупали на лотках пару персиков и большую бутылку пепси или спрайта на обед. Утренняя Венеция, еще мало туристов, продавцы только начинают развешивать свой товар в выносных лавках. Идем сложным маршрутом, протоптанным за многие дни ходьбы. Прямо к Арсеналу, а потом по главной набережной к Джардини. Открываем пустой, но уже накалившийся павильон, распахиваем дверь на прекрасную террасу с видом на тенистый парк со скульптурами и лазурную лагуну. Если посмотреть направо, то за пальмами можно увидеть купол делла Салюте и кампанилу на Сан-Марко. В 12 часов перерыв на обед. Садимся на террасе, достаем персики и быстро их проглатываем. Красота пейзажа и чувство ответственности заглушают чувство голода, которое, в свою очередь, крепнет еще больше и заглушает чувство ответственности, но не может преодолеть чувство красоты. Продолжаем работать. <...>

Наконец с большим запозданием приезжает наш трейлер из Москвы, набитый доверчивыми с экспозицией. В Югославии началась война, и трейлеру пришлось ехать в объезд через Австрию. Дикая жара. Шоферы, красные как раки, совершенно испеклись в железной кабине. Целый день оформляют таможенные документы. Итальянцы – лихие ребята, но волокитчики не хуже наших. Что-то не в порядке с бумагами. Наконец коротышка-капитан грузовой гондолы в белых шортах начинает перевозить наши ящики в Кордерии и Джардини. Мы сопровождаем их в этой же гондоле. Самый длинный ящик лежит поперек гондолы, выступая за пределы борта на метр в обе

стороны. При выезде в Большой канал, где волна покрупнее, ящик ритмично начинает опускаться концом в воду. Какой ужас! Там же все из бумаги и картона! Но уже помочь ничем нельзя.

Строятся помосты в павильоне. Проблемы с языком решаются сами собой. Например, я говорю: «Сейчас надо быстро (пронто) закончить помост». Строитель: «Субито?»

– Нет, сейчас. Сей-час. Капито? (Понимаешь?)
– Си си. Субито.
– Да не в субботу, а сейчас.
– Но капито (не понимаю)».

Оказывается «Субито» это и есть «Сейчас». Это я есть болван, идиот. Но потом все утрясается, и рабочие продолжают работу. <...>

В других павильонах тоже кипела работа. На главной аллее Джеймс Стирлинг строил свой книжный магазин, и мы часто видели его тяжелую расплывшуюся фигуру в зеленой рубашке, удаляющуюся в глубину парка. Он вел авторский надзор. Тогда еще никто не знал, что это его последняя постройка и что он скоро умрет, а наша выставка будет последней архитектурной выставкой СССР за рубежом и наша страна прекратит свое существование. <...>

Я помню прелестный августовский вечер. Я сижу на теплых камнях и рисую акварелью церковь деи Мираколи. Быстро сгущаются сумерки. Люди в окнах переговариваются, обсуждая, как идет акварельный процесс. Слышу слова: «а ля прима» и «руссо». Приятно чувствовать, что местному населению акварель нравится. Итальянцы говорят, что точно здесь сидел один немец, но у него было похуже. Приглашают выпить рюмку, но за мной уже заходят, мы прощаемся с итальянцами и, прогуливаясь,

Максимова. Она называется «Все в прошлом» – старая дача и на ее фоне две старые дамы, сидящие в саду.

Мы поднялись по лестнице и вошли в дом. Тот же запах отсыревших нежилых комнат, полумрак, пустота. Мне показалось, что и внутри все было засыпано листьями. Трещины и следы бесконечных протечек. Стекланный фонарь в кровле главного зала был покрыт листвой и не пропускал света. Мы бродили по темным пустым помещениям, и я пытался думать о современном искусстве и архитектуре.

Одновременно я вспомнил, что павильон построил Щусев – будущий автор Мавзолея Ленина, и это внесло еще большую сумятицу в мои ощущения. Я попытался провести параллель между заброшенной дачей и строгим символом новой эпохи на Красной площади, и обнаружил только общее ощущение вечного сна, представил себе Мавзолеем, весь засыпанный сухой листвой платана, и стекланный саркофаг в саду Джардини, вспомнил вдруг о собственных работах, которые я должен был выставить в этих залах, и окончательно запутался.

Наконец мы открыли дверь, ведущую на заднее крыльцо, но и вид лагуны из этой сонной комнаты не показался мне реальным – он тоже был из сна или немого фильма и не внес никакой ясности в мои мысли и чувства. Страннее всего были попытки совместить, собрать все это воедино: то, как я всю жизнь до этого дня представлял себе Венецианскую биеннале (ничего конкретного – что-то расплывчатое и недостижимое), свои неясные представления о современном искусстве и архитектуре, и то, что я сам произвел для этой выставки и должен был разместить в павильоне.

Моя маленькая дачка стоит совсем близко от шоссе. Сквозь редкие деревья видно, как блестит асфальт дороги и непрерывно туда-сюда проносятся автомобили. Много лет, глядя с крыльца в ту сторону, я представлял себе, что это река или залив с лодками, только они очень быстро проплывают мимо. И вот теперь, впервые взглянув на лагуну из темной комнаты, я вспомнил дачу и дорогу.

Остаток дня мы втаскивали ящики с частями инсталляций в павильон. Это тоже запомнило

не спеша возвращаемся в отель. И вот за ужином открывается дверь, входит Валерий Орлов и говорит примерно следующее: «Пока вы тут сидите, в России началась гражданская война». На миг мне показалось, что весь наш мир подвешен на какой-то невидимой нити, и она в любой момент может оборваться. Решили дождаться утра, чтобы выяснить ситуацию.

В этот день мы должны были монтировать фасад МАРХИ в Кордерии. По-прежнему ничего не ясно. Решили монтировать вопреки всему, что потом оказалось верным решением. Наутро все газетные тумбы Венеции уже были заклеены газетами с танками на улицах Москвы. Слово «ГКЧП» по-итальянски прочесть было невозможно. Но группа довольно тухлых лиц составляла зловещую цепочку на первых полосах. Наташа Душкина покупает газету, читает, сидя посреди моста, и заливается слезами. Как будто кадр из фильма «Чочара». Я почему-то думаю, как будем пробираться назад, вплавь через Днестр (почему Днестр?) или ехать комфортабельным поездом до Киевского вокзала, зато там могут запросто перегрузить в теплушки и по окружной кольцевой перебраться на Казанский вокзал и далее в Сибирь. Черт-те что крутится в голове. Наконец берем себя в руки. Выбираем жанр поведения «отряд Трубачева сражается» и входим в прохладу сводов Кордерии. <...>

Нашу идею с фасадом оценили и выделили нам самое престижное место в начале улицы. Еще никто не привез свои экспозиции, мы почти первые... <...>

Вечером садимся у большого телевизора и ждем новостей. В новостях Си-Эн-Эн показывают только Москву. Танки, троллей-

бусы, выстрелы. Иногда показывают российских советских консулов, которые что-то туманно объясняют обеспокоенным русским у входа в посольство, но по ромам видно, что уже переметнулись. <...>

Постепенно все нормализуется. Железнодорожная связь МАРХИ – Венеция работает безотказно, студенты командами, сменяющимися одна другую приезжают на монтаж. <...>

Подвеска макетов в специальных ракурсах, имитирующих состояние полета, оказалась довольно сложной, и иногда целый день уходил на подвеску всего одного макета. <...>

Девочки-студентки красят в белый цвет лестницу. Когда одна из них случайно испачкалась краской, вся бригада итальянских рабочих с необъяснимым темпераментом бросилась оттирать скипидаром бедную Леночку Протопопову. И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы мы не напомнили им, чтобы они быстрее докрашивали свои стены, а наших студенток мы и сами ототрем, если на то пошло.

И вот уже близится открытие. Как всегда, не хватает одной ночи. Имеется целый список доделок-переделок. Я уже на грани истощения. Выручает Никита Кострикин, который поздно вечером приносит пиццу, соки и баллоны с пепси. Мы ставим стол перед раскрытой дверью с видом на ночную лагуну, и потом всю ночь напролет ребята доводят павильон до совершенства. <...>

И вот, наконец, последнее «и вот». Гала-прием должен состояться сегодня вечером. В 10 вечера в Джардини вспыхивает зеленый луч. Это заработала лазерная установка на крыше книжного магазина Стирлинга. Все катера устремляются к Джардини.

Габриэле Базилико / Gabriele Basilico

Съемка павильона России, построенного по проекту Алексея Щусева в 1914 году, была сделана Габриэле Базилико специально для выставки Common Pavilions, организованной бюро Diener & Diener

Наш катер тоже несется по темной воде к саду Джардини. На самом носу Наташа Душкина в специально переодетом к торжественному случаю развевающимся платье. Взгляд ее устремлен в сторону лазерного луча. Ни дать ни взять сцена из фильма «Титаник», только поставленная на шесть лет раньше. Вся набережная оцеплена полицией. С катеров сходят все новые и новые гости. Пространство между павильонами заставлено столами, покры-

Габриэле Базилико / Gabriele Basilico

1
Журнальный вариант эссе, написанного Андреем Некрасовым для пятитомника об истории МАРХИ: Некрасов А. Венецианское биеннале // МАРХИ XX век. В 5 т. Некрасов А., Щеглов А. (авторы-составители). Т. 5. М.: ИД «Салон-Пресс», 2006. С. 238–249.

2
Эссе, написанное для выставки Common Pavilions (кураторы Diener & Diener), прошедшей в рамках XIII биеннале архитектуры в Венеции (2012).

Выставка Common Pavilions, организованная бюро Diener & Diener в Центральном павильоне Биеннале, 2012

Кристиан Рихтерс / Christian Richters

и уже не шуршали, как вчера. Мы зашли в павильон. Все было залито водой. Огромные лужи стояли во всех помещениях. Большой зал напоминал лагуну. Мы бросились к главному ящику. Он был до краев наполнен водой, под водой виднелись коробки с мониторами. Мы посмотрели вверх – ящик стоял под самой большой дырой в кровле павильона. Мы вынули коробки из воды и стали раскладывать мониторы на солнечном крыльце с видом на лагуну.

Благодарим за помощь в подготовке публикации Кирила Асса, Габриэле Базилико, Анатолия Белова, Diener & Diener.

мне что-то из детства. Сколько раз на моей памяти ненужные старые вещи, которые жалко было выбрасывать, упаковывались в коробки и перевозились на дачу, где им суждено было дожить остаток дней. Мы таскали эти ящики

и коробки и расставляли в большом зале.

Самым ценным был большой ящик, где лежало штук сто телевизионных мониторов – важная часть инсталляции. Мы занесли его последним, поставили

в дальнем конце зала, открыли и убедились, что содержимое цело и невредимо. А потом мы пошли отдыхать. Выйдя на аллею, я оглянулся. В сумерках павильон выглядел еще более заброшенным и нежилым, чем днем. Дул

сильный ветер, надвигалась гроза. Утром надо было начинать монтаж выставки.

Всю ночь лил проливной дождь, а утром гроза закончилась, опять засияло солнце. Листья в Джардини отсырели

Давно прошли те времена, когда знаток искусств Григорий Ревзин воспевал стройные колоннады и гулкие анфилады. Сейчас он – боец, его слово – разящий булат. Именно такой человек нам был нужен, чтобы подвести итоги минувшего года в области архитектуры. Мы попросили Григория Ревзина, специального корреспондента газеты Коммерсантъ, члена Градсовета «Сколково» подвести итоги 2012 года в области архитектуры. Тем более что основное событие – успешное выступление России на XIII архитектурной биеннале в Венеции – это достижение Григория как комиссара российского павильона.

Вжик, вжик, вжик – уноси готовенького!

С 2000 года вы плотно связаны с Венецианской биеннале, дважды были куратором и дважды комиссаром российского павильона, вам лучше других известно, как сложно там победить. Поздравляем! Но ведь это не первая победа России в Венеции, был еще приз в 2000 году...

Он был вручен персонально Илье Уткину за серию архитектурных фотографий. Разумеется, мне как комиссару павильона было приятно, что работы Ильи так высоко оценили, но это, прежде всего, достижение Елены Гонсалес, куратора Уткина. А на этот раз специального упоминания удостоился именно национальный павильон.

При этом мнения о павильоне были полярными. Кто-то высоко оценил работу в целом, кто-то лестно отозвался о дизайне, кто-то посчитал, что сама тема «Сколково» и пафосный павильон слишком контрастируют со скромными «кризисными» экспозициями других стран. Говорили, что всю представленную информацию можно было «запаять» в один-единственный QR-код, а не превращать в парад «архитектурных излишеств». Что бы вы могли ответить критикам?

Идея показа «Сколково» не моя и не Сергея Чобана. Это административное решение. Виктор Вексельберг хотел показать инноград еще в 2010 году. Но, когда у него возникло такое желание, экспозиция уже была сделана. Так что было решено перенести показ на следующий раз. Вексельберг в сентябре 2011 года написал письмо министру культуры Александру Авдееву с предложением выставить государственный проект «Сколково» в российском павильоне, за который, собственно, и отвечает Министерство культуры. И хотя у нас комиссар (по положению о комиссарах) сам выбирает тему выставки, а министр утверждает, в данном случае министр посоветовал «Сколково», а я не противился. Другое дело, что и не собирался противиться. Архитекторы, которых не позвали проектировать «Сколково», часто говорят, что «Сколково» – это позор, но мне кажется, они не объективны. Что кроме «Сколково» за два года было у нас более заметным событием?

Я ставил себе цель качественно выполнить этот заказ и достойно представить страну. Тут есть особенность биеннале. Мне кажется, использовать национальный павильон как трибуну, откуда ты объясняешь России, как в ней все неправильно – это странно. Это государственный павильон. Когда ты оказываешься в международном контексте, уже не имеет значения, ходишь ты на Болотную площадь или нет. Важно как представлена страна.

Пример. В павильоне Венгрии в этом году была отлично проиллюстрирована идея, что архитектура – это не только рисунки и мечты архитекторов, но и бесконечный процесс согласований. И каждая новая подпись кладет печать на проект и гулко отдается музыкой в самом проекте и в душе архитектора. Поэтому экспозиция состояла из получения сорока печатей, и чем больше этапов было пройдено, тем громче и настойчивее звучала музыка. Мне страшно понравился этот павильон, но люди, по-моему, не очень понимали, о чем это. Было непонятно, этот проект представляет государство, у которого музыка в душе от каждого штампа, или каких-то венгерских диссидентов, борющихся с бюрократией. Мне кажется, такие меседжи плохо усваиваются вне национального контекста, а его на биеннале нет.

На этой биеннале я выступил сразу в двух качествах: как комиссар (это административная функция) и как поставщик контента для куратора Сергея Чобана и бюро SPEECH.

В роли контент-мейкера?

Именно. И когда все это собралось, то стало ясно: выставлять материалы в прямом виде не стоит. Да, есть ОМА, есть де Мерон, есть Чобан и Григорян. Все они прекрасны, но ощущения, что город сложился, нет. Это пока довольно сыро, все меняется, все на живую нитку. Пока шла биеннале, мы потеряли «Скалу» ОМА и купол Седзимы, и это не фокус в новых городах. Они меняются пока строятся. Но у нас много надежд, связанных со «Сколково»: мы хотим выйти на какое-то новое качество архитектуры, новое взаимодействие между Россией и Западом – это пока не изменилось. Было решено не буквально показывать материал, а создать архитектурный образ, который бы передавал ощущение пространства «Сколково». Архитектурную метафору.

А дальше случилось вот что: выпиваем мы как-то с моим другом Константином Чернозатонским, который, среди прочего, занимается программированием QR-кодов для этикеток вина. Все мы примерно знаем, как выпивать. Постепенно сам собой встает вопрос, а что же

такое мы пьем, что изображено на бутылке. И когда я на этот QR-код посмотрел, вспомнил узоры Сергея Чобана в некоторых его проектах, в Берлине у него есть такой дом, в Питере – он же вообще очень изобретателен в смысле декорирования архитектуры разными орнаментальными панелями. И я решил, что я ему это предложу.

И он принял?

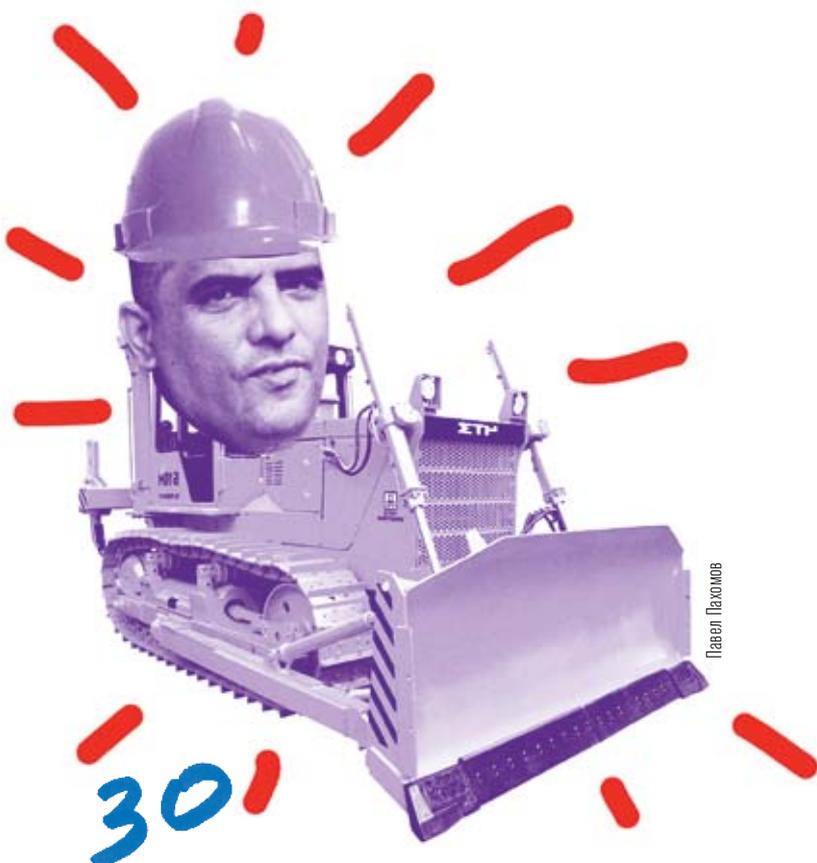
Я должен сказать, что я в полном восторге от сотрудничества с Чобаном. Он все же не русский архитектор! Я работал со многими русскими архитекторами, поэтому знаю. Когда ты приходишь к ним с какой-то идеей, в лучшем случае они долго мучаются и принимают ее, в худшем – начинают с ней бороться. Чобан принимает идею, если она ему нравится. Он ее развивает и улучшает. Он прекрасный переговорщик, он умеет работать в команде. Наши архитекторы по своему характеру воины, они все время воюют, все время в походе... А западные – переговорщики, они не хотят никого победить. Они договариваются. И Чобан у нас умеет это делать лучше всех. Это его невероятное достоинство. Он очень креативный, массу всего придумывает, но и чужие идеи принимает.

Он сделал из павильона храм с центральным куполом и двумя боковыми крыльями. Пространство одновременно технологичное, модное даже, и до такой степени классическое, что я не знаю, у кого могут быть к нему какие-то претензии. Звучала критика, что это какая-то государственная тоталитарная тема, но, по-моему, это глуповато. Это была лучшая выставка из тех, что я делал, и я, конечно, горжусь, и лучше, наверное, не сделаю. При этом я придумал QR-коды, но вы же понимаете, главное в этом павильоне – архитектура, и ее делал Чобан, оттолкнувшись от идеи с кодами.

«Вставляет» всех именно пространство, а что касается QR-кодов и остального, то это «отмазка». Это немного шутка на тему «говорящей архитектуры», когда все стены разговаривают с тобой с помощью планшетников. У нас не принято говорить, что мы восхищаемся просто пространством, нужны какие-то, как бы сказать, ярмарочные «wow». Мы придумали действие, девушки в майках с кодами выдают планшеты, вы листаете, тыкаете в экран, интерактивно все. Это декорация современностью, но на самом деле восхищает же всех чистое классическое пространство. Пантеон, чего там! И это – Чобан.

Теперь про содержание. Информация по «Сколково» очень разношерстная, но как только вы загружаете ее в планшет, формат одинаковых презентаций создает подобие сверстанной книги. Там 35 презентаций, в среднем по двадцать страниц. Всего 700 полос с картинками, таблицами, текстом и т.д. Планшетные технологии – это все-таки что-то потрясающее – ими теперь все страшно увлечены. Было разработано приложение с презентациями всех конкурсных проектов. Мы поспорили с Чернозатонским, который все это делал, сколько людей скачает приложение из App Store. Я сказал, что раза три скачают максимум – оно большое. Оказалось 1200 человек. Я по своему прошлому опыту считал, что у нас в павильоне не будет больше сорока человек одновременно, и ста планшетов будет достаточно. Но их не хватало. То есть народ там толпился постоянно. И это настоящий успех. Я на биеннале был в этом году раз пять за три месяца, и там всегда стояла очередь.

Про критику. Сергей Скуратов упрекал нас в том, что мы поперек мировых трендов.

Григорий Ревзин
специальный
корреспондент газеты
Коммерсантъ, член
Градостроительного
совета «Сколково»

Григорий Ревзин в нижнем зале российского павильона. Экспозиция была посвящена 37 советским наукоградом

“**Наши архитекторы по своему характеру воины. Они все время воюют, все время в походе... А западные – переговорщики, торговцы, если хотите. Они ни с кем не воюют, а договариваются**”

Но я всегда делал выставки поперек. Когда куратором биеннале был Фуксас с темой «Больше этики, меньше эстетики», у меня был лозунг «Этика архитектора – это его эстетика». Я никогда не считал, что нужно совпадать с кураторской темой. В данном случае тема была Common Ground. Мне казалось, что сегодня общее пространство, общая тема для разговоров складывается из общения через интернет, общения виртуального. «Сколково» – это такое облако знаний, которое опускается на землю, и что-то происходит, образуется какое-то комьюнити. То есть из онлайн в оффлайн. Мне представлялось, что это очень правильный ответ на тему Common Ground. И в итоге его оценили. Все же вниманием жюри мы никогда избалованы не были.

Не думаю, что мы были против тренда. Скорее, против тренда на бережливость. Мировой кризис, денег нет... Потому и экспозиции были в этом году бедненькие.

Швейцарская и американская тоже «бедненькие»? У них ведь крупный бюджет...

Американцы, на мой взгляд, сделали восхитительную экспозицию (я обзавидовался). Она была построена на взаимодействии архитекторов с реальными комьюнити. Сто проектов – сто комьюнити, которые захотели что-то улучшить в своей жизни. У нас не очень хорошо с исследованиями реальных потребностей людей и нет комьюнити, вообще нет этого субъекта. Мы не можем делать ничего похожего. Что касается денег, думаю, американцы потратили меньше. Наш павильон в общей сложности стоил около 2 миллионов евро, они, я думаю, уложились тысяч в восемьсот. Но тут есть и разница заказов. Одно дело – комьюнити цветоводов, которые выращивают цветы на пустыре в Детройте. Другое дело государственный проект города науки. Можно не любить государственные проекты вообще, но это не может стоить одинаково.

Какова в этом проекте роль Сергея Кузнецова?

Изначально Сергей очень активно занимался проектом. Естественно, все решения принимались вместе, потом на нем была организация процесса, «рабочка». Берлинской частью офиса руководила Валерия Каширина, второй со-куратор Чобана, а русской частью – Сергей Кузнецов. Без него павильона бы не было. Но потом начались разговоры о том, что он станет главным архитектором Москвы, и дальше мы его уже потеряли.

Вы заметили эту потерю?

Сергей – очень хороший организатор. Мы с ним делали биеннале в 2010 году, и тогда у нас все шло как часы. А сейчас за четыре дня до открытия у нас еще ничего не было готово, хотя по контрактам все должны были сделать за месяц до начала. И эти четыре дня Чобан являл собой весьма эмоциональный тип руководителя. А Кузнецов замечательный менеджер, что тут скажешь. Потерю заметили, но справились.

В начале осени открылся ГиперКуб – первое здание иннограда. Если в среде архитекторов оно было встречено благожелательно, то общественная реакция оказалась весьма скептической. Отмечался контраст высоких технологий и деревенского окружения. Каково ваше мнение об этой новостройке?

Это здание адекватно нынешнему состоянию «Сколково», его раздвоенности. С одной стороны – грубые бетонные конструкции, с другой – стеклянные мечты. ГиперКуб странно смотрится издали (на него сейчас в основном так и смотришь). Игра с фасадами, светодиодами видна с близкого расстояния. Тогда становится понятно, что это сложно сделанная штука. Мне кажется, когда появится само «Сколково» – здание приобретет нужный вид. Это как посольство Нидерландов, которое Колхаас построил в Берлине. Издали довольно дико смотрится, вблизи тоже ранит взгляд, а со средней дистанции – отлично. Сложно, интересно, идеально для среды, для улицы шириной шестнадцать метров. Когда Куб обрастет соседними домами, ситуация изменится. Через 30 лет сюда будут приходить люди и говорить: «Вот отсюда и начиналось “Сколково”».

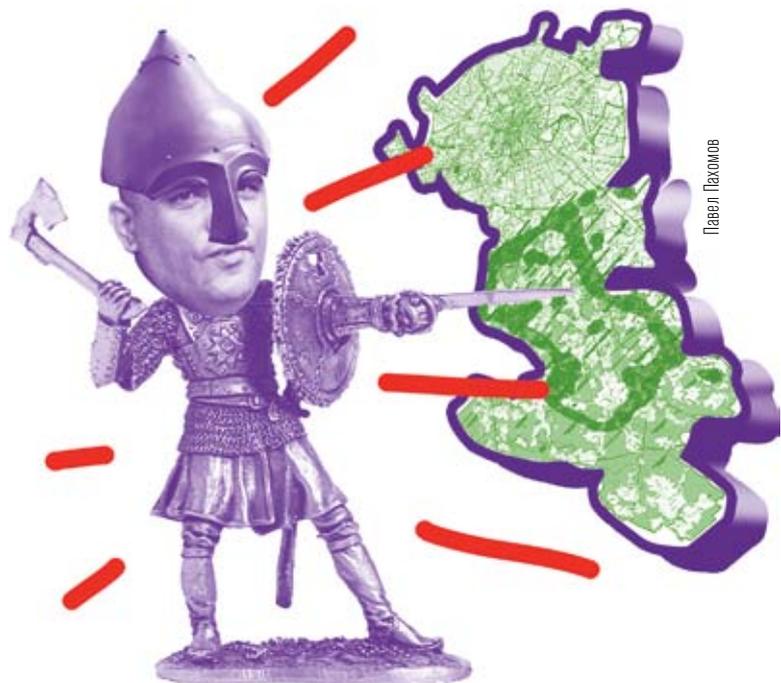
BERNASKONI

По задумке Бориса Бернасconi здание ГиперКуба должно быть упаковано в медиа-фасад. Оболочка куба становится интерактивным дисплеем

Большая Москва и москвичи

В этом году был проведен **Международный конкурс на развитие территорий Большой Москвы**. Довольны ли вы организацией и результатами конкурса? Будут ли учитывать рекомендации победителей в разработке реального генплана столицы? Насколько эти рекомендации реально воплотить? У меня по Большой Москве есть одно, но важное замечание – налицо явная несерьезность намерений заказчика. То, как этот конкурс был организован, те материалы, которые выдавались, сроки, итоговые результаты – все соответствовало логике бюрократической «отмазки». Медведев сказал расширить Москву, Москомархитектура отрапортовала по пунктам: «Иностранные эксперты есть? Есть. Документы есть? Есть. Конкурс проведен? Проведен. Вопросы? Что-что?! Реализация?! О чем вы вообще!!» Это как с продовольственной программой Брежневца. Ну проработали, ну написали, но выполнять это – идеи не было.

Я участвовал в двух командах, обе проиграла. Ставили они несколько неопределенные задачи. Честно говоря, мне кажется, все иностранные команды нацеливались, как бы это сказать... на рыбалку. Поймать какую-нибудь рыбку-заказ. Но в пруду сидел специальный охранник и всю рыбу, которую должны были вытащить, заранее насаживал на крючок.

Павел Пахомов

Илья Мезинов / Луиза Калополу

Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» на бывшей кондитерской фабрике «Красный Октябрь» (арх. бюро Wowhaus). Двор и амфитеатр могут вместить до полутора тысяч слушателей

То есть все знали, кто выиграет. Медведеву сказали: «Те, кто делали Большой Париж, будут делать и Большую Москву». Выиграл Антуан Грумба. А вторым был Мошкович, который давно пригласил своего конкурента (американцев Urban Design Associates) проектировать Коммунарку. Они на его земле Федеральный центр и спроектировали. Сразу стало ясно, кто является бенефициарами конкурса: Медведев и Мошкович. Медведев, как и хотел, получил Большую Москву, а Мошкович получил Федеральный центр. Ненадолго – через две недели господин Кожин все это отменил. Не знаю, можно ли в этой связи как-то анализировать конкурс... хотя Юра Григорян сказал, что массу нового узнал...

А вы ничего нового не узнали?

Нет. Юра говорит, что может теперь делать проект хоть Найроби, хоть Амстердама. Я не могу. Как делать Большую Москву, я и до конкурса знал, а как делать Найроби, я и после конкурса не знаю. Но конкурс тем не менее был примечателен тем, что на «Стрелке» встретились профессиональные экономисты во главе с Александром Аузаном и современные урбанисты во главе с Юрием Григоряном. На таких встречах вызревают какие-то идеи. Они, кстати, отозвались в Урбанистическом форуме.

По поводу Урбанистического форума. Есть мнение, что уже два года подряд произносятся одни и те же мантры, звенят одни и те же колокольчики, а где же прагматика?

Нужно понимать, что такое форум. Это питательная среда, из которой потом вырастают *think-tanks* и многое другое. Здесь уместно продолжить метафору рыбалки. Если ты пошел на леща на Волге, леща нужно прикармливать долго. И если десять лет никакого леща не было, а потом ты два раза пришел и покромшил хлеб, то лещ и не будет ловиться. И какая тут прагматика? У нас никаких новых идей по урбанистику примерно 15 лет не было вообще.

Почему?

Потому что не хотел Юрий Михайлович. Новое руководство города захотело, они и появились. И вот в течение двух лет проводят этот форум, чиновники ходят туда, узнают что-то, слушают и сами что-то говорят. Наверное, происходит какая-то смена менталитета.

Отцы и дети

Следующее событие года: на должность главного архитектора Москвы назначен 35-летний Сергей Кузнецов. Многие характеризуют его как талантливого менеджера и успешного архитектора, но высказывают недовольство закрытостью процедуры назначения и небольшим опытом, которым располагает Кузнецов. Как вы думаете, продолжится ли политика ручного регулирования процессов территориального развития? Можно ли надеяться на переход к более прозрачным и цивилизованным механизмам?

Назначение Сергея Кузнецова означает смену поколений. Надо понимать, что при всей сложности отношений Кузьмина с нашими неомодернистами (Скуратовым, Плоткиным, Скоканом и др.) он всех их и вырастил. Это была его программа: Лужкову – лужковское, архитекторам – архитектурское. Своим развитием они обязаны ему. Другого главного архитектора это поколение выдвинуть не смогло. Я был на совещании в Союзе архитекторов через две недели после снятия Лужкова, которое собирал Андрей Боков. И я им там сказал, что Ресин за короткое время своего пребывания у власти без Лужкова ухитрился доказать, что он совсем не Юрий Михайлович, а даже как-то всю жизнь был в оппозиции. Ваша задача доказать, что вы – не лужковские архитекторы. Если вы этого не докажете, вас сметут. Они этого не сделали.

По-моему, это стратегическая ошибка. С кем из государственных заказчиков сейчас ни общаешься (иногда на довольно высоком уровне), если они спрашивают, кого бы из архитекторов позвать, и я начинаю перечислять, они говорят: «Нет, это лужковские ребята, мы с ними работать не будем». Это своеобразная имиджевая политика. Мы могли это наблюдать на примере проекта ГЦСИ, когда у нас главным лужковским архитектором вдруг оказался Михаил Хазанов. Комедия! Старая гвардия не смогла провести эту демаркацию, есть мы, а есть Лужков. Соответственно не получила нового главного архитектора. Кузнецов – не их главный архитектор.

Боюсь, путь их лежит в провинцию, а в Москве появится новое поколение, потому что сейчас у Кузнецова нет своего поколения. Но он его вырастит. Если Сергей сел надолго, а у него в планах надолго, то ясно, что в пределах пяти лет мы получим новые имена, новые бюро. Поколение тридцатилетних, для которых Григорян станет старым архитектором. Хорошо

Перспектива из проекта-победителя Международного конкурса на концепцию развития Московской агломерации в номинации за лучшее решение Федерального центра на присоединяемых территориях. Авторы Urban Design Associates (США)

Urban Design Associates

Голицынский пруд в ЦПКИО им. Горького. После реконструкции, проведенной Wowhaus, на пруду появились мостики для рыбной ловли, террасы, оборудованные WiFi

Илья Мещинов

1
18 сентября на «Стрелке» состоялось обсуждение предложенной институтом концепции развития Московской агломерации «Большая Москва: формирование смысла».

2
Think-tanks («мозговые центры») – негосударственные исследовательские организации. Обычно сосредотачивают свои усилия в области гуманитарных наук.

это или плохо – неизвестно, мы это поколение не знаем.

Что касается базовых оценок Кузнецова, то они мне близки, особенно когда он говорит, что у нас огромный город, где масса всего не построено. У нас была куча денег, и на что они ушли? Я с ним согласен. Скуратов – замечательный архитектор, и Плоткин прекрасный, и еще много хороших, но что-то как-то мало при такой мощи инвестиционного бума.

Кузьмин был очень связан идейно с гутновским наследием, и отсюда проистекало его желание делать генплан, которое его и разрушило, по-моему. Это был по замыслу слишком хороший проект для наших реалий. А в этих реалиях он создавал коррупционный круг – все время принимались новые регуляции, но не чтобы их выполнять, а чтобы продавать исключения из них. При том, что сам Кузьмин, по-моему, сильный человек, с уникальным знанием Москвы. И он не был коррумпирован. Я вообще-то очень высоко оцениваю Александра Кузьмина, писал об этом, когда он ушел в отставку.

Вообще, было две возможности при назначении главного архитектора. Такая развилка, вы кого хотите: невероятного креатора, который будет рисовать Москву, или способного администратора? Сергей Кузнецов – хороший архитектор, но хороших много, я примерно тридцать знаю. А вот менеджеров в архитектуре хороших знаю двух: Кузнецова и Левянта. Это талант, и редкий. Менеджменту в правильных местах учат. Это серьезная специальность, проштудировать надо кучу учебников. А есть люди талантливые, которые сами это умеют, вот Кузнецов такой. Это впечатляет.

В недавней статье «Роптать – не строить» для журнала «Огонек» вы выступили с острой критикой в адрес российских архитекторов. Писали, что все наши прославленные зодчие остались где-то в середине 1990-х годов, их идеи давно устарели, а их звездность сильно преувеличена. Сейчас архитекторы испытывают дефицит заказов, вы сильно задели самолюбие многих. Что должно произойти, чтобы они вновь стали востребованы?

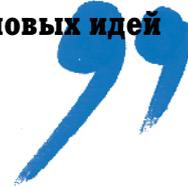
Это просто. Надо сделать что-нибудь хорошее. Что-то такое, чтобы люди оценили. И люди, и власть.

Но это нельзя сделать, засев в Градсовете, набрав административного ресурса и получив за счет него заказов. Ничего хорошего не будет – будет сплошной компромисс со вку-

сами чиновников, которые потом даже не поймут, что именно они все и испортили. Мы это уже проходили. Помните поколение шестидесятников-семидесятников, которое пришло к власти с Вавакиным? Они все сгорели в этой бюрократической игре и полностью утратили репутацию. А ведь были замечательные люди, взять хотя бы Меерсона, работы которого 1960–1970-х во все учебники входят. А что теперь?

Мои прошлые герои перестали развиваться примерно в 2001 году. В течение последних десяти лет я не вижу никаких новых идей

Со мной вышла комичная история. Я написал: «Долой Градсовет! Пусть у нас все будет по конкурсам». Я считал, что Градсовет в старом виде – это боярская дума, где его члены делят между собой заказы, и это нельзя воспроизводить. И меня тут же пригласили в Градсовет. Ну ладно, я в него вошел, я все-таки не архитектор, поэтому прямой коррупционной составляющей не вижу. В принципе я с Кузнецовым договаривался, что вхожу в Градсовет для устройства этих конкурсов. Надеюсь, что нам удастся эту работу наладить. Мне кажется, что в Москомархитектуре должны задаться программой по внедрению конкурсов, составлению документации, программ, сопровождению выигравших проектов через согласовательные инстанции и т.д. А боярская дума, когда туда все приходят и говорят, что они очень заслуженные – это устаревший институт...

Давайте мы все-таки посмотрим, чего вы заслужили!? Каждый из них сделал по три хороших дома. Не спорю, сам их воспевал. Каждый из них завалил один большой дом. Не проект – реализацию. Дом на Мосфильмовской Скуратова, «Имперский дом» Белова, Долгоруковская Филиппова или «Аэробус» Плот-

кина – это все, уввы, провалы. Ни одно из этих зданий не построено в соответствии с проектом, не вытянуто до качественного уровня, хотя вообще-то по западным меркам это даже не самые большие вещи. Они, конечно, большие, но это не Жолтовский с Щусевым. Нужно как-то адекватнее себя оценивать.

Возможно, я написал слишком резко, ну обиделись, не впервой. Я отношусь ко многим архитекторам с уважением и симпатией, а есть мои друзья, которых я искренне люблю. Но мне кажется, если бы мы запустили систему конкурсов, было бы просто здорово для всех. В этом году я съездил в Сингапур и поразился. Они запустили конкурсы. Вы ходите по Сингапуру, там все звезды строили, но с этого начиналось, а теперь сингапурские архитекторы выигрывают у Захи Хадид и Рема Колхааса. Почему? Потому что они поучаствуют в трех конкурсах, а четвертый выигрывают. Они лучше знакомы с местными условиями и одновременно воспринимают от звезд западный стандарт. У нас этого не было – и вот результат! Москва могла бы стать архитектурной столицей мира – 20 лет строительного бума в 10-миллионном мегаполисе это серьезно. Не стала.

Учебный план

Этот год выдался крайне неудачным для МАРХИ, главного архитектурного вуза страны. То его команда выбывает из конкурса на развитие Новой Москвы, то предъявляют обвинение в мошенничестве Кудрявцеву и Лежаве, то институт попадает в список неэффективных вузов. Насколько ситуация закономерна и симптоматична?

Знаете, я в МАРХИ практически не преподавал, за исключением консультирования нескольких дипломных проектов. Мне трудно судить об этом вузе. Я знаю Швидковского как выдающегося отечественного архитектора и историка архитектуры, он серьезный ученый, не очень понимаю, какой он администратор. Впрочем, я сам настолько плохой администратор, что не мне судить.

Если говорить о неэффективных вузах, то это просто смешно. Когда из пятидесяти пяти критериев оценки, предложенных ВШЭ, Минобрнауки берет пять, а потом по ним прогоняется МАРХИ, то чего вы хотите? Ну давайте еще замерим напряжение в лампочках и скажем, раз низкое напряжение, вуз неэффективный. В Москве на сегодняшний день нет архитектурного вуза лучше.

Визуализация нового здания ГЦСИ на Бауманской улице в Москве. Проект разработан мастерской М. Хазанова совместно с директором центра Михаилом Миндлиным. Реализация отложена на неопределенный срок

Архитектурный институт (Государственная академия). Ведущая архитектурная школа России с 250-летней историей. 1 ноября 2012 года Минобрнауки опубликовало список неэффективных вузов, в который попал и МАРХИ

Хотя, конечно, у МАРХИ масса проблем. И, по-моему, это связано с зарплатой преподавателей. Понимаете, там есть основной цикл – преподавание из рук в руки, ремесленное обучение, как в цеху от мастера к ученику. И в этом есть мотивация, потому что мастера ищут себе дешевую рабочую силу. И это лучшие архитекторы. А есть и вспомогательные дисциплины, такие как сопромат, математика, преподавание которых при такой зарплате преподавателей – профанация. С историей архитектуры лучше, потому что Швидковский за этим делом следит.

Вы знаете, в прошлом году я преподавал на «Стрелке» и у Высоковского в Школе урбанистики и могу сказать, что на фоне этих вузов маршишники выглядят пэтэушниками: книг не читали, языков не знают – я говорю об уровне студентов. Можно много чего предложить, но это все несерьезно, пока не решена главная проблема. Нужно платить деньги, и тогда будут нормально преподавать. Если вы двадцать лет платите преподавателю шесть тысяч рублей в месяц, то понятно, там остаются очень специфические люди. Не могут люди даром работать. Нельзя строить систему образования на уникамах и энтузиастах.

Казнить нельзя, помиловать!

В начале осени разгорелся скандал вокруг проекта нового здания ГЦСИ в районе Бауманки. Ряд чиновников и культуртрегеров – Сергей Кузнецов, Сергей Капков, Антон Белов, Александр Мамут, Ольга Свиблова и др. – устроили «публичную порку» авторам проекта. Проект был назван «морально устаревшим», непривлекательным с эстетической точки зрения и не соответствующим окружению. Чем можно объяснить столь яростное неприятие? Мне позвонил Михаил Миндлин и попросил его защищать, но я не стал. По-моему, он был не защищаем. Есть два основания, по которым он не защищается. Первое, если это наш Помпиду, то ситуация, при которой директор центра НЕ архитектор, но вписывается в проект сначала в качестве консультанта, потом в качестве главного автора, а Хазанов становится мальчиком на побегушках, является позорной. Любые другие здания можете строить как угодно, но это здание нужно строить по национальному конкурсу, а еще лучше – по международному. Просто потому, что для таких зданий это и придумано. Не обязательно строить детский сад по международному конкурсу, но национальный центр современного искусства обязательно.

Второе заключается в том, что когда у тебя нет программы центра, ты начинаешь рисовать какую-то архитектурную абстракцию. И надо понимать, что на сегодняшний день ГЦСИ обладает коллекцией, которую можно разместить, вообще-то говоря, на полутора тысячах квадратных метров, и штатом, который будет обслуживать эту коллекцию. Спрашивается, чем заполнять здание в тридцать тысяч метров?

Два варианта. Или подразумевается следующая ситуация: ГЦСИ у нас превращается в принципиально другую институцию, в которой работает четыреста человек. Под этот штат вы собираете коллекцию, у вас финансирование под выставки, и вы осваиваете это здание. Тогда я готов вас послушать, но никто этого не озвучивает. Или вы сдаете эти помещения и на средства от аренды кормите искусство. Ну то есть по лужковской схеме – как школа Галины Вишневской. Ок! Но тогда зачем вы закрыли все окна башни этим вот черт знает чем? Это нельзя сдавать, там не может быть ни офисов, ни апартаментов – ничего.

У вас нет никакой идеи относительно того, как это будет работать, поэтому вы нарисовали эту архитектурную скульптуру. И нарисовал ее

директор этой самой культурной институции. Это самовыражение Миндлина за государственный счет. Ему, вероятно, есть, что выразить, он талантливый человек, но это все же очень странно. Я не могу такое поддерживать.

Есть еще один аспект проблемы. Получается, что ситуация со столичным ГЦСИ бьет рикошетом по региональным представительствам. Этот нерв там присутствует?

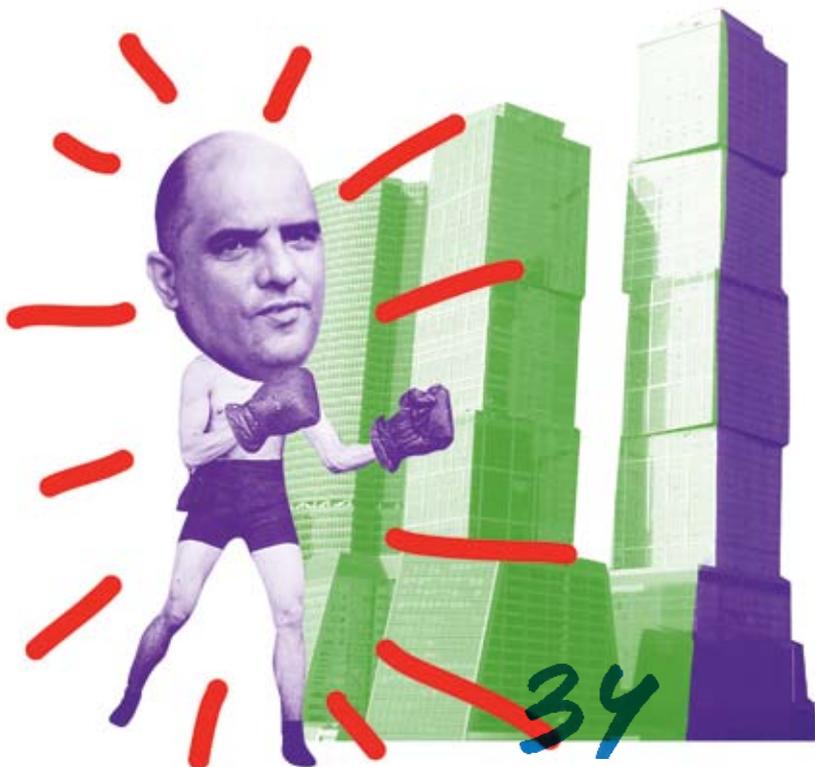
Безусловно, присутствует. И отношусь я к этому сугубо отрицательно. ГЦСИ как московская структура не самая яркая. Есть Василий Церетели, есть Шалва Бреус, есть Даша Жукова. Но если говорить о провинциальных, то нижегородская, калининградская, петербургская – это совершенно замечательные организации. То, что они имеют общую структуру – это очень важно, и то, что на них пытаются «наехать» – очень грустно.

Мне кажется, что с этим проектом Михаил Миндлин очень подставляет структуру, которую он сам же и создал.

Если будет принято решение реализовывать проект на Ходынке, это спасет региональную структуру?

Мне довольно трудно это обсуждать. Не знаю, какие у Миндлина отношения с министром. Ну конечно, к нему возникли претензии из-за этого проекта. Потом была еще премия «Инновация», где победил «Х*й в гостях у ФСБ». Все-таки это государственная премия, и при всем при том, что произведение замечательное, но как-то странно, чтобы государственную премию за него давали... Общественность удовлетворена, но человек, который менеджерил процессом, с государственных позиций, вероятно, не считается способным управленцем. Это не вопрос его общественной поддержки, а вопрос его отношений с министерством, но и кумиром всей художественной общественности он тоже почему-то не является. У них там уровень солидарности примерно как у архитекторов, если не хуже. Не знаю, удастся ли ему сохранить за собой пост директора ГЦСИ. А если нет, то тогда как строить прогнозы о структуре? ГЦСИ – это Миндлин и Бажанов, без них – это уже совсем другая структура.

Ну а по поводу региональных структур... если московские власти вызывают у меня какой-никакой осторожный оптимизм, то Министерство культуры в меньшей степени. Там задачи наладить диалог с креативным классом не стоит.

Одна из акций «партизанских городских перепланировщиков» проходила в метро. Не дождавшись реакции властей на недовольство горожан, активисты движения заменили неудобваримые наклейки со схемой метрополитена на новые

А то, что Собянин работает с федеральным бюджетом, как-то повышает конкурентоспособность Москвы в шкале мировых городов?

Он вообще занимается не отношением Москвы с мировыми городами, а отношением Москвы с москвичами. Надо понимать, 80% москвичей в этот диалог Москвы с мировыми городами никак не включены. А есть такие проблемы, как метро, поликлиники и т.д. Они развивают это на федеральные деньги. Я думаю, что Юрий Михайлович, при своей крайне популистской риторике, вместе с тем вел весьма правую политику. Джентрификация, сегрегация, шоу, аттракционы. Москва – социалистическая Москва, спальные районы, школы, больницы, поликлиники, транспорт – оказалась в довольно заброшенном состоянии. Вся инфраструктура – времен советской индустриальной эпохи. Сейчас, работая с федеральным бюджетом, Собянин пытается это вытянуть. Это новая повестка дня. Вероятно, если тут удастся что-то сделать, повысится и общий рейтинг Москвы, но это вопрос не одного года.

Мы говорим про клиентско-патронажные отношения, как при Лужкове, или в политике есть какой-то сдвиг? Может, она опирается на те же принципы, но с ориентацией на другие социальные группы? Это тот же феодализм или что-то новое?

Нужно понимать, Лужков заключал свой пакт с московским населением несколько раз. То есть Лужков в 1998 году это не Лужков в 2008 году. Поиск общего языка происходил довольно долго. На сегодняшний день Собянин этого общего языка с жителями пока не нашел, как мне кажется.

Новизна заключается в том, что это другие жители. Не те, что были двадцать лет назад, и с ними нужно как-то по-другому. И Болотной не было, и Поклонной не было. При Лужкове Парк культуры вообще не мог быть темой для разговора, не с кем было договариваться.

Так все-таки принципы функционирования системы изменились?

Экономически, по-моему, нет, не изменились. Москва как и прежде получает деньги от транзита из страны в глобальную экономику. При Лужкове доход от нефти меняли на московскую недвижимость. Скорее всего, территорию скоро снова начнут распродавать. Вопрос – как откупиться от туземцев, чтобы они не бузили. Условия сделки еще не сформулированы, но сама сделка та же.

Партизанская война

Тенденцией минувшего года стало развитие городского активизма. И общественно-политических движений, и социально-бытовых. Возрос интерес к «партизанingu». Люди самостоятельно пытаются улучшить среду обитания, увеличивается количество связанных с этой сферой сообществ и волонтерских движений. Могут ли они вызвать отклик у руководства города, или это «капля в море», которую никто не заметит?

Движения по улучшению городской среды и общеполитические движения – конкуренты. Или «Давайте лучшим наш сквер!», или «Долой Путина!». Одно с другим не уживается. Те, кто выступают против застройки Ходынского поля, не ходят на митинги против Путина. Альянса тут не достичь. Была попытка – партия «Яблоко», она боролась против точечной застройки и за демократию. Ну, очень они преуспели?

Может быть, это политические лифты, чтобы пройти в коридоры власти?

На мой взгляд, это тоже не работает. Потому что такая кооптация происходит при открытости власти к диалогу с жителями. А когда мы имеем дело с корпорацией, как сегодня, она, наоборот, еще больше защищается.

Есть две совершенно разные модели управления: Москва и МО. Суперцентрализованный город и дифференцированная область. Но мы видим, что результаты функционирования этих моделей мало чем отличаются. Почему, как вам кажется?

Вообще-то это несравнимые объекты, ведь бюджет Москвы в 50 раз больше бюджета Московской области. Могу сказать, что с уходом Громова область перестала передавать полномочия вниз, она их, наоборот, все собирает для губернатора. Это ближе к Москве. Если обсуждать сферу застройки, то надо понимать, что власть для девелопера – это бандит с большой дороги. Понимаете, иногда власть строит мосты, дороги, электростанции, национальные парки – у нее есть свое видение территории. Этого в Московской области не было, а в Москве изображалось, но не исполнялось. Был субъект, который получает за свои соглашения, наезды и разрешения некую мзду. Неважно, каким образом. Прогрессивные и честные чиновники требовали, чтобы эта мзда шла в бюджет, коррупционеры клали себе в карман. С точки зрения управления – что

Григорий Ревзин, Константин Чернозатонский, Сергей Кузнецов, Сергей Чобан, Валерия Каширина на церемонии открытия российского павильона на архитектурной биеннале в Венеции

в лоб, что по лбу. Власть не генерировала никаких идей относительно того, как развиваться. Чего же удивляться разнице результатов?

И последний вопрос: куда подевались архитектурные критики? Вы очень редко появляетесь на страницах газеты «Коммерсантъ», уехал в Париж Алексей Тарханов, прекратил сотрудничество с Openspace.ru Кирилл Асс, почти перестали писать Николай Малинин и Барт Голдхоорн. Что это, тенденция или просто стечение обстоятельств?

Могу сказать про себя. Раньше я видел архитекторов, которые, по моему ощущению, обладали силой. Исторической силой. Я, конечно, иногда ошибался. У меня было чувство, что я пишу про фигуры, которые определяют повестку дня. Я ожидал, что из проектов Филиппова, Скуратова, Бавыкина вырастет что-то гораздо большее. У них не получилось, им не дали, – это важно им, мне, но не читателю. Теперь это чувство ушло: что выросло, то выросло – большее пока не просматривается.

Молодежь? Несмотря на то, что Коля Малинин вел специальный журнал про молодежь, всех перебрал и представил, я не увидел среди них никого, кто бы мне показался человеком со своей идеей. У меня нет героев среди них. А что касается моих прошлых героев, то они перестали развиваться примерно в 2001 году. В течение последних десяти лет я не вижу никаких новых идей. Единственный, кто развивается – это Григорян. Но я не могу постоянно писать о Григоряне, тем более он не так много строит. Мы ходим на «Зодчество», смотрим на эти проекты и видим, что там происходит. Провинция начала повторять московские проекты пятилетней давности, а в Москве, поскольку все заказчики уехали в Лондон, теперь строят дома для среднего класса. Так что в Уфе теперь местная Остоженка, а у нас – Хабаровск и Уфа. Куда, действительно, подевались критики?

Интервью провели Алексей Муратов и Алексей Афоничкин

Виктор Маслаков
сити-менеджер Центра инноваций
«Сколково»», доктор экономических наук

Центральная зона: до и после

Изменение планировки Центральной зоны «Сколково» – это следствие серьезного анализа реальных, а не надуманных потребностей участников проекта. В инновационном центре «прописались» уже почти 800 компаний резидентов, есть с кем посоветоваться. Нам, строи-

Скрябин Заннеттаччи / Сунгп Зампелтассо

телям, так же как и архитекторам, конечно же, хочется оставить после себя что-то великое и очень заметное. Желательно, чтобы из космоса было видно. Но здравый смысл диктует другое. Формальные и неформальные консультации, практический опыт взаимодействия с инноваторами обозначили четкий запрос на среду человеческого масштаба, способствующую общению. В России очень не хватает такого гуманного и креативного пространства.

Из нескольких вариантов новой концепции Центральной зоны, разработанных по запросу Фонда компанией AREP (автором Генплана), выбран тот, который придаст ей качества, обычно свойственные насыщенной исторической застройке. Где человек, будь он гость или участник проекта, приезжая в «Сколково», попадает не на выставку достижений архитектуры, а в живой город, предлагающий разные, но равно привлекательные способы времяпрепровождения. У него появится желание пройтись по улице, заглянуть на выставку, а потом посидеть в кафе.

Это такое место, где будут с удовольствием «зависать» студенты Сколтеха и стартаперы, которые по возрасту от них не сильно отличаются. Такая коммуникационная зона – обязательная часть инновационного центра. Смелые идеи не рождаются в лаборатории, в лаборатории они только проверяются. Новый проект планировки уже готов. Думается, у нас достаточно хороших архитекторов, чтобы развить и дополнить работу планировщиков строительством интересных зданий.

Одно из главных событий последнего времени – решение о перепланировке Центральной зоны «Сколково». Оно обусловлено изменением взглядов на то, каким должен быть инноград. Предпочтение отдано более мелкому, соразмерному человеку масштабу. Огромные Купол и «Скала» теперь распадаются на более мелкие объекты. Предполагается, что каждый такой объект должен заинтересовать внешних инвесторов.

Новый город – План

Градостроительный совет «Сколково» попросил меня стать программным директором Центральной зоны. Это было сделано по инициативе Фонда. Я написал программу, и она была довольно подробная. В ней была

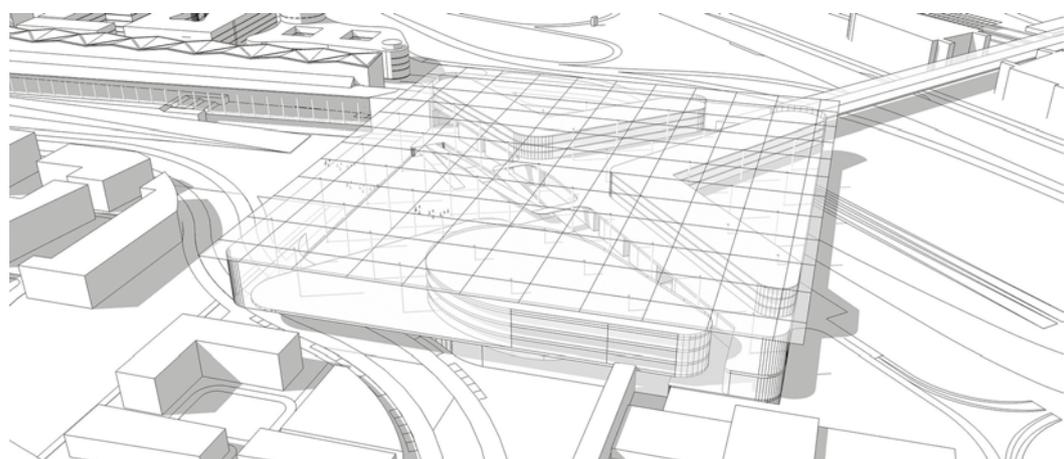
заложена достаточно простая идея: нужно представить, что было центральное ядро города, из которого развилось остальное «Сколково». В этом ядре, формируемом по принципу смешанной застройки, были заложены

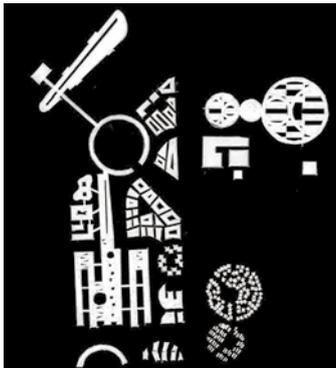
какие-то функции даунтауна и какие-то зародыши элементов архитектурно-планировочной структуры разных районов. В этом направлении мы работаем вместе с AREP и Жаном Пистром. Сейчас там рисуют плотный городской

район. Архитекторы считают, что выглядит все красиво. Пусть так оно и будет. Решение удовлетворяет моей логике насыщенного жизнью городского района. Сомнения, впрочем, вызывают расположенные справа и слева

огромные площади протяженностью по километру, настоящие эспланады. Мне кажется, в наших условиях они превратятся в безжизненные пространства. Сейчас мы обсуждаем этот вопрос.

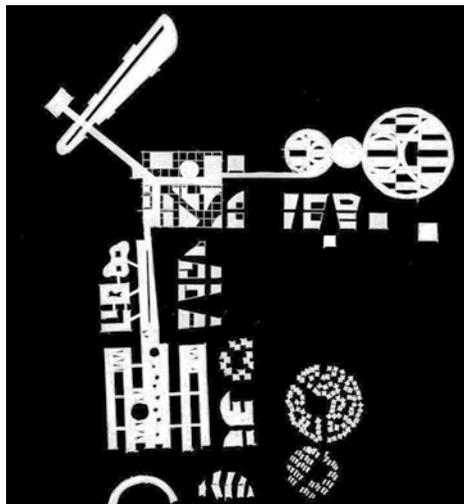
Григорий Ревзин
специальный корреспондент
ИД «КоммерсантЪ», член
Градостроительного совета
Фонда «Сколково»

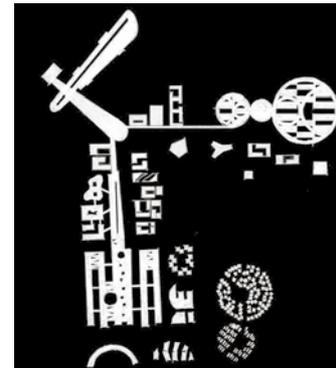
Вариант 1. Круглая площадь

В основе композиции лежит круглая центральная площадь, выполняющая функцию парадной приемной и событийного места. Доступ к ней со стороны транспортно-пересадочного узла осуществляется через пешеходный переход, освобожденный от торговых функций. При этом к технопарку и университету пройти от «ворот» иннограда можно через крытые пешеходные переходы. Независимые друг от друга небольшие кварталы сконцентрированы вокруг маленькой площади. Они развиваются от круглой центральной площади и могут быть предметом последующей разработки.

Вариант 2. Агора

В основе организации зоны лежит сетка, в центре которой расположено многофункциональное пространство, названное «Агорой». Это пространство – самое оживленное место в городе, в нем сконцентрированы общественные и торговые функции. Две крытые галереи ведут от «Агоры» к технопарку и университету. Последующее развитие должно осуществляться вдоль этих площадей. Их планируется застраивать зданиями, геометрия которых кадрирует виды природного окружения.

Вариант 3. Эспланада

В этом варианте конфигурация переходов между транспортно-пересадочным узлом, университетом и технопарком напоминает «гусиную лапку». Посетители попадают в «Сколково» по наполненному функциями мосту (торговля и т.д.), который выходит на смотровую площадку, откуда открываются виды на технопарк и университет. С обеих сторон к площадке примыкают две открытые эспланады. Последующее строительство осуществляется вдоль этих протяженных пространств.

Вариант 4. Парк

Доминирующим элементом Центральной зоны становится живописный парк. Из транспортно-пересадочного узла сюда ведет крытая галерея. С обеих сторон галерею окружает многофункциональная застройка с торговлей, учреждениями общепита и коммунально-бытового обслуживания. Связь с университетом и технопарком осуществляется за счет галерей мягких форм, интегрированных в ландшафт парка. Последующее развитие (сознательно ограниченное в данной опции) происходит за счет изолированных архитектурных объектов.

Мне кажется, очень важно подчеркнуть три основополагающих компонента, на которых должна строиться работа.

- Переход из транспортно-пересадочного узла в центральную зону должен быть как в аэропорту.

Пустой чистый траволатор, где нет торговли. Это такое правило несмешиваемости двух сред, чтобы в наукоград не проникала энергетика массовой культуры. Переход превращается в телепортатор из низового сектора

в высококультурное пространство иннограда.

- В программе нужно заложить более мелкий шаг. Оценить каждые 500 метров. Это очень важно и, кстати, корреспондируется с идеей парка, ответственным и продуманным отношением к среде. Ведь в городе мало жителей, и им не нужны для сборов огромные стадионы.
- В прежнем плане под культурные функции собирались отдать ближний к «Скале» кластер. Но сейчас принято решение не импортировать культуру извне, а опираться на внутренний контингент.

Мне бы еще хотелось, чтобы в «Сколково» были выделены 10 000 кв. м под архитектурную государственную школу. А с преподавателями ей бы помогла «Стрелка».

Юрий Григорян
архитектор,
член Градостроительного
совета Фонда «Сколково»

Слева направо: Борис Бернасconi, Сергей Кузнецов, Сергей Чубан, Григорий Ревзин, Дмитрий Медведев, Константин Чернозатонский и Виктор Вексельберг в ГиперКубе

Новоселье в ГиперКубе

HyperCube opens its doors! On September 15 the first building of the Skolkovo i-city, HyperCube, designed by Boris Bernaskoni's architecture bureau, was unveiled. The structure will host offices of the Skolkovo Foundation's partners and affiliated companies.

15 сентября состоялась презентация первого здания иннограда – ГиперКуба, построенного по проекту бюро Бориса Бернасconi. В новостройке расположатся офисы партнеров Фонда «Сколково» и его дочерних структур.

Сдержанный, но элегантный дизайн Куба и его высокотехнологичные чудеса посреди стройки – да, действительно, «город заложен»! И адрес у здания соответствующий – Инноград «Сколково», 1.

Семиэтажный многофункциональный комплекс площадью 6,6 тыс. кв. м является концентриро-

ванным выражением принципа 4Э, сформулированного Борисом Бернасconi совместно с сити-менеджером «Сколково» Виктором Маслаковым и легшего в основу идеологии застройки иннограда. Данный принцип подразумевает, что все здания здесь должны быть экологичными, эргономичными, энергоэффективными и, как следствие, экономичными.

В оборудовании ГиперКуба используются и тепловые насосы, и солнечные батареи. На крыше установлены светоуловители, направляющие солнечный свет внутрь здания.

Гиперкуб в математике – это равносторонняя фигура, имеющая не три, а более, например четыре измерения (в этом случае она называется тессерактом) или пять (пентеракт). Все они, начиная с четвертого, умозрительны и не связаны с визуальным опытом. Сам Бернасconi подчеркивает, что его постройка

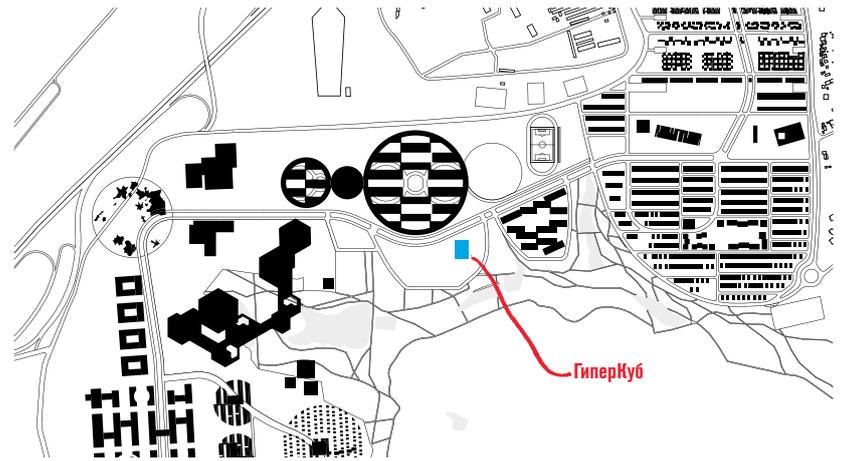
«живет не только в измерении пространства, но и в измерении времени и коммуникации» (bernaskoni.com). Важный принцип работы архитектора заключается в том, что проектируемые им объекты призваны стать своеобразными интерфейсами – помимо привычного набора функций, они должны способствовать процессу коммуникации между людьми и сами генерировать те или иные сообщения.

В прямую коммуникацию с посетителями и жителями «Сколково» ГиперКуб будет вступать посредством медиафасада: его оболочка из световидных реек превращается в экран, на котором могут демонстрироваться изображения. Объект становится интерактивным дисплеем, транслирующим новости «Сколково», информация о событиях в мире, видео-арт. ГиперКуб задуман как платформа для опытов в самых раз-

выезжающими из-под пола. Это просторное и наполненное светом помещение способно быть и своеобразной внутренней площадью – места проведения различных презентаций, выставок, массовых мероприятий.

Отличительной чертой архитектуры ГиперКуба является то, что в силу легкости и прозрачности своих конструкций он устанавливает многообразные визуальные связи между теми, кто находится снаружи и внутри здания, а также на его различных этажах. Присутствующие в конференц-зале чувствуют себя одновременно и в защищенном от непогоды уютном интерьере, и в центре обширного пространства «Сколково». Таким образом, собравшиеся в ГиперКубе инноваторы могут в полной мере ощутить свою принадлежность к иннограду и даже более широкому сообществу людей, находящихся в авангарде «экономики знаний».

events

Положение ГиперКуба на мастер-плане «Сколково»

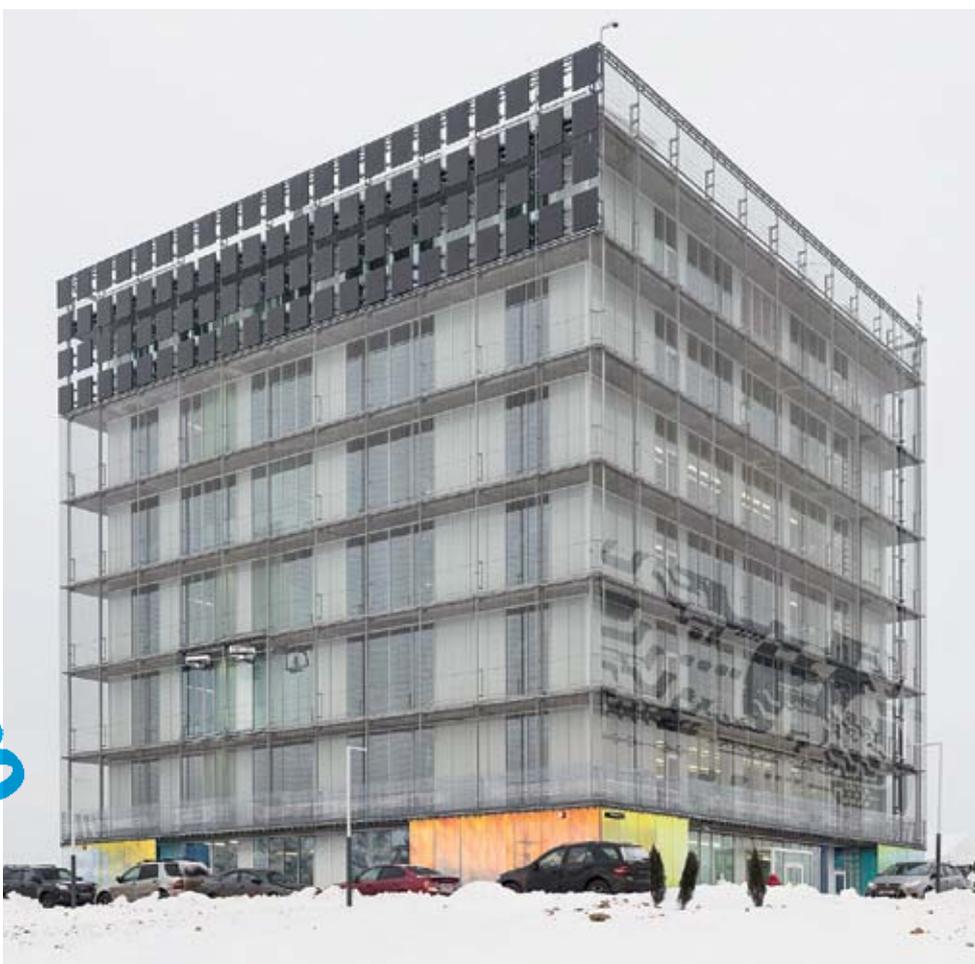

Таким будет интерьер ГиперКуба после окончательного завершения всех работ

ных областях – от высоких технологий до искусства.

«Архитектура призвана поддерживать определенный драйв, олицетворять стремление общества двигаться вперед», – говорит Бернасconi в интервью архитектурному журналу «Проект Россия». В данном случае и приподнятая атмосфера, и эффективный трудовой процесс обеспечиваются посредством создания максимально комфортных условий для работы и общения инноваторов. Чтобы внутренние пространства объекта могли быть адаптированы под самые разные цели и нужды – а некоторые из них очень трудно предугадать, ведь речь идет об инноваторах, – интерьеры здания могут трансформироваться. Самое просторное помещение находится на третьем этаже – это конференц-зал на 200 человек, который за 15 минут заполняется креслами,

ГиперКубе предстоит еще многое сделать. Работы не завершены. На его необлицованных бетонных стенах вскоре появятся произведения искусства, которые запланированы здесь в большом количестве, а также растения, высаженные по периметральным балконам. Они создадут вокруг «куба» зеленый пояс.

Юрий Пальмин

MatRex перезагрузка

MatRex. Reset. The substructure work for another building of the Skolkovo i-city – the 60-metre high 14-storey MatRex public and business center – whose 25,000 sq. m area will house startup offices has been completed.

Нулевой отметки достигло еще одно здание Центра инноваций – 14-этажный общественно-деловой центр MatRex высотой 60 метров и площадью 25 000 кв м.

По признанию его автора, архитектора Бориса Бернаскони MatRex – проект высочайшей степени сложности с точки зрения геометрии, функции и технологий. «Мы используем опыт ГиперКуба, оттачиваем наброски, и это уже “4Э плюс”», – говорит архитектор. К проекту привлечены более ста специалистов из различных смежных областей: специалисты по свету, медиа, акустике, энергоэффективности, безопасности.

Объект строится в форме усеченной пирамиды. У нее внутри спрятано пустое пространство в виде матрешки, на оболочку которой опираются перекрытия. Внешние стены здания тоже сделаны несущими. Подобно таким известным проектам бюро Херцог де Мерон, как Олимпийский стадион в Пекине или бутик Prada в Токио, межэтажные плиты крепятся прямо к сетке фасада.

Как и в здании ГиперКуба центральным смысловым ядром здесь является атриум. С точки зрения на-

значения MatRex представляет собой универсальный multifunctionальный зал-трансформер – выставочный, лекционный, банкетный, концертный... Он может быть просто холлом или амфитеатром. Чтобы освободить пространство для атриума, вертикальные коммуникации здания пришлось сместить к югу и северу.

MatRex строится в непосредственной близости от комплекса Сколтех. Это местоположение продиктовано тем, что здание должно «втягивать» в себя молодых людей. Отсюда и близость к бульвару, центральной зоне иннограда. Важно было, чтобы студенты пользовались им как внутренней улицей. Поэтому первый и верхний этажи являются пространства открытого доступа. Поднявшись на верхнюю площадку можно будет осмотреть все «Сколково».

«Архитектура – это пустота, которая окружена оболочкой, а в случае с MatRex – пустота, упаковываемая в леза, – рассказывает Бернаскони. – Даже не просто пустота, а постепенное погружение в пустоту. Ты видишь сначала фасад, проникаешь сквозь него, попадаешь в одно пространство, а потом во второе. Это движение в два хода. Никто не был внутри матрешки, интересно будет посмотреть! Что касается символики, пирамида – это власть, матрешка – искусство. Здание объединяет в себе архитектуру, искусство, технологию, политику с помощью двух простых символов».

Копай глубже!

Dig deeper! On December 22 the construction of Russia's first underground power station was completed in The Skolkovo i-city, and shortly afterwards, on January 17, the President of the Skolkovo Foundation, Viktor Vekselberg, and the Chair of the FGC UES Board, Oleg Budargin, signed a cooperation agreement.

Виктор Вексельберг и Олег Бударгин особо подчеркнули, что от реализации проекта выиграют, прежде всего, конечные потребители электроэнергии. «Проект полностью соответствует концепции инновационного города как пилотной площадки для отработки самых передовых решений и принципиально

Подстанция в иннограде «Сколково». Линии электропередач убраны под землю. В дальнейшем над станцией планируется разбить парк

На презентации подстанции гостям показывали мультфильм про электроснабжение «Сколково» и «умные» сети

День энергетика в Инновационном центре «Сколково» отметили по-особому. 22 декабря здесь завершилось строительство первой в России подземной электростанции, и уже 17 января нового года президент Фонда «Сколково» Виктор Вексельберг подписал с председателем правления «ФСК ЕЭС» Олегом Бударгиным соглашение о сотрудничестве в целях создания на территории Центра инновационного энергокластера на основе технологий SmartGrid.

Это означает, что в иннограде разворачивается полномасштабное строительство первой в России крупной локальной распределительной интеллектуальной сети. Среди передовых технологий, которые в ней будут использоваться: подземные суперсовременные подстанции, новые накопители электрической энергии и мощности, интеллектуальный мониторинг и управление до каждого потребителя, а также альтернативные источники генерации (солнечные батареи), интегрированные в сеть быстрой и медленной зарядки для электромобилей. Эти технологии на территории России в таких масштабах ранее не применялись. Планируется, что полностью данный проект войдет в строй к 2016 году.

Это соглашение должно ускорить развитие в России активно-адаптивных сетей и опробование инновационных технологий и оборудования в реальных условиях. При разработке проекта был взят на вооружение мировой опыт электроснабжения городов в Европе, Америке, Японии.

новых подходов. Кроме того, резиденты наукограда получат возможность реализовать свои разработки в сотрудничестве с ФСК», – отметил Виктор Вексельберг.

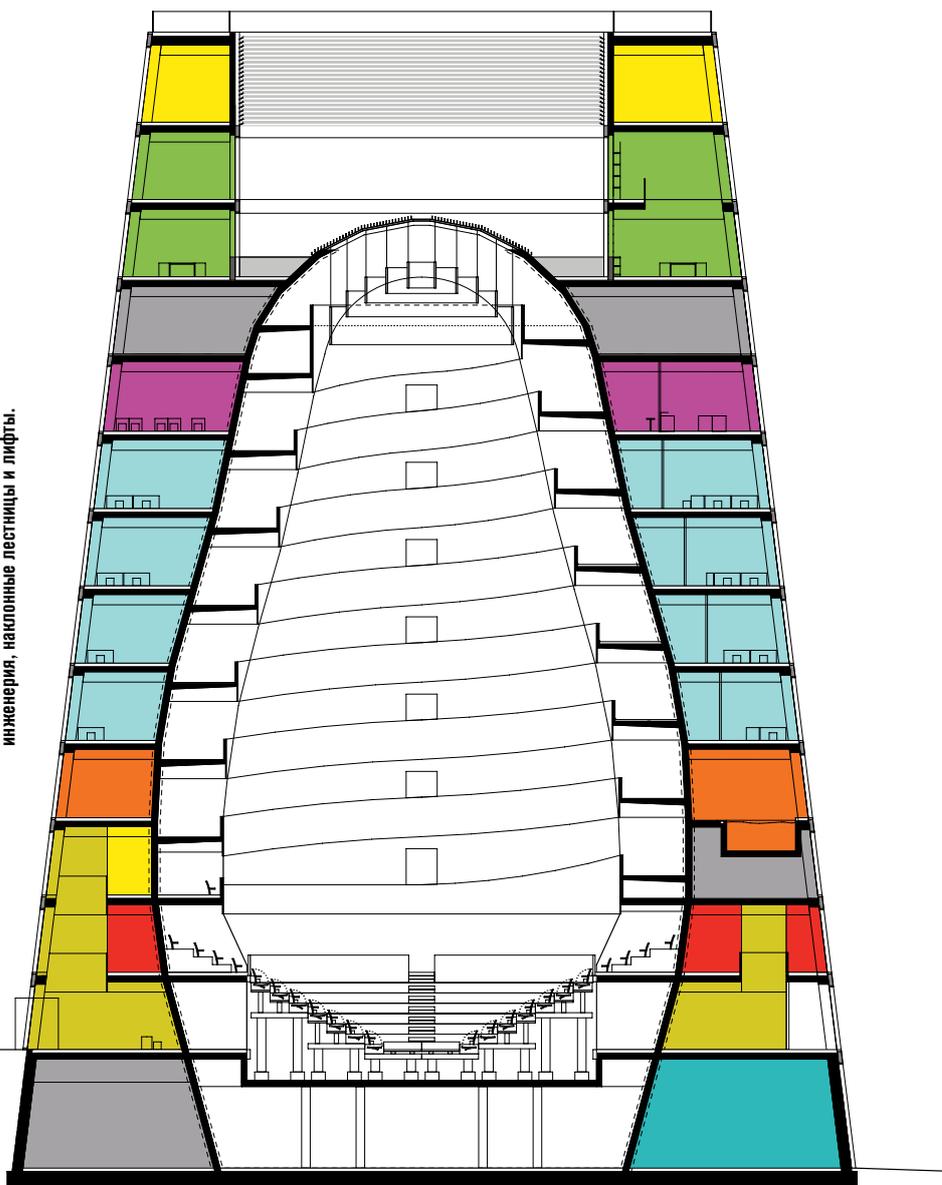
Наглядным примером такой инновации в действии и стало открытие подземной электростанции, строительство которой велось год с лишним, а инвестиции составили более 3,5 миллиардов рублей

Пока энергия поступает только в построенное здание ГиперКуба, но уже через пару лет иннограду для питания потребуется порядка двухсот мегаватт. Снаружи подстанция выглядит, как холм, но на глубине 12 метров там скрывается мощная сила.

В целях безопасности разработчики впервые в российской практике установили на станции элегазовые трансформаторы. Емкости наполнены негорючим соединением серы и фтора. В отличие от традиционных трансформаторов с масляной изоляцией, элегазовые безопасны и для человека, и для окружающей среды, поэтому подстанция может располагаться в парке или жилой зоне.

Электростанции стараются уводить под землю во всем мире. Делают это из эстетических соображений и для экономии места. По тем же причинам на глубину опущены ЛЭП. Проектировщики верят: «умная энергосистема» скоро заслужит доверие российских энергетиков.

Борис Бернаскони считает, что в этом разрезе заключена вся философия проекта. Хорошо видна криволинейная геометрия, как самого тела матрешки, так и внешних наклонных стен, для которых требуется своя опалубка, специальная инженерия, наклонные лестницы и лифты.

START UP VILLAGE

29–30 МАЯ 2013

ГИПЕРКУБ СКОЛКОВО

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ДЛЯ START UP КОМПАНИЙ
И ИНВЕТОРОВ**

ДЕМОНСТРАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ
ПРОДУКТОВ, ЯРКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ,
ВСТРЕЧИ С ИНВЕТОРАМИ,
ПОТЕНЦИАЛЬНЫМИ ЗАКАЗЧИКАМИ
И ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМИ
НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ!